

Х. А. КИНК

ЕГИПЕТ ДО ФАРАОНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Н А Р О Д О В А З И И

Х. А. К И Н К

ЕГИПЕТ ДО ФАРАОНОВ

ПО ПАМЯТНИКАМ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1964

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ответственный редактор
Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН

Хильса Августовна Кинк

ЕГИПЕТ ДО ФАРАОНОВ
По памятникам материальной культуры

Утверждено к печати Институтом народов Азии Академии наук СССР

Редактор *Н. Н. Ермалева*
Технический редактор *Э. Ш. Язловская*
Корректоры *Н. П. Губина* и *М. К. Киселева*

Сдано в набор 6/IV 1964 г. Подписано к печати 26/VIII 1964 г. А 8356.
Формат 70×90^{1/16}. Печ. л. 12,5. Усл. печ. л. 14,33. Уч.-изд. л. 13,87.
Тираж 350 экз. Изд. № 172. Зак. 1172. Темплан 1964 г. № 73. Цена 90 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», Москва, Центр, Армянский пер., 2
Типография издательства «Наука», Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ОТ РЕДАКТОРА

Книга Х. А. Кинк «Египет до фараонов» — обширное исследование из области истории доклассового общества Египта и соседних с ним стран, т. е. области, которая до сих пор у нас была представлена в недостаточной мере, по существу сводилась лишь к небольшим экскурсам в нее. Однако не приходится доказывать, насколько существенно для всеобщей истории изучение доклассового общества в тех странах, где возникли первые классовые общества. Поэтому труд Х. А. Кинк заслуживает особого внимания как фундаментальное исследование и как убедительное свидетельство зарождения новой значительной области нашей исторической науки.

Данная работа посвящена додинастическому Египту, который изучается в монографии в связи с другими древними странами Передней Азии и Африки. Х. А. Кинк приходит к выводам, чрезвычайно существенным для ранней истории как самого Египта, так и окружающих стран. Автор монографии «Египет до фараонов» интерпретирует данные по развитию материальной культуры в древнейшем Египте с позиций марксистско-ленинской методологии. Сочетая обстоятельную критику западной историографии с тщательнейшим исследованием археологического материала, она прослеживает процесс развития производительных сил в Египте до достижения ими такого уровня, при котором становилось возможным образование производственных отношений классового общества и возникновение государства. Попутно автор освещает побочные, но существенные исторические проблемы. Путем тщательного сопоставления собранных археологических и иных данных Х. А. Кинк получает возможность дать хорошо аргументированный положительный ответ на много раз обсуждавшийся в научной литературе важный вопрос о самостоятельном развитии додинастической египетской цивилизации вне существенной зависимости от переднеазиатской.

Ю. Перепелкин

ВВЕДЕНИЕ

Переход от доклассового общества к классовому в Египте представляет собой сложную проблему, которая может быть решена лишь усилиями многих исследователей. Данная работа посвящена в основном выяснению вопроса о развитии производительных сил в Египте с конца V и до начала III тысячелетия до н. э.

Изучение этого периода истории Египта имеет существенное значение для разработки вопроса о способе перехода общества от доклассового к классовому, потому что в Египте этот процесс протекал в очень своеобразных условиях.

Нередко знакомство с общей историей древнего Египта начинают с изложения событий династического, или фараоновского периода, т. е. с III тысячелетия до н. э., и доводят изложение примерно до персидского завоевания в 525 г. до н. э. или несколько позже. Курсу истории древнего Египта часто предшествует только беглый обзор событий за период более чем в тысячу лет, который соответствует в Египте додинастическому времени.

Одной из причин такого слишком беглого изложения истории додинастического периода (примерно конец V—IV тысячелетие до н. э.) является отсутствие письменных источников.

Около 3000 г. до н. э. в Египте мы уже застаем государство¹. Археологический материал, дошедший до нас от этого времени, подтверждает резкое имущественное неравенство в обществе, т. е. наличие классов в Египте. Имется и государственный аппарат, осуществляющий наси-

---

¹ Н. М. Постовская, *Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте*, — ВДИ, 1947, № 1, стр. 233—249. Мы сознательно не пытались выяснить точную хронологию древнейшей истории Египта, а для начала правления первых царей Египта мы взяли дату «около 3000 г. до н. э.». Вопросы хронологии додинастического Египта потребовали бы специальных исследований, уводящих далеко от основной темы работы. Независимо от того, когда именно начался фараоновский период Египта, он неизбежно должен был начаться только после того, как в Египте созрели условия для возникновения классового общества и государства, т. е. когда производительные силы достигли определенного уровня.

лие одного класса над другим². К этому времени в Египте уже была письменность — один из признаков наличия государства³.

В данной работе мы постараемся рассмотреть, какие были у жителей додинастического Египта накануне возникновения в нем классового общества и государства средства производства, производственные навыки и опыт, потому что именно они характеризуют уровень развития производительных сил.

Среди исследователей ранней истории Египта можно встретить сторонников того мнения, что между религией, искусством и другими сторонами жизни додинастического и династического времени в Египте много общего. При внимательном же изучении вопроса оказывается, что материальная культура древнего Египта династического времени уходит своими корнями в додинастическую эпоху, когда в Египте не было ни монументальной каменной скульптуры, ни каменных сооружений, а металл как материал для изготовления орудий и кирпич-сырец лишь постепенно входили в употребление. Материальная культура общества зависит от степени развития орудий, т. е. от уровня развития производительных сил. Для понимания различий между материальной культурой додинастического и династического времени необходимо изучить орудия, технику этих периодов.

Материальная культура каждой страны на равных ступенях развития общества имеет свои особенности, в известной степени зависящие от тех природных условий, в которых живет эта страна. Мы знаем, что географические условия не определяют развития человеческого общества на равных ступенях его развития, но могут замедлить или ускорить его. Египет в те отдаленные времена таил в себе массу возможностей для быстрого развития производительных сил. Климат был более влажный и теплый, чем теперь. Систематическое изучение в течение многих лет Северной Африки привело исследователей к выводу о том, что в неолите климат этого района был влажным⁴. Период так называемых неолити-

² В. И. Ленин, *Государство и революция*, — Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 6—15.

³ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, т. 21, стр. 32.

⁴ Р. Капо-Рей, *Французская Сахара*, М., 1958, стр. 99; K. W. Butzer, *Das ökologische Problem der Neolithischen Felsbilder der östlichen Sahara, Studien zum vor- und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara*, — «Akademie der Wissenschaften und Literatur», Mainz, Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse, Jg., 1958, Nr. 1, S. 20. Вследствие таяния ледников с конца IV тысячелетия до н. э. уменьшения осадков в Северной Африке саванны, простиравшиеся к западу и востоку от долины Нила, постепенно сменяются пустынями. Пустыни, правда, существовали в Египте и в период Старого царства и позднее, но пределы пустыни в те времена были много меньше, чем в наше время. Письменные источники времени Нового царства говорят об охоте фараонов на львов в районах, прилегающих с запада и востока к долине Нила.

ческих дождей начался в V и продолжался в первой половине III тысячелетия до н. э. Исчезновение фауны саванн (слона и жирафы) на наскальных рисунках (петроглифах, стр. 175—177) Египта в эпоху Старого царства свидетельствует об уменьшении дождей в эту эпоху. Нил, несший на поля живительную влагу и плодородный ил, вместе с благотворным действием солнечных лучей обеспечивали обильный урожай. Мягкая аллювиальная почва Египта давала возможность покрыть долину Нила каналами и дамбами с помощью даже деревянных мотыг и корзин. В долине Нила в те отдаленные времена, как и в прилегающих к ней областях, было довольно много тамариска, акаций, финиковой пальмы и других деревьев. Из них изготовляли орудия, лодки, строили жилища, их использовали при сооружении погребальных ям. Заросли папируса служили не только местом охоты на всевозможную дичь, но давали прекрасное сырье для изготовления стенок жилищ и ишиповок. Кроме того, побеги молодого папируса шли в пищу. Часть территории, на которой теперь простирается пустыня, тогда была покрыта растительностью, прильжавшей к растительности современной саванны.

Камень, так рано применявшийся для изготовления топоров, наветший булав, зернотерок и других предметов, добывался в горах, окаймляющих долину Нила, начиная с Моккатама и кончая Сильсиле и Асваном. Кремень, из которого человек каменного века делал себе орудия производства, залегал в горах, а иногда лежал прямо на поверхности в виде желваков. Наличие богатых месторождений диорита, алебастра, гранита и других горных пород, как и кремня, способствовало тому, что человек с давних времен начал добывать и применять их в качестве материала для изготовления предметов обихода и украшений. Горы Восточной пустыни содержали кварцевые жилы, из которых человек очень давно научился добывать золото. Особенно важным для развития жизни в Нильской долине была сравнительная близость месторождений меди на Синайском полуострове и отчасти в Восточной пустыне. Это способствовало раннему развитию металлургии в Египте.

Человек в долине Нила и в прилегающих к ней областях жил уже со времени палеолита. От эпохи неолита в Дельте обнаружено поселение Меримде, в северной части Верхнего Египта — Фаюм и Омари⁵. В южной части Верхнего Египта неолитическую культуру представляет

---

⁵ Вопрос о датировке древнего поселения Омари, расположенного в 3 км к северо-востоку от Хелвана, окончательно не решен. Исходя из форм керамики и кремневых орудий и отсутствия медных орудий мы придерживаемся неолитической датировки памятников, найденных в Омари [Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1958 (далее — ДВ), стр. 79; H. Junker, *Die Geisteshaltung der Ägypter in der Frühzeit*, — «Österreichische Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 237, Bd I, Abh., Wien, 1961 (далее — Geisteshaltung), S. 54—57].

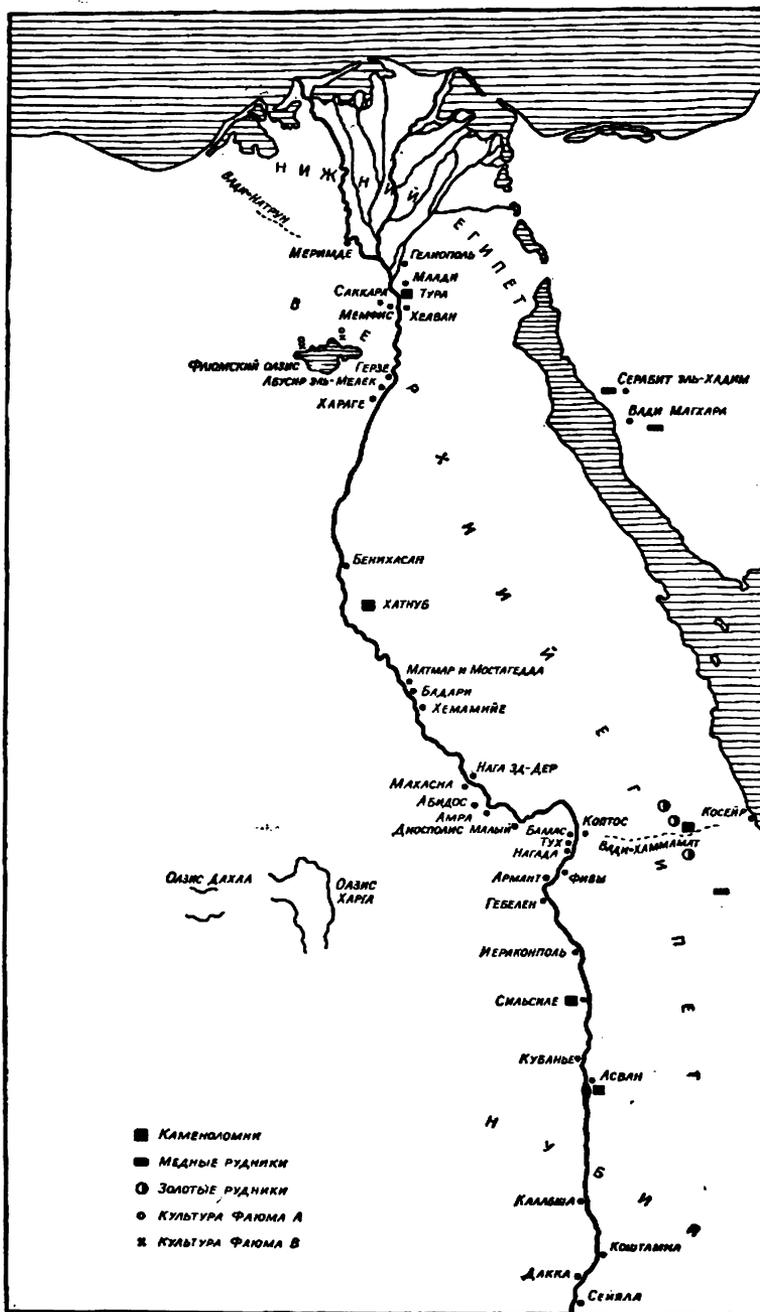
поселение Таса и, как мы считаем, нижние слои поселения Бадари⁶. Мы не считаем правильным относить культуру нижних слоев Бадари к медно-каменному веку, к энеолиту. При ближайшем рассмотрении материальной культуры нижних слоев Бадари обнаруживаются черты сходства с материальной культурой неолитического поселения Таса, расположенного к северу от Бадари. Таковы каменные шлифованные топоры, найденные в обоих поселениях, и некоторые керамические формы. Наряду с этим в Бадари обнаружена керамика, имеющая сходство с керамикой последующего, первого додинастического периода. Основным же моментом, на который мы должны обратить внимание при решении вопроса о месте бадариской культуры в общем процессе развития неолитической и энеолитической культуры в Египте, являются находки медных предметов в Бадари, которые были самыми ранними египетскими медными изделиями. Поскольку в науке считается установленным, что еще в неолите человек пользовался самородными металлами для изготовления украшений, можно допустить, что и бусы из Бадари сделаны из самородной меди. Мы допускаем, что население Бадари свершало первые шаги в выплавке меди из медной руды и, следовательно, вступало в новую эпоху — эпоху энеолита.

В исследованиях по ранней истории Египта можно встретить большую пестроту в терминологии при периодизации отдельных этапов египетской истории⁷. Мы не берем на себя смелость говорить о целесообразности выделения периода энеолита в истории других стран. Что касается Египта, то в нем государство возникает в отличие от многих стран в период господства там медных орудий с большими пережитками каменного века. При этом необходимо иметь в виду одну особенность — огромную роль Нила в развитии производительных сил общества. Развитие же техники изготовления медных орудий, которым в истории древнейшего Египта суждено было сыграть решающую роль, происходило как раз в эпоху энеолита — во время, предшествующее возникновению классового общества и государства в Египте. Поэтому необходимо выделить додинастическое время (эпоху энеолита) как самостоятельный период истории Египта.

Что касается предметов из меди, найденных в бадарийских слоях, то они представляют собой бусины и фрагменты предметов, напоминающих стержни. Предназначение последних до сих пор не установлено. Более осторожно (впредь до новых находок, которые прольют свет на этот

⁶ Название бадариской культуры происходит от арабского названия места Бадари. Впредь слова «Бадари» и «бадариский» будут писаться без указания долготы на втором слове.

⁷ Некоторые авторы не выделяют период энеолита (медно-каменный век), а полагают, что это последний период эпохи неолита, тогда как другие рассматривают его как первый этап медного века.

Археологическая карта додинастического и раннединастического Египта

вопрос) будет определить бадарискую культуру как культуру неолита, в которой обнаруживаются черты перехода к медно-каменному веку (энеолиту). Бадариская культура прослеживается во многих местах южной части Верхнего Египта и в районах, расположенных к югу от первых порогов⁸. Неолит в долине Нила продолжался, по-видимому, сравнительно недолго. По мнению исследователей, неолит в Египте датируется VI и V тысячелетиями до н. э., а с конца V тысячелетия до н. э. начинается переход к энеолиту⁹.

Додинастическая эпоха делится на два периода.

Первый — амратский, или раннединастический, период характеризуется господством каменных и кремневых орудий. О привычке обрабатывать камень говорит и большое разнообразие сосудов из различных твердых и мягких горных пород. В начале первого периода уже появляются медные орудия, которые сначала встречаются в небольшом числе, но со временем их становится больше.

Среди керамики основными можно считать чернозерную керамику (красную керамику с черной полосой сверху) и светло-желтую с белой росписью. Вся керамика изготовлялась без гончарного круга.

Второй додинастический, иначе герзейский, период является дальнейшим развитием как каменной, так и металлургической техники первого периода. Иногда его подразделяют на два периода. Происходит смена форм кремневых орудий, которую мы рассмотрим ниже. Продолжается изготовление каменных сосудов. Помимо мелких медных орудий появляются уже и более крупные из меди: топоры, теса и кинжалы. Характерной керамикой того времени были сосуды с красной росписью.

Топографически археологические памятники додинастической культуры Египта распадаются на три группы: северная часть Верхнего Египта, южная часть Верхнего Египта и район первых порогов (и к югу от них). Впредь мы будем называть район к югу от первых порогов¹⁰, как и южную часть Верхнего Египта, Югом, а северную часть Верхнего Египта и южную часть Нижнего Египта — Севером.

В этой работе мы используем материал из районов к югу от первых

⁸ G. Brunton, *The predynastic town-site at Hierakonpolis. Studies pres. to F. Ll. Griffith*, London, 1932, p. 274; F. Debono, *Expédition archéologique royale au désert Orientale (Keft-Kosseir)*, — ASAE, vol. LI, 1951, fasc. I (далее — Debono, *Expédition*), pp. 68, 88; E. Massoulard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte*. — «Université de Paris, Travaux et mémoires de l'Institut d'Éthnologie», Paris, vol. LIII, 1949 (далее — Prêhist.), p. 356.

⁹ Археологический материал, свидетельствующий о занятии обитателей Египта земледелием и животноводством наряду с охотой, рыбной ловлей и собирательством, дошел до нас с конца V тысячелетия до н. э. Этот период древнейшей истории Египта вплоть до начала Раннего царства мы называем эпохой ранних земледельцев.

¹⁰ Область к югу от первых порогов называют и Нубией и Эфиопией. Причем это название не включает современного государства Эфиопии, жители которой в наше время называют себя эфиопами.

порогов, хотя там начиная со второго периода развитие материальной культуры идет несколько медленнее, чем в пределах Египта¹¹. Пренебрегая в данном случае абсолютной датировкой, мы привлекаем этот материал для большей полноты картины развития материальной культуры Египта в додинастическое время, так как типологически археологический материал, найденный в районе к югу от первых порогов и относящийся к первому и ко второму периодам, мало чем отличается от археологического материала первого и второго периодов, который был обнаружен к северу от первых порогов. Между Севером и Югом, т. е. между северной и южной группами находок — около 200 км мало исследованного пространства.

У авторов, изучавших материальную культуру додинастического Египта, существовало несколько точек зрения относительно датировки этих периодов. Питри и Юнкер полагали, что первый и второй периоды следовали один за другим¹². Шарфф же высказал точку зрения, согласно которой материальная культура первого периода была распространена лишь на Юге, а на Севере в это время развивалась другая материальная культура, которую он называет «второй культурой» в отличие от «первой культуры»¹³. После некоторого одновременного существования обеих культур (первой на Юге и второй на Севере) происходит, по мнению Шарффа, проникновение «второй культуры» на Юг.

Однако некоторые факты противоречат теории Шарффа, и сейчас принято мнение Питри и Юнкера о последовательной смене первого периода вторым. Согласно Юнкеру и его последователям, отсутствие материальной культуры первого периода на Севере может быть отнесено как за счет лакуны в наших знаниях, так и за счет локальных особенностей развития материальной культуры первого периода на Севере.

В 1902 г. Питри на основе археологического материала опубликовал обобщающую работу «Диосполис Малый», где дал последовательную схему развития керамики, орудий и других предметов из камня, кости, слоновой кости и меди¹⁴. Эту схему изменения форм изделий он

¹¹ G. A. Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908* vol. I, Cairo, 1910 (далее — Reisner, *Nubia*), pp. 319—320; Prémist., pp. 360, 362, 366; T. Säve-Söderbergh, *Ägypten und Nubien*, Lund, 1941, S. 5.

¹² W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901 (далее — Diosp.), pp. 5—12; H. Junker, *Die Entwicklung der vorgeschichtlichen Kultur in Ägypten*, — «Festschrift für P. W. Schmidt», 1928, S. 875.

¹³ A. Scharif, *Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte*, Leipzig, 1927 (далее — Scharif, *Grundzüge*), S. 38.

¹⁴ Diosp., pp. 4—8. За несколько лет до выхода в свет работы Питри Морган (см. J. Morgan, *Recherches sur les origines de l'Égypte, vol. I, L'Âge de pierre et les métaux*, Paris, 1896) описал материальную культуру додинастического Египта, обнаруженную в результате первых археологических раскопок, но при этом он не ставил вопроса об относительной датировке рассматриваемых им памятников.

назвал системой последовательных дат, которую у нас принято называть системой относительных дат (сокращенно о. д. — X. К.). Начало разработке этой системы было положено еще монографией «Нагада и Баллас»¹⁵, где Питри описал изменения формы ручек сосудов (класс W). Ручки претерпели на протяжении второго периода большие изменения и превратились в простой орнамент на сосуде. Это-то постепенное вырождение ручек и послужило материалом для последовательной, относительной датировки керамики. Аналогичным образом были разработаны относительные даты и по данным археологических раскопок первого периода, где в основу датировки были положены изменения прежде всего в керамике. Питри расположил весь археологический материал последовательно на 51 ступень, начиная с о. д. 30 и по 80. Даты с 1 по 29 он оставил на случай будущих открытий. Для первого периода Питри нашел возможным отнести с о. д. 30 по 37, а с о. д. 38 по 79 — для второго периода.

Вторую половину второго периода Питри выделил в самостоятельный третий период. С этим, однако, трудно согласиться так как деградация форм палеток и керамики и ухудшение техники изготовления кремневых орудий, которую подметил Питри, не являются существенными изменениями в материальной культуре того времени, и поэтому целесообразнее придерживаться деления только на два периода.

Система относительных дат Питри была создана на основе типологии керамики, найденной им в погребениях Нагады и Диосполиса Малого. Раскопки же додинастических поселений не велись в то время столь систематически, как теперь. Не была разработана стратиграфия этих поселений. Последующие археологические раскопки додинастических поселений 20—40-х годов не дали возможности проверить систему относительных дат непосредственно на археологическом материале этих поселений. Некоторое исключение составляет поселение Хемамийе в Верхнем Египте, где были обнаружены последовательно залегающие слои с материальной культурой Бадари, первого и второго периодов¹⁶.

При построении своей системы относительных дат Питри высказал ряд предположений и догадок, часть из которых впоследствии подтвердилась. Эта система остается основой датировки древнейшей истории Египта, так как при современном состоянии науки точная абсолютная хронология додинастической эпохи еще невозможна¹⁷. Впредь мы будем

¹⁵ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896, p. 39.

¹⁶ Однако найденная внутри этих слоев материальная культура не дала возможности проверить правильность размещения керамики, орудий и прочих изделий внутри системы относительных дат Питри. Слишком фрагментарными оказались эти остатки материальной культуры, и сами культурные слои были перемешаны.

¹⁷ Массулар, основываясь на системе относительных дат Питри, подразделяет все додинастическое время на три хронологических этапа: древний — о. д. 30—39, средний—

также пользоваться этим способом датировки. При этом надо иметь в виду, что каждая относительная дата не выражает какого-то определенного отрезка времени, так как основная ее цель — дать представление о последовательности изменений. Определение же точных абсолютных дат додинастической истории Египта является задачей будущих исследований.

Последние достижения в области ряда точных наук помогают историкам в датировке древних памятников. Существует несколько способов определения возраста предметов из материалов органического происхождения. Практическое значение для древней истории Египта имеет лишь способ определения возраста предмета и материалов по остаточному количеству радиоактивного углерода, содержащегося в материалах органического происхождения (дерево, волос и др.)¹⁸.

Однако поскольку определения дат по радиоактивному углероду C^{14} для ранней истории Египта являются далеко не точными и при этом дается поправка в сторону уменьшения или увеличения даты до 300 лет, то невозможно назвать точную дату и для первой династии Египта¹⁹. Туринский папирус также не дает ответа на вопрос о датировке ранней истории Египта. В 1927 г. Шарфф, принимая во внимание сумму в 955 лет для периода царствований с I по VI династию, определил дату для начала первой династии как 3200 г. до н. э.²⁰, а в 1950 г. эта дата была заменена уже 2850 г. до н. э.²¹. Иными словами, не исключена возможность дальнейших поправок датировки первой династии, начала Раннего царства в Египте²². Поэтому осторожнее будет считать датой начала

о. д. 40—60 и поздний — о. д. 61—76, и, кроме того, предлагает ввести понятия культурных комплексов: амратский, герзейский и культура Маади (Préhist., p. 67). Шарфф и Баумгертель предлагают культурой Нагады I и культурой Нагады II называть соответственно культуру первого и второго периодов. Кроме того, в 50-х годах Кайзер и Шарль попытались создать новые хронологические схемы развития додинастической материальной культуры, которые, однако, ждут проверки на материалах будущих археологических раскопок (W. Kaiser, *Stund und Probleme der ägyptischen Vorgeschichtsforschung*. — AZ, 81, 1956, S. 107; R.—P. Charles, *Essai sur la chronologie des civilisations prédynastiques d'Égypte*, — JNES, vol. XVI, 1957, № 4, pp. 240—253).

¹⁸ W. F. Libby, *Radiocarbon dating*, — «Endeavour», London, vol. XIII, 1954, № 49, pp. 5—16.

¹⁹ Юнкер считает совершенно неприемлемой столь позднюю датировку культуры Омари, которую дает метод C^{14} . Он придерживается по-прежнему неолитической датировки этого поселения, так как материальная культура Омари соответствует неолитической культуре Меримде и Фаюма (см. Geisteshaltung, S. 55—57).

²⁰ Scharif, *Grundzüge*, S. 51.

²¹ A. Scharif und A. Moortgat, *Ägypten und Vorderasien im Altertum*, München, 1950. S. 191.

²² Ранним царством мы будем называть период древней истории Египта, который следует непосредственно за додинастическим временем и кончается правлением царей второй династии. В этот период мы включаем и время правления непосредственных предшественников Менеса.

первой династии время «около 3000 г. до н. э.», имея в виду, что дальнейшие исследования внесут уточнения.

В период безраздельного господства каменных и кремневых орудий и затем их преобладания над металлическими орудиями население Египта жило первобытнообщинным строем, ибо низкая производительность труда заставляла людей работать сообща и их общий труд обуславливал и общую собственность на средства и продукты производства. Изготовление орудий труда из металла привело к значительному повышению производительности труда в земледелии, открыло широкие возможности в ремесле и строительстве.

Такие материалы, как дерево и ткани, подвергались при этом частичному или полному разрушению. Керамика, как правило, оказывалась раздавленной. Металлические предметы также пострадали. Однако в Египте благодаря его геолого-географическим условиям сохранилось гораздо больше предметов древности, чем в других странах. Помимо разрушений, нанесенных временем, многое погибло уже в древности. Большинство погребений были ограблены. Нередко при захоронении нарушались нижние слои, где залегали более древние погребения. Земледелец для удобрения полей применяли строительный мусор и прочие остатки, которые они находили и выкапывали на местах древних поселений неподалеку от своих полей. Поэтому наши археологические данные как из мест погребений, так и из древних поселений далеко не полны. Материал этот начал поступать в научный обиход с 90-х годов прошлого века. Однако первые 30 лет исследований ранней истории Египта ушли на создание подлинно научного метода раскопок.

Амелино, Морган, Питри и другие ученые положили своими раскопками начало изучению истории Египта эпохи неолита и энеолита. В дальнейшем было опубликовано много работ, которые ввели в науку археологический материал, найденный в Египте. Однако разработка ряда проблем истории древнего Египта остается нерешенной. Ждет своего решения и проблема изучения предпосылок возникновения государства в Египте и тесно связанный с нею вопрос о переходе от камня к металлу.

В период энеолита наряду с каменными были в ходу и орудия из дерева, рога, кости и слоновой кости. При рассмотрении орудий и прочих предметов мы не выделяем оружия, так как орудие могло выполнять много функций.

О степени развития производства мы можем судить не только по самим орудиям, но и по тем предметам, которые были изготовлены при их помощи. Поэтому некоторое место отводится и рассмотрению предметов обихода и украшений.

Проблемы, связанные с возникновением металлургии, с распространением медных орудий и других материалов, приводят к вопросу об

источниках их поступления в Египет и о связях жителей Египта с соседними странами, и в первую очередь с Передней Азией. Материал по этому вопросу оказался настолько обширным, что его пришлось выделить в отдельную главу.

Автор в своем исследовании опирался на издания археологического материала, добытого в Египте и частично приобретенного на месте у жителей за период с конца XIX в. и до последних лет, на отдельные публикации и на материал отдела Востока ГМИИ имени А. С. Пушкина в Москве, а также Нубийской экспедиции АН СССР 1961—1962 гг.

Однако данная работа не является полной публикацией всех археологических находок, в ней дана лишь краткая характеристика интересующего нас материала с необходимыми ссылками на соответствующие образцы и сделана попытка по мере сил изучить орудия в процессе их развития в додинастическую эпоху.

Археологический материал, на основе которого написана данная работа, до того как стал известен исследователям, лежал под землей около шести тысяч лет.

Специальных исследований, посвященных вопросу перехода от каменных к металлическим орудиям производства в Египте, не существует до сих пор. В некоторых работах Питри касается этого вопроса. Так, в «Искусствах и ремеслах» и несколько позже в «Орудиях и оружии» автор уделил много внимания развитию ремесел в додинастическом Египте²³. Он правильно подметил, что высокое мастерство кремневой техники в конце второго периода приходит в упадок. Медные изделия с самого начала первого периода, по его мнению, являются результатом лишь обработки меди способомковки. Однако эти работы не дают глубокого анализа причин изменения в технике обработки камня, кремня и меди, а представляют собой главным образом описание собранного материала. В 1920 г. вышла еще одна его работа «Доисторический Египет», где прослеживается зависимость форм медных орудий от форм каменных²⁴. Этот вопрос и раньше поднимался в археологической литературе по Египту, но Питри первый разбирает его на конкретном небольшом материале в свете последовательности относительных дат. В оценке значения медных орудий для того времени Питри не пошел далее Брестеда, считавшего, что додинастическая эпоха в Египте не что иное, как медленный переход от камня к металлу²⁵.

В 20-х годах XX в. в Египте были проведены археологические исследования, давшие большой материал для понимания истории додина-

²³ W. M. Fl. Petrie, *Arts and crafts of Ancient Egypt*, Edinburg—London, 1909; *Tools and weapons*, London, 1917.

²⁴ W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE), p. 25.

²⁵ Д. Г. Брестед, *История Египта*, т. I, М., 1915, стр. 30.

стического Египта. Издаются материалы раскопок Кэтон-Томпсон и Гарднера в неолитическом поселении в Фаюме, раскопок Юнкера в Меримде, раскопок энеолитических поселений в Абусир эль-Мелеке и Маади. В южной части Верхнего Египта (Таса, Мостагедде и Матмаре) также ведутся раскопки, которые дали материал по истории не только додинастического, но и бадариского времени. В 1937 г. были изданы результаты раскопок в Арманте, расположенном к югу от Фив. Исследования Юнкера (1920 г.) в Кубанье явились как бы продолжением работы Рейснера и Фёрса, открывших в самом начале XX в. в Нижней Нубии материальную культуру додинастического и раннединастического времени (см. карту). До наших дней продолжается работа по обработке и анализу имеющегося археологического материала с целью решить ряд проблем по истории додинастического Египта.

Среди многих вопросов, которые были подняты исследователями ранней истории Египта на протяжении последних шестидесяти лет, главными являются проблема происхождения неолита и энеолита в Египте и тесно с ней соприкасающийся вопрос о связях додинастического Египта с соседними странами и о степени самостоятельности развития общества в долине Нила в эпоху неолита и энеолита.

Многие авторы, начиная с Моргана и Питри, сравнивали материальную культуру Египта с материальной культурой стран Передней Азии, и в первую очередь Южного Двуречья. Считалось само собой разумеющимся, что эти два центра древнейшей культуры не могли возникнуть независимо друг от друга.

Изучение истории древнейшего Египта можно разделить на несколько этапов в зависимости от того, как рассматривался основной вопрос — вопрос о возникновении древнейшей культуры Египта. Первый этап начинается с Амелино, Моргана и Питри. Морган и Питри положили начало учению, согласно которому все основные технические и культурные достижения не возникли самостоятельно в долине Нила, а явились результатом заимствования или были принесены завоевавшими долину племенами. При сравнении материальной культуры первого и второго периодов Питри заметил различия, которые он считал результатом вторжения «народа второго периода», носителя этой культуры²⁶. Пришельцы, по его мнению, прибыли в Египет из района Красного моря через Вади-Хаммамат, откуда постепенно распространились на север и на юг по Нильской долине. Одной из особенностей материальной культуры второго периода Питри считал каменные сосуды. Их производство, по его мнению, могло возникнуть лишь в районе, богатом соответствующими горными породами, шедшими на изготовление сосудов. Он допускал, что таким районом была Вади-Хаммамат.

---

²⁶ PE, p. 48.

В числе неолитических находок Севера были и каменные сосуды. Тем самым положение Питри о том, что первыми изготовителями каменных сосудов в Египте был «народ второго периода», якобы пришедший с востока, отпало. Кроме того, как показал Лукас, лишь 15% камня, шедшего на изготовление сосудов в додинастическое время, поступало из Восточной пустыни, а весь остальной камень добывался в Фаюме, Асване и в других частях долины Нила²⁷.

Концепция Питри, которая будет нами разобрана в дальнейшем подробно, оказала сильное влияние на работы других ученых: Уайспрайта, Пинга, Кэтон-Томпсон, Брантона, а позже и на Баумгертель.

Несколько особо стоит работа английского археолога Чайлда «Древнейший Восток в свете новых раскопок»²⁸. Некоторые вопросы древней истории Египта он трактовал, на наш взгляд, правильно, хотя, придерживаясь теории «диффузии», придавал слишком большое значение связям древнего Египта со странами Передней Азии.

Помимо английской школы немаловажную роль в изучении древнейшей истории Египта сыграли также немецкие и австрийские исследователи. Мёллер раскопал в начале XX в. додинастическое кладбище в Абусир эль-Мелеке. Археологический материал этих раскопок был, однако, издан лишь после его смерти в 1926 г. Шарффом. При издании материалов этих раскопок, а затем в отдельной работе «Основные черты египетской доистории» и в других работах он по-новому рассматривал проблему происхождения культуры додинастического Египта²⁹. По его мнению, материальная культура додинастических погребений и поселений южной части Верхнего Египта (Юга) обнаруживает сходство с материальной культурой районов к югу от первых порогов, где сохранились отдельные черты этой культуры и в фараоновское время: чернотелые сосуды, особенность украшать глиняные сосуды по верхнему краю фигурками животных и др. Поэтому Шарфф полагает, что материальная культура о. д. 30—37, называемая им «первой культурой», имеет африканское происхождение.

Материальная культура погребений северной части Верхнего Египта (погребения Герзе, Абусир эль-Мелека и Хараге), или, по его терминологии, «вторая культура» (о. д. 38—80), имеет много общего с материальной культурой Палестины (волнистые ручки). Центр ее Шарфф предлагает искать где-то в Дельте³⁰.

---

²⁷ А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*, М., 1958, стр. 640, прим. 2.

²⁸ ДВ.

²⁹ «Die archaologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharff», Leipzig, 1926, S. 72—79; Scharff, *Grundzüge*, S. 38.

³⁰ Scharff, *Grundzüge*, S. 15—27.

Что же касается французских исследователей Массулара и Вандье, то они совершенно правильно характеризуют додинастическое время как медно-каменный век, который начинается с применения меди в качестве материала для изготовления орудий, но для них этот факт не имеет связи с вопросом возникновения классового общества и государства.

Работа Массулара «Доистория и протоистория Египта» охватывает большой период от палеолита до конца Раннего царства и рассматривает орудия и прочие предметы из камня, кости, слоновой кости, металла и других материалов³¹. В ней материал по додинастической истории Египта изложен по принципу культурных комплексов: неолита и энеолита. Отдельные главы посвящены бадарской, амратской, герзейской культурам и культуре Маади.

Монография Массулара ценна тем, что в ней дана сводка литературы по древнейшей истории Египта, имевшейся к концу 40-х годов, за исключением работ, изданных на русском языке.

Надо отметить, что Массулар по спорным вопросам древнейшей истории Египта приводит мнения разных авторов (часто противоречивых) и не высказывает при этом своего суждения, предоставляя решать вопрос читателю. Что же касается орудий, то он рассматривает их лишь описательно, не делая обобщений относительно уровня ремесла или сравнения орудий из камня с орудиями из других материалов.

Другой сводной работой является работа Вандье «Руководство по археологии Египта»³², в которой он подробно останавливается на описании поселений, погребений, жилищ неолитического и энеолитического Египта и чрезвычайно мало внимания уделяет орудиям.

В отличие от работы Массулара Вандье ведет полемику с другими авторами по вопросам происхождения и развития додинастической культуры Египта, что было в свое время отмечено М. Э. Матье³³.

Необходимо также остановиться на работах Баумгертель, в которых она делает попытку пересмотреть положения о происхождении и развитии материальной культуры додинастического Египта. Мы подробнее остановимся на этом вопросе, так как некоторые выводы, к которым приходит Баумгертель, находят себе сторонников среди исследователей, не занимающихся специально изучением истории древнего Египта, но касающихся в своих работах материала по его истории³⁴.

В свое время Н. М. Постовская подвергла серьезной критике первую часть работы Баумгертель «Культуры доисторического Египта»³⁵ за ее

³¹ Préhist.

³² J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952 (далее — Vandier, Manuel).

³³ М. Э. Матье, *Искусство древнего Египта*, Л.—М., 1961, стр. 504.

³⁴ G. Clark, *World prehistory. An outline*, Cambridge, 1961, p. 100.

³⁵ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947 (далее — СРЕ).

объяснения развития истории додинастического Египта одними завоеваниями и миграциями³⁶. В 1952 г. Баумгертель напечатала статью, в которой кратко резюмировала свои взгляды на возникновение и развитие додинастических культур Египта³⁷. За 1947—1960 гг., когда появилась вторая часть ее работы под тем же названием, она собрала новый материал, который, по ее мнению, еще больше подтверждает правильность ее теории относительно происхождения и развития древнейших культур Египта в V—IV тысячелетиях до н. э.³⁸

В новой постановке вопроса о происхождении и развитии додинастической египетской культуры Баумгертель исходит из нескольких положений, которые можно кратко сформулировать следующим образом.

1. Египет к северу от Асьюта (исключением является лишь Фаюм) в период от конца верхнего палеолита и до начала второго периода был заболочен, и человек здесь не жил. Все те поселения к северу от Асьюта (Фаюм, Меримде и Омари), которые рассматриваются другими исследователями как неолитические, являются додинастическими и должны быть отнесены к первому и второму периодам³⁹.

2. Первыми древнейшими жителями Египта были бадарийцы (раньше первыми поселенцами Египта она же считала тасийцев), пришедшие откуда-то с юга в район Бадари. Они умели выращивать злаковые культуры, пшеницу и ячмень (по ее мнению, переднеазиатского происхождения), разводить домашний скот (у них были домашние овцы и козы), а также уже знали металлы. Все эти знания бадарийцы получили из стран Передней Азии еще до своего прихода в Египет⁴⁰.

3. Вся дальнейшая история додинастического Египта и ее культура рассматриваются как результат внесения извне, из стран Передней Азии, переселенцами второго периода в долину Нила ряда технических и культурных достижений⁴¹.

Переходим к рассмотрению первого положения Баумгертель. Для доказательства его она ссылается на работы Сэндфорда и Оркелла⁴², которые утверждают, что для времени с конца палеолита и до начала поселения бадарийцев в Верхнем Египте следов жизни человека не

³⁶ См. рецензию Н. М. Постовской на книгу Баумгертель в ВДИ, 1950, № 3, стр. 160—165.

³⁷ E. J. Baumgartel, *Some notes on the origins of Egypt*, — «Archiv Orientalní», vol. XX, 1952, № 1—2 (далее — Notes), pp. 278—287.

³⁸ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — CPE II).

³⁹ CPE, p. 24; Notes, p. 278.

⁴⁰ Notes, p. 279.

⁴¹ CPE, pp. 39—42, 50—51, 119; Notes, pp. 280—282; CPE II, pp. 3, 8, 18, 21, 23, 34, 140, 154.

⁴² Notes, p. 278; K. S. Sandford and W. J. Arkell, *Paleolithic man and the Nile Valley in Nubia and Upper Egypt*, — «The University of Chicago Oriental Institute Publica-

найденно. Правда, Сэндфорд⁴³ считает находки в Хелване верхнепалеолитическими, однако другие исследователи⁴⁴ рассматривают хелванские находки как культуру, имевшую элементы мезолита (наконечники стрел и пластинки, могущие быть использованы в качестве вкладышей серпов, хотя рукояток от серпов натуфийского типа в Хелване и не было найдено, как не было там обнаружено и шлифованных орудий). Поэтому утверждение Сэндфорда является спорным.

Но если согласиться с его мнением, то где гарантия, что более ярко выраженные мезолитические культурные комплексы еще не будут найдены в Египте⁴⁵. В 1949 г. Дебонно действительно нашел в Восточной пустыне в районе оаза Лакейты мезолитические орудия: наконечники стрел и вкладыши серпов, которые обнаруживают следы связи с верхнепалеолитическими орудиями⁴⁶.

Кроме того, Сэндфорд в 30-х годах не отрицал, что в Фаюме жили неолитические поселенцы. Баумгертель же относит культуру Фаюма к первому и второму додинастическим периодам и полагает, что Египет в своем развитии не переживал периода чистого неолита, так как самые ранние поселенцы Египта — тасийцы и бадарийцы — уже знали, по его мнению, медь.

В доказательство того, что Дельта и северная часть Верхнего Египта были до начала второго периода заболочены, Баумгертель приводит тот факт, что поселения тасийцев и бадарийцев и поселения первого периода даже в Верхнем Египте⁴⁷ были расположены не в самой долине Нила, а на острогах гор, окаймляющих Нильскую долину, а жилища населения второго периода находятся уже ниже. Баумгертель объясняет это тем, что за время первого периода произошло осушение части долины Нила, и человек начиная со второго периода мог устраивать свою хижину в самой долине реки. С этого же времени соответственно начала осушаться Дельта и долина Нила, непосредственно примыкающая к ней с юга, настолько, что там человек уже мог селиться.

Она совершенно игнорирует материалы зондирования почвы в Дельте, в результате которого были обнаружены на глубине 24 м черепки неолитической керамики, что дает основание для предположения о возможности жизни человека в Дельте уже в эпоху неолита⁴⁸. По нашему

---

tions», vol. XVII, (1933), p. 46; K. S. Sandford, *Paleolithic man and the Nile Valley in Upper and Middle Egypt*, — «The University of Chicago Oriental Institute Publications», vol. XVIII, [1934], pp. 105, 107.

⁴³ Préhist., p. 30.

⁴⁴ F. Debono, *Le Paléolithique final et le Mésolithique à Héliouan*, — ASAE, vol. 48, fasc. 2, 1948, pp. 629—637.

⁴⁵ Préhist., p. 40.

⁴⁶ Debono, *Expédition*, pp. 64—66.

⁴⁷ CPE, p. 3.

⁴⁸ Préhist., pp. 31, 49.

мнению, постепенное перемещение поселений в эпоху энсолита в долину Нила в Верхнем Египте не может быть неопровержимым доказательством в пользу положения Баумгертель об общей заболоченности Дельты и северной части Верхнего Египта. Ведь долина Нила в северной части Верхнего Египта имела большие заболоченные участки независимо от состояния почвы к югу от Дельты, пока человек не начал осушать эти заболоченные земли. Неизвестно, где были расположены поля бадарийцев и поселения жителей первого периода, но возможно, что в то время обрабатывались еще участки земли, которые находились несколько выше равнинной части долины и осушались после спада воды естественным образом. Позднее же, вероятно во втором периоде, когда человек стал осушать земли и устраивать ирригационные сооружения, ниже, в равнинной части долины, он, естественно, стал устраивать и свои поселения ближе к полям, т. е. ниже того уровня, на котором были раньше поселения бадарийцев и поселения первого периода.

Утверждение Баумгертель об отсутствии в поселениях северной части Верхнего Египта и в Дельте, в Фаюме А и в Меримде раковин и других предметов, свидетельствующих о связи этих поселений со Средиземноморьем, без геолого-географических обоснований, которые могли бы подтвердить правильность ее мнения о заболоченности указанных районов Египта, остается недоказанным⁴⁹.

Никак не объясняет Баумгертель и различия в высоте над уровнем моря в оазе Фаюм между местом расположения палеолитических находок (28—23 м), неолитических находок культуры А (10 м) и культуры В (4 м) и додинастических памятников (2 м)⁵⁰.

Единственные известные мезолитические культуры Египта дошли до нас из Лакейты и Хелвала, но и они, к сожалению, очень плохо изучены. До сих пор для Египта неизвестны ранне-неолитические культуры, которые были обнаружены в Южном Туркестане в Джейтуне. В результате тщательных исследований в Джейтуне удалось проследить процесс постепенного оседания мезолитических охотников и превращения их в ранних земледельцев в VIII и V тысячелетиях до н. э.⁵¹ В Джейтуне об-

---

⁴⁹ Бутцер полагает вопреки мнению многих исследователей (Чайлд, Франкфорт и др.), что человек в долине Нила жил уже задолго (15—20 тыс.) до начала неолита в Египте (K. W. Butzer, *Environment and human ecology in Egypt during the predynastic and early dynastic times*, — «Bulletin de la Société de Géographie d'Égypte», Cairo, vol. 32, 1959, pp. 43—87). Он считает необходимым искать культуру предшественников населения Меримде, датируемого им концом V тысячелетия до н. э., под слоем ила в Дельте (K. W. Butzer, *Archaeology and geology in Ancient Egypt*, — «Science», 132, [1960], № 3440, p. 1623).

⁵⁰ Préhist., p. 516.

⁵¹ V. Masson, *The neolithic farmers of Central Asia*, — «VI International congress of prehistoric and protohistoric sciences, Report and communications by archaeologists of the USSR», Moscow, 1962, pp. 3—7.

наружены две ступени развития. Первая ступень характеризуется хозяйством, в котором сочетается земледелие с животноводством при сохранении, однако, значительной роли охоты и обработки продуктов охоты. Следующая ступень отличается от первой резким сокращением значения охоты и усилением роли животноводства. Изменения претерпевают и орудия. Если в первой фазе развития джейтунской культуры наблюдается обилие микролитов, характерных для мезолита (среди них особенно выделяются орудия для обработки шкур, дерева и кости), то во второй фазе микролиты исчезают, кроме вкладышей серпов.

Напрашивается вопрос: не имеет ли такая закономерность развития общества в период перехода от мезолита к неолиту всеобщий характер?

Можно предположить, что развитие общества в Египте в период перехода от мезолита к неолиту происходило подобным же образом. Жизнь ранних земледельцев Джейтуна в V тысячелетии до н. э. (во второй фазе) имела много общих черт с образом жизни ранних земледельцев Фаюма, Меримде, Таса и Бадари. В этих поселениях Египта материальная культура свидетельствует о занятиях жителей этих поселений земледелием, животноводством, охотой, рыболовством и собирательством (см. главу 6). Из микролитов мезолитического времени известны лишь вкладыши серпов и небольшое число маленьких кремневых ножей. Если верно наше предположение, то совершенно необязательно связывать начало жизни неолитических поселений в Египте только с приходом сюда человека с юга, тем более, что сама Баумгертель⁵² не может указать примерный район, откуда он шел. В самом же Египте культура Бадари была распространена широко, поскольку остатки ее обнаружены во многих местах Верхнего Египта.

Кроме того, данные антропологии не согласуются с положением Баумгертель. Антропологические различия между населением Таса и населением Бадари не подтверждают прихода тасийцев с юга⁵³. Частичное проникновение в Египет южных этнических элементов могло иметь место и в неолите и в энеолите, но вряд ли можно говорить о начале эпохи неолита в Египте без всякой связи ее с эпохой мезолита, как это делает Баумгертель⁵⁴. Кроме того, трудно допустить, чтобы мезолитическая культура в Египте существовала бы только в Хельване и в районе Лакейты. По-видимому, были и другие мезолитические стоянки охотников, которые еще не обнаружены. Не исключена возможность, что на основе различных мезолитических культур севера и юга Египта с их локальными особенностями и сложились раннеземледельческие культуры Севера и Юга, имеющие в свою очередь особенности, которые неоднократно

---

⁵² СРЕ, pp. 78, 100; Notes, p. 279.

⁵³ Geisteshaltung, S. 65—66.

⁵⁴ СРЕ, p. 19; Notes, p. 287.

отмечались исследователями⁵⁵. Поэтому непонятно, почему Баумгертель придерживается трудно доказуемого утверждения, будто древнейшая египетская культура могла прийти лишь с юга, и игнорирует при этом все возможные связи Египта с Северной Африкой и Передней Азией в тот начальный период⁵⁶.

Ряд авторов видит в североегипетском неолите Меримде и Фаюма черты, указывающие на связи его с неолитом Сахары⁵⁷. Юнкер в своей последней работе пришел к выводу, что у культуры Меримде, у древнейших культур Палестины и Малой Азии имеются общие черты, которые, однако, не позволяют говорить о существовании непосредственных связей между населением Меримде и этих стран⁵⁸. Культура Меримде моложе неолита Перихона на тысячелетия. Поэтому Юнкер высказывает предположение о том, что в основе неолитических культур Меримде и Палестины лежит одна протонеолитическая культура, давшая начало североегипетскому и палестинскому неолиту. Все указанные черты сходства не позволяют, однако, говорить совершенно определенно о происхождении неолита Египта⁵⁹. Чайлд считал, что и неолит Севера (сахарский) и неолит Юга (суданский) имеют африканские черты, но для окончательного подтверждения суданско-сахарского происхождения неолита Египта необходимы доказательства, которые еще отсутствуют⁶⁰.

По утверждению Баумгертель, культуры Меримде и Фаюма произошли от культур первого и второго периодов Юга, восходящих в свою очередь к культуре Бадари. При таком допущении единой линии развития древних культур Египта Баумгертель необходимо доказать, что культуры Фаюма и Меримде не неолитические, а энеолитические и по времени соответствуют энеолитическим культурам остального Египта.

⁵⁵ Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние изучения додинастического Египта*, — «Проблемы истории доконтрактных обществ», 1934, № 7—8, стр. 139; «Пароды Африки», М., 1954, гл. I «Древнейшая история коренного населения Африки» написана Д. А. Ольдерогге (далее — Ольдерогге, *Древнейшая история*), стр. 53.

⁵⁶ СРЕ, р. 24; Notes, р. 287.

⁵⁷ Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние...*, стр. 139; ДВ, стр. 89—90; H. Junker, *Bericht über die Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame (Westdelta) 1. bis 30. März 1929*, — «Anzeigen der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 66, Jg. 1929, Wien und Leipzig, 1930, Nr. XVI—XVIII (далее — Mer. I), S. 180; H. Junker, *Bericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame vom 2. Jänner bis 20. Februar 1933*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 70. Jg. 1933, Wien und Leipzig, Nr. XVI—XXVI (далее — Mer. IV), S. 96.

⁵⁸ Речь идет об употреблении грушевидной формы булавы, об обычае хоронить покойников в черте поселения и др. (Geisteshaltung, S. 61—63).

⁵⁹ Geisteshaltung, S. 64.

⁶⁰ ДВ, стр. 90.

В основу новой датировки культуры Меримде и Фаюма она кладет различия в технике изготовления кремневых орудий⁶¹. Однако, как считают многие исследователи древнейшей истории Египта, между техникой неолита и энеолита в области изготовления кремневых орудий не существует резких различий. Дело в том, что в основу своей теории об изготовлении бифасов только в первом периоде, а отщепов — лишь начиная со второго периода она кладет археологический материал, привезенный Питри в Англию. Но, как объясняет Кэтон-Томпсон⁶², из всего археологического материала, раскопанного Питри, в Англию попали лишь лучшие кремневые орудия, в том числе и орудия-бифасы. На самом деле они и орудия-отщепы встречаются в Египте с неолита и до конца додинастического времени. Кроме того, Баумгертель заменяет объективные методы исследования чисто субъективными. Ей кажется совершенно невероятным, чтобы сложная техника изготовления кремневых орудий-бифасов могла быть открыта в Фаюме уже в неолите, так как в Верхнем Египте эта техника прослеживается лишь на орудиях первого периода. Исходя из этого, она и датирует культуру Фаюм А первым периодом. При этом Баумгертель не рассматривает конкретно кремневые орудия первого и второго периодов. Так, ее не смущает отсутствие в культуре Фаюма А лезвий в форме рыбьего хвоста и во втором периоде — орудий в форме ласточкиного хвоста⁶³.

Для обоснования своего положения о столь поздней датировке культуры Фаюма и Меримде Баумгертель должна была бы показать, что вся остальная материальная культура указанных поселений подтверждает ее положение, а не ограничиваться неприемлемым для нас утверждением о своеобразном развитии в Египте кремневой техники и указанием на керамику с вдавленным орнаментом «елочкой» и грушевидной формы навершием булавы, которые действительно находят себе аналогию в материальной культуре второго периода⁶⁴.

Керамика с вдавленным орнаментом «елочкой» найдена в Меримде, в Арманте и Хемамийе, но происхождение ее не выяснено до конца. Ларсен и Юнкер рассматривают распространение этой керамики в неолите и энеолите Египта как результат влияния культуры кочевников Сахары на культуру Египта⁶⁵. Интересно отметить, что эта керамика на Юге найдена в очень небольшом количестве. В Меримде ее также ма-

⁶¹ CPE, pp. 14—15; Préhist., p. 141.

⁶² «Map», vol. 48, April 1948, pp. 47—49 [рецензия Кэтон-Томпсон на книгу Баумгертель (CPE)].

⁶³ A. J. Arkell, рец. на кн.: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt, vol. II, London—New York—Toronto, 1960* — «Bibliotheca Orientalis», Jg. XX, № 1/2. 1963, p. 27.

⁶⁴ CPE, p. 51; Notes, p. 285.

⁶⁵ Geisteshaltung, S. 67.

ло⁶⁶. Она представляет собой лишь небольшую группу керамики второго периода.

Баумгертель оставляет без внимания всю большую группу расписной керамики (табл. I, 9—14), которая отсутствует в неолитических поселениях, но является одной из особенностей энеолитических культур Передней Азии и Египта.

По мнению Баумгертеля, наличие в Меримде и в культуре второго периода грушевидной формы навершия булавы дает основание для пердатировки культуры Меримде в сторону более позднего времени, т. е. датировки вторым периодом. Авторы, специально рассматривающие вопрос о заимствованиях, приходят к заключению, что в случаях, когда в культурах, далеко удаленных друг от друга, имеются общие черты, трудно решить, являются ли они результатом заимствования или параллельного развития. Грушевидной формы булавы — именно такой пример⁶⁷. Мы склонны думать, что это результат независимого развития, так как в материальной культуре Меримде не засвидетельствовано никаких заимствований ни в керамике, ни в формах костяных орудий⁶⁸.

При ближайшем же рассмотрении бросаются в глаза некоторые различия между материальной культурой Меримде и Фаюма и материальной культурой додинастического времени. Так, даже Баумгертель вынуждена отметить, что керамика Меримде примитивна и имеет формы, восходящие к кожаным вместилищам, — отсутствуют истинные ручки и редки носики для слива⁶⁹. То же самое можно сказать и в отношении керамики Фаюма, где мы имеем еще в дополнение к предыдущему примеры «салатниц», свидетельствующих о весьма архаических формах керамики Фаюма.

В Меримде и Фаюме не обнаружено ни медных изделий, ни следов употребления меди вообще. Баумгертель пренебрегает этим показателем, утверждая, что в древнейшем Египте медь была известна даже жителям Таса, предшественникам населения Бадари, так же как и насе-

---

⁶⁶ H. Junker, *Vorbericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame vom 6. November 1931 bis 20. Jänner 1932*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 69. Jg. 1932, Wien und Leipzig, 1933, Nr. I—IV (далее — Мер. III), S. 13.

⁶⁷ Geisteshaltung, S. 61—63.

⁶⁸ H. Junker, *Vorläufiger Bericht über die zweite Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der vorgeschichtlichen Siedlung Merimde-Benisalame vom 7. Februar bis 8. April 1930*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 67. Jg. 1930, Wien und Leipzig, 1931 (далее — Мер. II), S. 35; H. Larsen, *Knochengeräte aus Merimde in der ägyptischen Abteilung des Mittelmeermuseums*, — «Orientalia Suecana», IX, 1960, Uppsala, [1961] (далее — Larsen, *Knochengeräte*), S. 49.

⁶⁹ СРЕ, p. 17.

лению Меримде и Фаюма ⁷⁰. Если даже допустить, что не только медные изделия, но даже следы упогребления меди не сохранились в силу сырости почвы и других причин, то остается один важный момент, который нельзя игнорировать. Марксистско-ленинское понимание обязывает нас учитывать при изучении такой фактор, как связь между появлением медных орудий и общим уровнем развития производительных сил. Употребление медных орудий оказывает огромное влияние на развитие всей материальной культуры, которое выразилось в сложной резьбе по различным материалам, в большом количестве всякого рода предметов украшения, в лучшем изготовлении каменных сосудов и в расписной керамике. Юнкер и Ларсен указывают на множество находок костяных орудий в неолитических поселениях Меримде и Фаюма, как на одну из особенностей этих культур в противоположность малому числу находок костяных орудий в додинастических поселениях. Ларсен объясняет это явление тем, что в додинастическое время костяные орудия (шилья, иглы) заменялись медными ⁷¹.

Эти же авторы отмечают чрезвычайную бедность неолитического поселения Меримде предметами украшения ⁷².

Перечисленные выше моменты наряду с отсутствием меди в Меримде и Фаюме несомненно характеризуют низкий уровень развития производительных сил в этих поселениях времени неолита по сравнению с уровнем развития производительных сил в более поздних, додинастических (энеолитических) поселениях. Следует отметить как показатель большей развитости в позднейших поселениях обилие различных украшений по сравнению с неолитическими поселениями Фаюма и Меримде.

Баумгертель совершенно игнорирует различия в погребальных обычаях Меримде и додинастических жителей Египта, и ни разу она не останавливает своего внимания на данных антропологии, так как эти данные не подтверждают ее положения о южном происхождении населения Меримде ⁷³. По мнению Вандье, обычай хоронить внутри поселения, вблизи от жилищ (Меримде), может свидетельствовать о большей древности поселения по сравнению с временем существования додинастических поселений ⁷⁴.

⁷⁰ Ibid., p. 14.

⁷¹ Mer. I, S. 237; Larsen, *Knochengeräte*, S. 51—53.

⁷² Mer. I, S. 179, 242; Mer. II, S. 60; Mer. III, S. 81; H. Junker, *Bericht über die fünfte von der Akademie der Wissenschaften in Wien und dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung Merimde-Benisalame vom 13. Februar bis 26. März 1933*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 71. Jg. 1934, Wien und Leipzig, Nr. X, 1935, S. 132; Larsen, *Knochengeräte*, S. 46.

⁷³ Préhist., p. 392.

⁷⁴ Vandier, *Manuel*, pp. 106—107; «Orientalistische Literaturzeitung», 1956, № 7/8, S. 308—309 [рецензия Отто на книгу Баумгертель (СРЕ I), изд. 2, 1956].

Не принимает во внимание Баумгертель и данные датировки по радиоактивному углероду C^{14} из Меримде, которые тоже не подтверждают ее положения о столь поздней датировке этого поселения. Радиоуглеродные показатели из Бадари (5744+300)⁷⁵ также противоречат мнению Баумгертель о постепенном распространении земледелия и скотоводства в направлении с юга на север, так как по данным C^{14} культура Бадари моложе культуры Меримде, а по ее утверждению земледелие и скотоводство распространились от бадарийцев к населению Меримде.

Можно было бы допустить правильность мнения Баумгертель об одновременности существования неолитических поселений Меримде и Фаюма и энеолитических культур первого и второго периодов, если бы были доказательства в пользу существования в Египте изолированных областей на Севере, где поселения могли оставаться на уровне неолита в то время, когда вокруг были поселения энеолитические, подобно тому как это наблюдается в древней Индии.

В период существования раннеземледельческих общин в долине Инда в Центральной Индии жили племена охотников, рыболовов и собирателей⁷⁶. Трудно допустить, чтобы в Египте, в стране, прорезанной такой водной артерией, как Нил, могли быть такие изолированные территории. Кроме того, в Фаюме были найдены украшения, изготовленные из раковин, доставленных с берегов Средиземного моря, что свидетельствует о связях жителей Фаюма со Средиземноморьем⁷⁷. Раковины с Красного моря, а также изделия из зеленого камня, добывавшегося в Восточной пустыне⁷⁸, были обнаружены и в Меримде и в Омари. Таким образом, об изолированности поселений Севера в эпоху неолита не приходится говорить и, следовательно, нельзя допустить, чтобы в условиях Египта одновременно могли существовать поселения, находившиеся в общении и при этом стоявшие на разных ступенях развития: одни, живущие в неолите (Меримде, Фаюм и Омари), а другие — в энеолите. Если бы Меримде и Фаюм имели связи с додинастическими поселениями, то они должны были бы получать и другие материальные ценности и технические усовершенствования, чего, однако, не наблюдается.

Баумгертель, как и некоторые другие исследователи, считает, что умение возделывать злаковые культуры и сами злаковые культуры и

⁷⁵ Оркелл в свое время указывал, что Баумгертель пренебрегает данными C^{14} по Фаюму и культуре Нагады I и Нагады II (A. J. Arkell, рец. на кн.: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1955, — «Bibliotheca Orientalis», Jg XIII, № 3/4, 1956, pp. 126); *Geisteshaltung*, S. 56—57.

⁷⁶ См. рецензию В. М. Маасона на кн.: M. W. Wheeler, *Early India and Pakistan to Ashoka*, New York, 1959, — ВДИ, 1962, № 3, стр. 181.

⁷⁷ *Geisteshaltung*, S. 62; G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934, p. 56.

⁷⁸ F. Debono, *El-Omari (près d'Hérouan) exposé sommaire sur les campagnes des fouilles 1943—1944 et 1948*, — ASAE, 1948, fasc. 2, p. 568.

домашние животные — овца и коза — были заимствованы древнейшими египтянами из стран Передней Азии⁷⁹. Баумгертель пишет, что путь, по которому шло заимствование, пролегал через Аден и далек по Персидскому заливу в Иран и Двуречье. По этому пути якобы шло в Египет влияние из стран Передней Азии. Для доказательства своего положения Баумгертель обращается к додинастической керамике Египта, в которой, как она считает, имеются также переднеазиатские заимствования. В росписи керамики первого периода она видит только переднеазиатские мотивы росписи; зигзаги, спирали, волнистые линии, треугольники и др. (табл. 1, 10—13), тогда как такие узоры встречаются у многих народов. Очевидно, прав Вандье, считающий эти мотивы настолько простыми, что они могли возникнуть в Египте и в странах Передней Азии независимо друг от друга⁸⁰, тем более, что сама Баумгертель не может проследить связующие здесь в странах, которые расположены между Египтом и Двуречьем и Ираном. Она безуспешно пытается обнаружить связь между египетской керамикой, появившейся в самом начале первого периода (черная с белым орнаментом) и расписной переднеазиатской керамикой⁸¹. Несмотря на то что Баумгертель не удается найти следы связей, проходивших через Баб-эль-Мандебский пролив (ширина 26 км), она голословно утверждает это. Поскольку до сих пор неизвестно, водились ли в Северной Африке дикие овцы и козы, мы вынуждены считать домашнюю овцу и козу в Северной Африке, и в том числе в Египте, переднеазиатского происхождения. Что же касается путей, по которым эти животные попали в Египет, то большинство исследователей придерживается мнения, что путь их пролегал через Суэцкий перешеек и район Дельты. Юнкер допускает, что если заболоченность Дельты была так велика, что животные не могли ее преодолеть, то остается возможность проникновения на ладьях, которые уже имелись у жителей Меримде⁸². Путь же через Аден остается гипотетичным.

Против мнения Баумгертель относительно путей связи между древними обитателями Египта и обитателями стран Передней Азии говорят и археологические данные из Киренайки. В пещерах Хауа-Фтех над сломом с микролитами охотников, датируемых VI тысячелетием до н. э., находится слой с керамикой, обнаруживающей сходство с глиняной посудой Фаюма А и с кремневой индустрией бифасов — наконечников стрел с выемчатым основанием и с одним выступом, как и в неолитической культуре Фаюма и Меримде. Все это говорит о культурном влиянии, идущем в Киренайку с востока, а не из Сахары⁸³. Датируется этот слой

⁷⁹ СРЕ, р. 24. Подробно этот материал будет нами рассмотрен в главе 6.

⁸⁰ Vandier, *Manuel*, р. 295.

⁸¹ СРЕ, pp. 29—30.

⁸² Mer IV, S. 82; *Geisteshaltung*, S. 62.

⁸³ *Geisteshaltung*, S. 71—72.

второй половиной V тысячелетия до н. э. Очевидно, в Египте на Севере уже существовала в это время неолитическая культура, что совершенно не согласуется с поздней датировкой поселений Меримде и Фаюма. В пещере были найдены также кости вполне одомашненных животных, которые при изучении не обнаружили даже начальных признаков доместикации. Считают, что эти домашние животные, — овца и коза — могли попасть сюда лишь из Передней Азии с востока через Нижний Египет, через Дельту⁸⁴.

Нам остается сделать заключение, что поселения Меримде и Фаюма безусловно относятся к неолитической культуре.

Что касается третьего положения Баумгертель о том, что все сколько-нибудь существенные технические открытия в додинастическом Египте делались под влиянием, идущим из стран Передней Азии, то ниже (в главах 4—6) будет рассмотрен материал по связям Египта с окружающими странами, который нас приводит к выводу, что додинастический Египет не ощущал сильного культурного влияния извне. Поиски аналогий между формой ладей, керамики, художественными мотивами, формой каменных сосудов, а также ввоз материалов, шедших главным образом на украшения, не дают основания говорить о технической и культурной зависимости Египта от стран Передней Азии, хотя именно этим вопросам уделяют большое внимание большинство исследователей.

Общество характеризуется орудиями труда, при помощи которых создаются материальные ценности. До сих пор, однако, не существует работ, которые доказывали бы связь между формами орудий и техникой их изготовления в древнейшем Египте с формами орудий и техникой изготовления их в странах Передней Азии, с которыми Египет имел связи.

Такое важное сельскохозяйственное орудие, как серп (жатвенный нож неолитического времени из Фаюма), имеет деревянную основу, тогда как серп из энеолитического поселения близ Беэршба — костяную основу, т. е. египетский неолитический серп не имеет следов заимствования из Палестины, ближайшей к Египту страны⁸⁵.

Выше мы уже рассмотрели безуспешную попытку Баумгертель⁸⁶ доказать, что улучшение техники изготовления кремневых орудий во втором периоде было якобы связано с приходом в Египет народа второго периода.

У Баумгертель также отсутствуют точные данные о заимствованиях жителями Бадари умения обрабатывать металлы и в первую очередь медь (см. главу 4).

⁸⁴ «A metrical Analysis of some prehistoric domesticated animal bones from Cyrenaican Libya, E. S. Higgs. Мы имели возможность ознакомиться с этой работой по рецензии в журнале «Man», vol. LXII, August 1962, № 200, pp. 119—122.

⁸⁵ J. Perrot, *Bir es Safadi*. — IEJ, vol. 9, 1959, № 2, p. 142 (Notes and news).

⁸⁶ Notes, p. 281; CPE, II, p. 140.

Что касается вопроса о происхождении медной руды, шедшей на изготовление орудий и прочих изделий в додинастическом Египте, то основным местом добычи руды, поступавшей в додинастический Египет, был Синайский полуостров (см. главу 4).

Баумгертель оставляет совершенно вне рассмотрения археологические памятники додинастического времени из районов, расположенных к югу от первых порогов. Мы уже упоминали, что этот материал типологически соответствует материальной культуре додинастического Египта, он помогает расширить наше представление о его культуре⁸⁷.

Баумгертель все свое внимание уделяет памятникам, добытым в Нагаде. Такой особый интерес к этим памятникам объясняется не только лучшей сохранностью их, но и тем, что Нагада, по ее мнению, является древнейшим в Египте городом. Баумгертель относит возникновение города Нагады ко времени первого периода. Это мнение, как нам кажется, ошибочно⁸⁸. В доказательство своего положения Баумгертель приводит глиняную модель из Диосполиса Малого, которая представляет собой часть двух сходящихся под углом (прямым) стен⁸⁹. С внутренней стороны каждой стены стоят человеческие фигурки, которые держатся руками за верхний край стены. Толкование Баумгертель, что это стена-укрепление, слишком произвольно, так как мы не видим никакого оружия у людей-«воинов». Если даже допустить, что данная модель отражает практику строительства стен вокруг поселений, о чем археологические данные у нас отсутствуют⁹⁰, то это еще не дает основания говорить о поселении как о городе⁹¹.

⁸⁷ Также неправильной является ее установка не рассматривать тот археологический материал додинастического времени, который в свое время был обнаружен и опубликован исследователями, но в силу различных обстоятельств не был ей доступен. Вследствие этого вне поля зрения Баумгертель остались деревянные орудия и многие изделия из других материалов. Такая установка (не принимать во внимание памятников Нубии и тех памятников додинастического Египта, которые не сохранились) неизбежно сужает тот фундамент, на котором она строит свою работу.

⁸⁸ СРЕ, р. 12; СРЕ II, р. 133.

⁸⁹ Diosp., р. 32, pl. VI, № В₃₃(34—48); СРЕ II, р. 135, pl. XII₁—2. № с последующими арабскими цифрами или арабскими цифрами и буквами означают номера могил.

⁹⁰ Ссылка Баумгертель на находку остатков стен в южном поселении Нагады — Нубет (СРЕ, р. 27) не может быть принята без оговорок, так как в свое время там не было проведено систематических исследований. Остатки же ограды из Хемамии и Махаоны, состоящие из часто поставленных деревянных столбов, скорее могут являться частью загона для скота и т. д., нежели стеной-укреплением [G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — ВС), pp. 87—88].

Наличие стен вокруг древнейших поселений Египта не подтверждается и иероглифическим знаком «город» (А. Н. Gardiner, *Egyptian grammar*, 3rd ed., Oxford, 1957, sign-list, С₄₉). Мы до сих пор не знаем, как выглядело додинастическое поселение, поэтому у нас нет уверенности в том, что форма этого знака точно соответствует форме древнейшего поселения Египта, а не была обязана своим происхождением графике.

⁹¹ В Иерихоне при вскрытии слоев докерамического неолита, датированного VII тыся-

Город как центр ремесла и торговли возникает лишь в эпоху складывающегося классового общества. Поэтому мы не можем согласиться с Баумгертель, что в Египте уже в первом периоде существовали города. Возникновение городов в Египте надо отнести лишь ко второму периоду. В этой связи можно привлечь изделие из граувакки, хранящееся в Каирском музее, на котором изображены крепостные стены.

Баумгертель подвергает сомнению датировку многих додинастических памятников, принятую в египтологии (по Питри), но взамен предлагает руководствоваться такими критериями, как личное впечатление, которое производит данный предмет, степень совершенства и мастерства изготовления этого предмета. Такие оценки отнюдь нельзя назвать объективными. Достаточно вспомнить один факт относительно керамики времени Бадари. Брантон, исследовавший керамику с рифленой поверхностью из Бадари, пришел к выводу, что никогда позже египетская керамика не достигала такого совершенства, как в Бадари⁹².

Не можем мы также согласиться с Баумгертель и в отношении датировки кольца из Пагады (слоновая кость), палетки «коршунов», палетки «охоты на льва», резных рукояток для ножей и стенной росписи в Иеракополе (см. стр. 172—173).

Антропологические данные не дают основания говорить о вторжении в Египет племен из стран Передней Азии, а следовательно, нет основания для утверждения о внесении в Египет новой материальной культуры. Кроме того, достаточно сравнить материальную культуру первого и

четвертого до н. э., было обнаружено поселение, окруженное мощным укреплением в виде земляной насыпи, облицованной кирпичом-сырцом, с башнями. В. М. Массон в рецензии на работу Кенyon отмечает, что в эпоху неолита, к которому относится поселение, открытое Кенyon, не приходится говорить о городе. Строительство же стен может быть проведено и при родовом строе, так как основное условие — большое количество рабочих рук — имеется, а особых технических усовершенствований для ведения работ не требуется (В. М. Массон, *Докерамический неолит Иерихона*, — СА, 1958, № 3, стр. 250—252).

⁹² ВС, р. 41. В результате такой датировки Баумгертель вынуждена признать, что она не в состоянии провести четкую грань между первым и вторым периодами и между вторым периодом и временем Раннего царства (СРЕ II, pp. 49, 56, 79, 140). Объясняется это тем, по ее мнению, — и мы с этим совершенно согласны, — что изменения в материальной культуре додинастического Египта наступают медленно. Такой вывод противоречит ее основному положению о завоевании Египта в начале второго периода пришедшими откуда-то из Передней Азии племенами, ибо в этом случае мы должны были бы ожидать внезапное появление новых форм в материальной культуре додинастического Египта, чего, однако, не наблюдается. В этой связи необходимо упомянуть и о попытке Баумгертель передатировать часть додинастической керамики и пересмотреть систему эволюции сосудов с волнистыми ручками (СРЕ, pp. 40—42). Баумгертель делает слишком поспешный вывод о том, что все варианты сосудов с волнистыми ручками встречаются на протяжении второго периода одновременно, т. е. что не было того развития этих форм сосудов, которое в свое время отметил Питри. Во всяком случае сама Баумгертель не в состоянии отказаться от системы о. д. Питри и дает ей высокую оценку (СРЕ, р. 2; СРЕ II, р. 131).

второго периодов в Египте, чтобы понять, что материальная культура второго периода представляет собой дальнейшее развитие материальной культуры первого периода. Поэтому остается допустить лишь, что связи Египта со странами Передней Азии осуществлялись путем взаимного обмена.

До сих пор в науке не выяснен вопрос о распространении техники в связи с меновыми отношениями в столь отдаленные времена. Для времени родового общества Кларк и другие авторы⁹³ полагают, что ни сам предмет, привезенный издалека, ни человек, доставивший его («купец»), не могут научить изготовить этот предмет. Теория так называемых странствующих мастеров не может быть, однако, принята из-за отсутствия данных для этого времени.

Баумгертель ограничивается лишь общей характеристикой хозяйства Египта второго периода. Именно этим объясняется ее анализ многих памятников додинастического Египта. Она рассматривает додинастические палетки, амулеты и другие предметы с изображениями животных и птиц как свидетельства поклонения различным божествам⁹⁴.

Совершенно очевидно, что своеобразие материальной культуры додинастического Египта, многообразие форм додинастических орудий и прочих изделий, а также весь технический прогресс, который мы наблюдаем на протяжении додинастического времени, обусловливается производственным развитием древнейшего Египта, а не определяется связями Египта с окружающими странами, ни тем более недоказуемым завоеванием Египта ивне.

Работы Баумгертель, как и исследования многих других западных ученых, страдают одним недостатком — общей неверной методологией, которая мешает им вскрывать истинные движущие силы древнейшей истории Египта.

Значительный вклад в изучение древнейшей истории Египта сделали и русские египтологи В. С. Голенищев⁹⁵ и Б. А. Тураев⁹⁶.

⁹³ Д. Кларк, *Доисторическая Европа*, М., 1953 (см. гл. I, Экологические зоны...); А. Я. Брюсов, *О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе*, — СЛ, XXVII, 1957, стр. 22.

⁹⁴ СРЕ II, pp. 90, 96—97, 102—103, 127—128, 49, 72, 74; Notes, p. 282. Общую отрицательную оценку попытке Баумгертель найти корни древнеегипетской религии в материальной культуре додинастического Египта дает Мюррей (см. рецензию на книгу Баумгертель в журнале: «Man», September 1961, № 193, p. 166).

⁹⁵ В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади-Хаммамат*, — «Записки Восточного отделения Российского археологического общества», т. II, 1887, вып. 1—2, стр. 69—79.

⁹⁶ Б. А. Тураев, *Древний Египет*, Пг., 1922; *История Древнего Востока*, т. I, Л., 1936; *Доисторическое блюдо Голенищевского собрания № 2947*, — «Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве», М., вып. 1—2, 1912, стр. 19—20.

Особого внимания заслуживают исследования В. В. Струве, в которых он дал на базе марксистско-ленинской методологии общие решения вопроса о возникновении государства в Египте, ставя процесс возникновения государства в Египте в прямую связь с уровнем развития производительных сил, хотя он специально не останавливался на вопросе о переходе от каменных к медным орудиям в период возникновения классового общества и государства в Египте⁹⁷.

Следует также выделить исследование Б. Б. Пиотровского⁹⁸, посвященное изучению существенных вопросов додинастической истории Египта. Автор также учитывал выводы, к которым пришли в своих работах по истории древнейшего Египта М. Э. Матье⁹⁹, Н. М. Постовская¹⁰⁰, Д. Г. Редер¹⁰¹ и Д. А. Ольдерогге¹⁰².

Существует мало исследований, касающихся проблемы перехода от доклассового общества к классовому в Египте, несмотря на то что археологический материал этой эпохи — энеолита — в Египте очень велик. Мы постараемся в силу наших возможностей рассмотреть орудия из дерева, рога, кости, слоновой кости, камня и металла, выяснить их место в процессе производства в ту эпоху и тем самым способствовать решению вопроса о времени достижения производительными силами в Египте того уровня, при котором становится возможным возникновение в нем классового общества и государства.

Автор данной работы бесконечно обязан своему учителю и руководителю, старшему научному сотруднику ЛО ИНА АН СССР Ю. Я. Перепелкину, а также считает долгом принести благодарность академику В. В. Струве, члену-корреспонденту АН Армянской ССР Б. Б. Пиотров-

---

⁹⁷ В. В. Струве, *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока*, — ИГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 32—111, 157—282; *История древнего Востока*, М.—Л., 1941.

⁹⁸ Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние...*

⁹⁹ М. Э. Матье, *Из истории семьи и рода в древнем Египте*, — ВДИ, 1954, № 3, стр. 45—75; *Термины родства в древнем Египте*, — «Ученые записки ЛГУ», 1948, № 78, серия исторических наук, вып. 9, стр. 22—37; *Следы матриархата в древнем Египте*, — «Труды Института археологии, антропологии и этнографии», т. IV, 1936, стр. 363—390; *Искусство древнего Египта*.

¹⁰⁰ Н. М. Постовская, *Начальная стадия развития государственного аппарата в древнем Египте*, — ВДИ, 1947, № 1, стр. 203—249; *Царь «Скорпион» и его время*, — ВДИ, 1952, № 1, стр. 49—67; *Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917—1953)*, М., 1961.

¹⁰¹ Д. Г. Редер, *Из истории одного древнеегипетского города (Ермонт, Армант) в свете последних раскопок*, — ВДИ, 1948, № 2, стр. 141—151; *Экономическое развитие Нижнего Египта (Дельты) в архаический период (V—IV тысячелетия до н. э.)*, — «Древний Египет», сб., М., 1960, стр. 172—189; *Ancient Egypt a centre of agriculture*, — «Cahiers d'histoire mondiale», Neuchâtel, IV, 1958, № 4, pp. 801—817.

¹⁰² Ольдерогге, *Древнейшая история*.

скому, доктору исторических наук М. Э. Матье и доктору исторических наук С. А. Семенову, взявшим на себя труд прочитать рукопись и сделать ценные замечания, а также доктору исторических наук В. М. Мас-сону, обратившему внимание автора на многие материалы по истории ранних земледельцев Передней и Средней Азии.

Автор выражает признательность Е. С. Матвееву, выполнившему таблицы и карту.

Глава I

ДЕРЕВО

Знакомство с материальной культурой Египта додинастического времени мы начнем с деревянных орудий. До сих пор дерево как материал для изготовления орудий и прочих изделий додинастической эпохи в Египте не являлось темой специального исследования. Поэтому мы попытаемся собрать по возможности весь доступный нам материал и на его основе разобраться в вопросах о значении дерева в жизни додинастического человека и об уровне развития техники его обработки.

Древесина обладает сравнительно большой твердостью, прочностью и легко поддается обработке. Эти свойства позволяли широко использовать её в качестве строительного материала, а также материала для изготовления орудий и всякого рода изделий.

В додинастическом Египте засвидетельствовано шесть пород деревьев. Уже в глубокой древности в Египте была распространена финиковая пальма. Об этом свидетельствуют многие данные этого времени¹. От времени начала Раннего царства сохранилось изделие из граувакки², на котором изображена финиковая пальма. Финиковая пальма имеет рыхлую волокнистую древесину, и поэтому в древности ее не использовали для плотнических работ. Однако ствол ее, достигающий 20 м длины при диаметре 80 см, целый или будучи расколот вдоль, применяется в качестве столбов при постройках жилищ и в качестве балок перекрытия в могилах. Ее листья и волокна служили хорошим материалом для плетения. Финиковая пальма очень часто встречается и в современном Египте.

Пальма дум обладала очень твердой древесиной и употреблялась

¹ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Naq) p. 54; А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*, М., 1958 (далее — МРП), стр. 664; Cl. Gaillard, *Contribution a l'étude préhistorique de l'Égypte*, — «Archiv du muséum d'histoire naturelle de Lyon», vol. XIV, [1934], Mémoire III, p. 109; F. Debono, *El-Omari (près d'Hérouan), exposé sommaire sur les campagnes des fouilles 1943—1944 et 1948*, — ASAE, 1948, fasc. 2 (далее — Debono, *Omari*), p. 568.

² G. Steindorff, *Eine neue Art ägyptischer Kunst*, — «Festschrift für G. Ebers. Aegyptiaca», Leipzig, 1897 (далее — Steindorff, *Eine neue Art*), S. 123.

на различные поделки. В додинастических погребениях найдены плоды пальмы дум³.

Тутовая смоковница, или сикомор (фиговое дерево), имела также твердую древесину и давала вкусные плоды, которые обнаружены при раскопках в Нагаде⁴. Сиддер, или унаби, по-видимому, тоже произрастал в додинастическом Египте⁵.

Все перечисленные породы деревьев давали плоды, которые шли в пищу в свежем или засушенном виде. Некоторые были годны для приготовления напитков. Естественно предположить, что лишь после того как дерево переставало плодоносить, его срубали и использовали древесину. На строительный материал и на поделки в додинастическую эпоху шли в основном из местных пород деревьев акация и тамариск.

Акация в Египте была очень распространена. Помимо деревьев акаций встречалась акация-кустарник. Листья акации употреблялись в пищу многими животными, начиная со слонов и кончая домашними козами. Древесина акации довольно твердая. В погребениях найдены куски дерева, которые определены исследователями как древесина акации⁶.

Тамариск, или тамарикс, достигал высоты до 10 м и широко применялся в строительстве жилищ, для изготовления орудий и других изделий. Помимо изделий из тамариска в додинастических погребениях и поселениях найдены ветки и куски древесины тамариска⁷.

Бутцер предполагает, что ива в древности встречалась в Египте, но у нас отсутствуют данные об этом от времени, предшествующего Раннему царству⁸.

Мы допускаем, что кустарники и деревья образовывали в эпоху энеолита рощи и леса⁹, окаймлявшие Нил и высохшие русла мелких

³ G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — ВС), p. 63; МРП, стр. 664.

⁴ Наг, p. 54; Debono, *Omari*, p. 568.

⁵ МРП, стр. 667; W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE), p. 44.

⁶ R. Mond and O. Myers, *Cemeteries of Armant I*, London, 1937 (далее — Arm.), p. 60, № 1514 (47—65).

⁷ Arm., p. 137, № 1466; ВС, p. 62; Debono, *Omari*, p. 568.

⁸ K. W. Butzer, *Die Naturlandschaft Ägyptens während der Vorgeschichte und dynastischen Zeit, Studien zum vor-und frühgeschichtlichen Landschaftswandel der Sahara III*, — «Akademie der Wissenschaften und Literatur», Mainz, Abhandlungen der mathematisch-naturwissenschaftlichen Klasse, Jg 1959, № 2, S. 88/46.

⁹ В 1924 г. Франкфорт сомневался в возможности существования в Египте в додинастическую эпоху лесов (H. Frankfort, *Studies in early pottery of the Near East I, Mesopotamia, Syria and Egypt and their earliest interrelation*, London, 1924, p. 115). Однако раскопки и другие исследования последующих лет опровергли эти мнения. В Арманте были обнаружены корни деревьев, часть из которых была определена как корни сикоморы и акации (Arm, p. 7). Бутцер считает, что леса было еще много в Египте и во времена Старого царства (K. W. Butzer, *Studien zum vor-und frühgeschichtlichen Landschaftswandel...*, S. 86/44).

рек. Позднейшее уменьшение растительного покрова в Египте, как и во всей Северной Африке, было вызвано определенными причинами. В этих областях водилось много животных, питавшихся растительной пищей (слоны, жирафы, антилопы, газели и др.). На протяжении тысячелетий, начиная с неолита, человек активно вмешивался в жизнь природы. Он рубил деревья, разводил мелкий домашний скот, который (особенно козы) уничтожал молодую поросль.

Лукас считал, что уничтожению лесов в Аравийской пустыне и на Синае также способствовало углежжение для выплавки металлов¹⁰. Однако массовое истребление лесов для нужд металлургии не могло иметь места в эпоху энеолита. Еще в начале XIX в. в юго-восточной части Египта стояли леса, о которых писал в своих записках Бурхардт¹¹. Показателем того, насколько больше было леса в областях, близких к долине Нила, может быть уже упомянутое изделие из граувакки, на одной из сторон которого изображены деревья и сделана надпись fhpw т. е. «Ливия». Доказательством того, что в Египте в додинастическое время еще росли леса и существовала обработка дерева, говорит и наличие каменных и кремневых топоров и тесел в додинастическом Египте, в особенности в Арманте и в районе к югу от первых порогов, а также наличие медных топоров и тесел на Юге и на Севере, начиная со второго периода. Обитатели неолитического поселения Фаюм в качестве топлива употребляли лишь тамариск¹², а не прибегали к высушенному навозу, как было в додинастическом поселении Хамамийе в первом периоде¹³. Очевидно, лишь постепенно из-за ухудшившихся климатических условий, разведения мелкого домашнего скота, портящего деревья, и растущих потребностей для удовлетворения хозяйственных нужд человека в Египте исчезли леса.

До нас дошло очень мало изделий из древесины от додинастического времени. За немногим исключением, все они погибли. Однако Египет находится в более благоприятном положении, чем другие страны Передней Азии, где совсем не сохранилось дерево, если не считать пепла и угля на местах раскопок¹⁴. Кроме того, мы иногда можем дополнить недостающий археологический материал по деревянным изделиям, воспользовавшись изображениями на керамике, палетках, скалах и опираясь

---

¹⁰ МРП, стр. 670.

¹¹ H. Kees, *Das alte Agypten, Eine Kleine Landeskunde*, Berlin, 1958, S. 3.

¹² G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934 (далее — *Fayum*), p. 25.

¹³ ВС, pp. 73, 95, 106.

¹⁴ Г. А. Меликишвили, *К истории Древней Грузии*, Тбилиси, 1960, стр. 140; J. Garstang, *Prehistoric Mersin Yüyük Tepe in southern Turkey*, Oxford, 1953, (XVI слой); E. A. Speiser, *Excavations at Tepe Gawra*, Philadelphia, 1935 (VIII слой).

на данные археологических находок из древесины эпохи неолита и Раннего царства.

Из раскопок погребений Раннего царства мы узнаем о многообразном применении дерева в качестве материала для строительства гробниц¹⁵, саркофагов¹⁶. В деревянных конструкциях гробниц Раннего царства уже встречаются сложные способы соединения строительных деталей из дерева, скрепляемых разными способами¹⁷. Дерево шло в эпоху Раннего царства также и на изготовление наконечников стрел, рукояток для орудий, этикеток, печатей¹⁸, частей мебели и на многое другое¹⁹.

Рассмотрим, как жители додинастического Египта использовали дерево. У нас нет данных о размерах употребления дерева в качестве топлива, но с появлением металлургии, т. е. начиная с первого периода, особое значение приобрел древесный уголь. Лукас считал, что без древесного угля металлургия не смогла бы развиваться²⁰. Наличие лесов и возможность добывать топливо на месте имели наряду с рудой решающее значение для дальнейшего роста металлургии.

В додинастических погребениях мы встречаем остатки потолков, состоящих из стволов дерзвьев, положенных поперек могилы, столбы, настилы из веток, саркофаги и прочие остатки деревянных конструкций, которые не всегда могут быть точно определены из-за своей плохой сохранности²¹.

Дерево использовалось при строительстве хижин додинастической эпохи. В Маади были найдены тамарисковые столбы, закопанные в землю. К сожалению, их верхняя часть разрушилась и поэтому невозможно узнать первоначальную высоту столбов. Нижний конец был хорошо за-

¹⁵ W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the first dynasty*, pt I. London, 1900 (далее — RT I), pp. 9, 12—16, pl. LXII; D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London, 1902 (далее — Amrah), pp. 25—28, 33.

¹⁶ W. Emery, *A preliminary report on the first dynasty copper treasure from North Saqqarah*, — ASAE, vol. XXXIX, 1939, p. 428; G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — Mostag.), p. 82, № 1679; G. Brunton, *Matmar*, London, 1948 (далее — Matmar), pl. XX; Arm., p. 136, № 1518.

¹⁷ H. Balcz, *Die altägyptische Wandgliederung*, — MDJK, Bd I, 1930, H. I, S. 33—92, Taf. XV—XVII. О высоком мастерстве ремесленников времени III—IV династий, занятых обработкой дерева, см.: Т. П. Сазельева, *Аграрный строй Египта в период Древнего царства*, М., 1962, стр. 112.

¹⁸ RT I, pl. XLII₃₇, XXXVII 44—46, pp. 24, 28.

¹⁹ Mostag., p. 88.

²⁰ MPII, стр. 680.

²¹ Naq., p. 25, № 162; Amrah, p. 2, № b 139; Matmar, p. 15, № 3075, p. 16, № 3129; Amrah, p. 18, № b 37; p. 23, № a 74; Arm., p. 135, № 1511, 1466; Naq., p. 24, № 3; Mostag., p. 82; G. A. Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908*, vol. I, Cairo, 1910 (далее — Reisner, Nubia), 133:17:68; Arm., p. 136, № 1481; Reisner, *Nubia*, 116:17:7; Matmar, p. 16, № 3131, p. 17, № 3074, 3111, 3129, 3072, 3131, 3073, 3128; Arm., p. 26, № 1486; T. E. Pect, *The cemeteries of Abydos*, pt II, London, 1914 (далее — CAbyd II), p. 18, № E—4034.

острен, очевидно, медным орудием²². Поверхность столбов была очищена от коры. Столбы, расставленные по овалу-кругу диаметром в 4—5 м, образовывали остов хижины, к которому были прикреплены плетенки из веток, обмазанных глиной²³. Хижины в Маади, по-видимому, имели большое сходство с хижинами, найденными в Хемамийе и в Махасне²⁴, так как в обоих случаях были обнаружены остатки столбов и отпечатки плетенок в глине.

Дерево шло также на строительство многовесельных ладей и лодок, что видно из изображений на сосудах (см. табл. 1, 12, табл. 2, 10).

Деревянные орудия, несомненно, имели в додинастическом Египте широкое распространение, но до нас дошли лишь некоторые из них. Из древесины изготовлялись палицы, бумеранги, луки, щиты, наконечники стрел, серпы, мотыги, рукоятки и древки ко всякого рода каменным и медным орудиям и прочие изделия. Немаловажным для того времени было и применение сухой древесины при добывании огня.

В поселении Маади нашли деревянные стержни квадратного сечения длиной до 3 см²⁵. Один конец у них был обуглен. Возможно, они употреблялись для добывания огня. Мы не знаем их первоначальной длины и поэтому не можем точно утверждать, вставлялись ли они в какое-нибудь орудие или стержни были более длинными и их просто вращали в отверстиях доски. К сожалению, не обнаружено дощечек с дырочками, в которых могли вращать эти стержни.

Палица, как ударное и метательное орудие, в истории человечества появилась в эпоху палеолита. Ее обычно делали из самых твердых пород дерева. В Египте в 1884 г. в плохо датированном додинастическом поселении около Гебелена была обнаружена палица из акации длиной 74 см при ширине 6 см (табл. 2, 11). По своему виду она напоминает весло, у которого один конец несколько тоньше, чтобы удобнее было держать в руке, а другой — более широкий и выпуклый. На широком конце найденной палицы видны следы ударов. Вся ее поверхность покрыта резным орнаментом. Это геометрические рисунки в виде П-образных фигур, на которых сидят птицы, выполненные в том же условном стиле, что и птицы на додинастических гребнях и шпильках для волос из кости и слоновой кости. Помимо стиля обращает на себя внимание грубая техника выполнения рисунка. По мнению Дарреси, резьба сделала кремневым орудием, так как хорошие круглые линии почти отсутствуют

²² M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932 (далее — Маади I), pp. 5, 15.

²³ Ibid., p. 15.

²⁴ BC, pp. 80—87.

²⁵ O. Menghin, *Die Grabung der Universität Kairo bei Maadi (Dritter Grabungsjahr)*, — MDIK, Bd V, H. 2 (далее — Маади III); S. 116. A. H. Gardiner, *Egyptian grammar*, 3rd ed., Oxford, 1957 (далее — EG), sign-list, U₂₆, 29.

на этой палице. Все эти особенности дали Кантор²⁶ основание датировать эту палицу первым периодом. Палицы применялись в охоте, как это подтверждают петроглифы²⁷. На стенной росписи из Иераконполя²⁸ мы видим палицы в сценах, показывающих людей, что-то делающих (играющих?) с животными. На изделии из граувакки²⁹, хранящемся в Каирском музее, также написан знак изогнутой палицы³⁰.

Бумеранг является разновидностью метательной палицы. Бумеранги делятся на две группы: возвращающиеся и невозвращающиеся. Поскольку до сих пор нет работ по изучению додинастических бумерангов и Энгельбах, который специально занимался этим вопросом, сомневается даже в возможности возвращаться для бумеранга Тутанхамона, то вопрос о таком свойстве всех египетских бумерангов, как додинастических, так и династических, остается открытым³¹. До нас дошло несколько бумерангов (табл. 2, 13)³² от бадарского времени и фрагменты бумерангов от додинастического времени. Некоторые сомнения вызывает фрагмент из Мостагедды от второго периода³³. Брантон считает этот фрагмент куском бумеранга³⁴, а Массулар — частью рукоятки тесла³⁵. Среди петроглифов, датируемых додинастическим временем, встречаются изображения людей с бумерангами в руках³⁶. Аналогичное изображение мы видим на палетке «охоты на льва»³⁷ и на росписи стены из Иераконполя³⁸. На основании немногих фрагментов бумерангов и многочисленных изображений можно считать, что бумеранг был обычным

²⁶ G. Daressy, *Une casse-tête préhistorique en bois de Gébelein*, — ASAE, vol. XXII, 1922, pp. 17—32, fig. 1—5; H. Kantor, *A predynastic ostrich egg with incised decoration*, — JNES, vol. VII, 1948, p. 51.

²⁷ H. A. Winkler, *Rock-drawings of Southern Upper Egypt*, vol. I, London, 1938 (далее — R-D I), p. 8, site 26, p. 9, site 34—38; vol. II, London, 1939 (далее — R-D II), pl. XXX_{1,2}.

²⁸ J. E. Quibell and W. F. Green, *Hierakonpolis*, pt II, London, 1902 (далее — Hierakonp. II), pl. LXXVA, B, C.

²⁹ Steindorff, *Eine neue Art*, S. 123.

³⁰ EG. sign-list, T₁₄.

³¹ R. Engelbach, *Introduction to Egyptian archaeology with special reference to the Egyptian museum Cairo*, Cairo, 1946, p. 128.

³² Mostag., pl. XXV₃₆; BC, pl. XXV₁₋₂. По мнению Хикмана, деревянные предметы, найденные в бадарской могиле № 5116 (BC, pl. XXIII₂₉, XXV₁₋₂), являются не бумерангами, а кастаньетами (H. Hickmann, *Le castanette égyptienne*, — «Bulletin de la Société d'archéologie copte», vol. XIV, 1950—1957, Le Caire, 1958, pp. 1—42). Maadi III, S. 116.

³³ Mostag., pl. XLIII₁₅, p. 89.

³⁴ Mostag., p. 89.

³⁵ E. Massouard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte*, — «Université de Paris. Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie», Paris, vol. LIII, 1949 (далее — Préhist.), p. 210.

³⁶ R-D I, pl. XIII₂; R-D II, p. 6, pl. XXXIV₂, XXV₂.

³⁷ Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956 (далее — ДВ), табл. XII.

³⁸ Hierakonp. II, pl. LXXVA, B, C.

орудием охоты на пернатых, существование которого засвидетельствовано в Египте с эпохи неолита. Он был в Египте на протяжении всего энеолита и перешел в медный век³⁹.

Лук как орудие стрельбы существовал в додинастическом Египте, как об этом свидетельствуют многочисленные находки костяных и кремневых наконечников стрел. Тем не менее, вероятно из-за свойства древесины разрушаться, до нас не дошло ни одного лука от того времени. Судя по изображениям на скалах, палетках и керамике, мы можем предвидеть, как выглядел лук. Луки были двух типов; один из них имел вид дуги, изготовленной из полоски древесины, у которой концы стянуты тетивой⁴⁰. На чаше из ГМИИ имени А. С. Пушкина⁴¹, датируемой первым периодом, на петроглифах⁴², на росписи в Иераконполе и на палетке «охота на льва» дан лук с двойным изгибом (табл. 2, 12). По сравнению с первым, этот лук более сложен и является очень мощным оружием. Здесь можно лишь согласиться с Бонне, что лук по мере совершенствования становился все более дальнобойным и мощным⁴³. При изготовлении лука второго типа применялись помимо дерева и другие материалы. По-видимому, обе формы лука продолжали сосуществовать на протяжении всей додинастической эпохи. Винклер считает, что в додинастическую эпоху еще не было колчанов для стрел, и люди держали пучки стрел просто в руке, как это видно на петроглифах и на палетке «охота на льва»⁴⁴.

По мнению некоторых авторов, из дерева делались также наконечники стрел⁴⁵. Однако от додинастического времени они до нас не дошли, а изображения на петроглифах не дают возможности судить о материале, из которого они изготовлены.

Не обнаружено также щита, по изображению на стенной росписи в Иераконполе предмета (табл. 2, 9), напоминающего по виду щит, дает Вольфу основание говорить о наличии щита в додинастическое время⁴⁶. Этот щит имеет форму растянутой на деревянной раме, как думает Вольф, шкуры какого-то пятнистого зверя⁴⁷. Такое предположение весьма правдоподобно, тем более, что Вольф, прослеживая дальнейшее раз-

³⁹ W. M. Fl. Petrie, *Tools and weapons*, London, 1917 (далее — TW), p. 36.

⁴⁰ R-D I, pp. 5—9, 27, pl. XXIII; R-D II, pp. 7—11, pl. XI.

⁴¹ Б. А. Тураев, *Доисторическое блюдо Голенищевского собрания № 2947*, — «Памятники Музея изобразительных искусств», 1912, вып. 1, стр. 19—20; J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952, p. 285.

⁴² R-D I, pl. XX, XIX, XVIII; R-D II, pp. 7—11; EG, sign-list T₁₀.

⁴³ H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des alten Orients*, Leipzig, 1926, S. 125.

⁴⁴ R-D I, p. 21.

⁴⁵ RT, I, p. 28; W. Wolf, *Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres*, Leipzig, 1926 (далее — Wolf, ВАН), S. 19.

⁴⁶ Hierakonp. II, pl. LXXV.

⁴⁷ Wolf, ВАН, S. 18, Abb. 7.

вите щита в Египте, именно этим объясняет особое преобладание в древнем Египте щитов, покрытых звериной шкурой, и сама форма прямоугольника с округлым верхом, изображенного в составе иероглифического знака D₃₄, и сам щит является рамой с натянутой шкурой, только уже без конечностей, хвоста и шеи животного.

Деревянный серп энеолитического времени не сохранился, но фактом, подтверждающим существование серпа, является большое число кремневых вкладышей серпов, найденных при раскопках. Вкладыши эти к тому же весьма разнообразны по технике изготовления (см. стр. 78). Помимо того сохранилось два тамарисковых серпа от неолитического времени из Фаюма⁴⁸ (табл. 2, 15) и деревянный серп из Саккары от середины I династии⁴⁹ (табл. 2, 2). По форме эти серпы отличаются один от другого: серпы неолитического времени (жатвенные ножи) представляют собой прямой кусок дерева с желобком, куда помещены кремневые вкладыши. Серп от времени I династии имеет уже вогнутую форму, характерную и для иероглифа «серп»⁵⁰. Рейснер обнаружил в районе к югу от первых порогов кусочек дерева с вставленными в него халцедоновыми вкладышами⁵¹. Трудно сказать что-либо определенное об этой находке, и поэтому неизвестно, можно ли считать ее фрагментом серпа. Тем не менее логика подсказывает, что если в неолите и во времена Раннего царства древесина шла на изготовление серпа, то в период энеолита, который по времени оказывается между неолитом и медным веком (Раннее царство), серпы изготавливались также из древесины, и вероятно, что в каком-то из двух периодов произошло изменение формы серпа, ибо в иероглифику попал знак «серп» изогнутой формы.

Додинастическая деревянная мотыга до сих пор не обнаружена археологами, однако это не мешает предположить, что деревянные мотыги были распространены в то время в Египте. Основанием является следующее: 1) земледелие стало с начала неолита главным занятием обитателей Египта и, как бы мало ни обрабатывали древнейшие жители аллювиальную почву при возделывании злаковых культур, им все-таки приходилось разбивать комья земли, а при выкапывании канавок и каналов и возведении насыпей необходимо было первоначально разрыхлять слежавшиеся слои земли; 2) очень мало найдено каменных накопечников мотыг, бесспорно датируемых этим временем; 3) деревянные мотыги имели широкое применение в Египте уже начиная со времени Раннего царства и существовали на протяжении всей истории древнего Египта, как мы можем судить по изображениям и находкам самих дере-

⁴⁸ Fayum, p. 47, pl. XXXI.

⁴⁹ W. B. Emery, *The tomb of Hemaka*, Cairo, 1938, p. 33, pl. XV.

⁵⁰ H. Petric, *Egyptian hieroglyphs of the first and second dynasties*, London, 1927 (далее — Hierogl.), pl. XXXIV⁸¹⁰⁻⁸¹⁶; EG, sign-list, U₁.

⁵¹ Reisner, *Nubia*, 116:17:6, pl. 65 ab5.

вянных мотыг⁵². Напрашивается вывод, что, поскольку земледелие было развито в Египте задолго до Раннего царства, оно должно было вызвать к жизни и орудие для рыхления земли. Мотыги деревянные или каменные существовали за много столетий до царя «Скорпиона» (царя так называемой нулевой династии). Однако каменных накопечников для мотыг достоверно додинастического времени пока удалось обнаружить очень мало. Поэтому можно допустить, что основным материалом для изготовления мотыг была в додинастическую эпоху древесина.

Древнейшими из дошедших до нас изображений мотыги являются рельефы на булаве «Скорпиона» (табл. 2, 1) и на изделии из грауваки⁵³. Две мотыги, изображенные на булаве «Скорпиона», изготовлены из двух кусков дерева, соединенных между собой под острым углом. Скрепление, судя по изображению, производилось при помощи веревки, которая обматывалась вокруг рукоятки (в середине ее) и затем продевалась через специально сделанное отверстие в рабочей части (также в ее середине). Эта веревка предохраняла мотыгу от распада при ударе. На указанной палетке из Каира мы находим над шестью квадратами-«картушами» изображение мотыги с характерной особенностью — рабочим концом более длинным, чем конц-рукоятка. Мотыги изображены воткнутыми в стелы «картушей» в рабочем положении. Такого рода мотыга дошла до нас⁵⁴. Благодаря тому что изображение мотыги на булаве «Скорпиона» дано в профиль, мы не можем с уверенностью сказать, была ли рабочая часть более широкой, чем рукоятка, или такой же круглой, как рукоятка, но зато видно, что мотыги состоят из двух кусков дерева, так как деревянные концы выше пересечения-соединения торчат в разные стороны, чего не было бы, если бы мотыги были сделаны из одного куска дерева. Питри предполагал на основании данных этнографии, что древнейшей мотыгой являлся кусок суковатого дерева с отростком под углом, необходимым для применения в качестве мотыги⁵⁵. Однако до сих пор это мнение не подтверждено находками ни неолитического, ни энеолитического времени в Египте.

В числе прочих орудий — деревянное орудие наподобие костяного шильца. По мнению Менгина, это и было шильце⁵⁶.

Совершенно ясно назначение деревянного предмета из Матмара⁵⁷. Длина его 25,6 см и состоит оно из трости с утолщением наподобие

⁵² Hierakonp. II, pl. XXVI, c. 4, 8; EG, sign-list, U₆.

⁵³ Steindorff, *Eine neue Art*, S. 123.

⁵⁴ II. Schäfer, *Ägyptische Pflüge, Joche und andere landwirtschaftliche Geräte, Priestergräber und andere Grabfunde von Ende des Alten Reiches bis zur Griechischen Zeit vom Totentempel des Ne-User-re* — 8. Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft, Leipzig, 1908, Anh. 4, Abb. 16(231), S. 173.

⁵⁵ TW, p. 54.

⁵⁶ Maadi III, S. 116.

⁵⁷ Matmar, pl. XVI₄₉.

набалдашника на конце. По мнению Рита, деревянные наконечники сверл для высверливания углублений в камне тоже могут быть отнесены к этой группе, хотя мы не имеем находок, подтверждающих их существование⁵⁸. В этой же связи хочется упомянуть о деревянной модели тесла⁵⁹ и о деревянном предмете из Мостагедды, который, по мнению исследователей, является либо обломком бумеранга, либо рукояткой тесла⁶⁰. Хочется думать, что в числе деревянных орудий додинастического времени были и деревянные колотушки, которых в иероглифике обозначал звук ꜥm. Этот знак встречается в Раннем царстве, но само орудие от додинастического времени не сохранилось⁶¹. Простота формы и несложность работы при изготовлении колотушки допускает возможность ее существования уже в додинастическое время.

Жители Египта, начиная с неолитического времени, уже знали ткачество. Поэтому логично допустить, что из дерева же изготовлялись и в неолите и энеолите несложные ткацкие станки (табл. 1, 8), так же как и в династическое время.

Древки к стрелам, копьям и гарпунам представлены очень скудно. Всего лишь четыре древка или модели древка для стрел дошли до нас в состоянии разной степени сохранности. Эти древки стрел являются единственными находками такого рода (табл. 2, 5)⁶². Они представляют собой круглые в сечении палочки длиной от 3 до 5 см. Один конец у них имеет четырехугольный вырез для упора в тетиву и для предохранения от расщепления. Этот конец несколько выше выреза был обмотан какой-то нитью (thread) так, что от нити остались в древесине глубокие поперечные следы. Другой конец древков разрушен, поэтому неизвестна их первоначальная длина, и мы не знаем, вставлялись ли они в тростник, который уже скреплялся с наконечником стрелы, или древко несло наконечник стрелы. Вероятно, однако, первое предположение, так как все четыре древка стрелы очень малы. Очевидно, древко здесь выполняло ответственную работу — принимало на себя большую нагрузку, получаемую во время натяжения тетивы при помощи этой части стрелы и пальцев руки.

Обнаружено большое число наконечников копий, которые датируются эпохой энеолита. До нас не дошло ни одного наконечника копья с

⁵⁸ A. Rieth, *Zur Technik des Bohrens im alten Agypten*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientforschung», Bd VI, H. 2, 1958, S. 176.

⁵⁹ Amrah, p. 17, pl. X₃, № a 202.

⁶⁰ См. EG, sign-list, U₉, 20, 21.

⁶¹ A. Scharff, *Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift*, — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Abteilung, Jg. 1942, H. 3, München, 1942, S. 45; См. EG, sign-list, U₃₆; Hierogl., pl. XLIII_{1014, 1016-1020}.

⁶² Matmar, pl. XVII, —3, p. 21.

древком, но они, конечно, существовали, так как на палетке из грауваки ⁶³ изображен идущий человек с копьем в руке, причем копье имеет длинное древко.

Судя по изображению на черепке (табл. 2, 3), можно представить себе, как выглядел гарпун с длинным древком ⁶⁴. Гарпун вместе с древком был почти равен росту человека, который держит гарпун в руке.

Деревянных рукояток додинастического времени сохранилось чрезвычайно мало. Рейснер нашел кусок дерева, который, может быть, был рукояткой к кремневому лезвию, найденному на том же кладбище, датируемом первым периодом ⁶⁵. Все остальные дошедшие до нас рукоятки: рукоятка к диоритовому навершию булавы, четыре рукоятки к медным шильям, к каменным киркообразным навершиям булав, к серповидному пожу и к другим орудиям (табл. 2, 4), датируются вторым периодом ⁶⁶.

Возможно, большинство кремневых ножей и лезвий первоначально также имело рукоятки. К сожалению, фрагментарность находок не дает возможности точно установить, из какого материала делались эти рукоятки. Что касается каменных и кремневых топоров, то, судя по петроглифу, топор имел длинную рукоятку ⁶⁷. Мы ничего не знаем о материале, из которого она была сделана, но думается, что скорее всего была деревянной. Естественным является вопрос о способе соединения каменных, кремневых и медных орудий (костяные орудия имели свои «рукоятки» — эпифиз) с деревянными рукоятками. Для каменных топоров и тесел применялись, вероятно, ремни или всревки из различных материалов. Орудия более мелкие, как шилья-проколки и ножи, соединялись, вероятно, способом, которым пользуются и в наши дни. Конец, противоположный рабочему концу, вбивали в кусок дерева, который сглаживали, чтобы удобнее было держать. Помимо того, как для прикрепления рукояток и древков к орудиям, так и кремневых вкладышей серпов в деревянные основы могло иметь значение и связующее вещество — смола, пчелиный воск и другие материалы (см. стр. 117—118).

Техническая роль рукояток очень велика ⁶⁸. Она увеличивает у режущих и колющих орудий силу нажима, а у ударных — силу удара. Поэтому, возникнув в верхнем палеолите, рукоятка непрерывно совершенствовалась. Для ее изготовления человек в Египте употреблял не только

⁶³ ДВ, табл. XII.

⁶⁴ BC, pl. LIV₁₅, № 3759 (39—44).

⁶⁵ Reisner, *Nubia*, 123:17:68.

⁶⁶ Amrah, p. 23, pl. X, № a 102, Matmar, pp. 15, 21, pl. XVI₄₆, № 3080; F. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911, pl. XVI₅, № H-85, p. 21, pl. XX₃, № H-23; pl. XIX₅, pp. 19, 32.

⁶⁷ R-D II, pl. XXXVI, v. 21.

⁶⁸ С. А. Семенов, *Первобытная техника*, — «Материалы и исследования по археологии», М.—Л., № 54, 1957, стр. 209.

древесину, но и кору дерева и, может быть, веревку из растительного волокна.

Мы имеем лишь один пример рукоятки, сделанной из коры (лыко). Лыко было намотано на рукояточную часть орудия. В Маади же был обнаружен моток лыка, который свидетельствует о том, что оно изготовлялось впрок⁶⁹. К сожалению, мы ничего не можем сказать о породе дерева, с которого было взято лыко.

Помимо рассмотренных нами деревянных орудий и рукояток имеются предметы обихода и украшений, изготовленные из дерева. Предметами обихода являлись деревянные чашечки, сосуды, крышки к сосудам, ложки. К предметам украшения можно отнести гребень, шпильку из дерева. Чашечка, найденная Рейснером, датируемая первым периодом⁷⁰, и чашечка из Матмара рассыпались при раскопках, оставив лишь след-форму⁷¹. Одна из них, судя по остаткам, была плоской с двумя ручками, которые имели вертикально проткнутое отверстие. К этой же группе можно отнести сосуд, опубликованный Питри⁷², и сосуд-шкатулку в форме бегемота (табл. 2, 14), датируемый Гленвиллем⁷³ позднединастическим временем. Деревянная шкатулка, в которой были обнаружены амулеты-подвески из слоновой кости, датируется вторым периодом⁷⁴. Ложка из Маади (табл. 2, 8), круглая крышка⁷⁵ (табл. 2, 7), гребень⁷⁶ с резным украшением наподобие гребней из слоновой кости, палетка⁷⁷, резная шпилька (табл. 2, 6) и бусы⁷⁸, покрытые золотом, могут быть отнесены сюда же. Два деревянных предмета неизвестного назначения, о которых Брантон думал, что они употреблялись в качестве кастаньет, были найдены на юге⁷⁹.

Возможно, в конце додинастического времени из дерева уже начали делать части мебели, это подтверждается находкой из Нагады⁸⁰.

⁶⁹ Maadi I, p. 79, pl. LXXVIII₁, p. 49, pl. LXXVIII₂.

⁷⁰ Reisner, *Nubia*, 116:17:7.

⁷¹ Matmar, p. 19, № 214.

⁷² PE, p. 40, pl. XLIX₃; см. Préhist., p. 149.

⁷³ S. Glanville, *The Egyptian theriomorphic vessels in British museum*, — JEA, vol. XII, 1926, pl. XII, p. 56.

⁷⁴ Matmar, p. 20, № 2682.

⁷⁵ M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936, pl. LXI₂, LXI₃.

⁷⁶ Mostag., pl. XLII₁₄₆. Гребень датируется первым периодом (E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947, p. 49, n. 3).

⁷⁷ M. Hous, *La photographie scientifique au service des épigraphistes*, — «Bulletin du Laboratoire du Louvre», Paris, № 3, 1958, pp. 23—35; см. J. M. A. Janssen, *Annual Egyptological bibliography*, — «International association of Egyptologists», Leiden, 1959, p. 102, № 58313.

⁷⁸ Matmar, p. 119, pl. XVI₁₄₈; CAbyd II, p. 15, № U₇, p. 16, № U₁₇.

⁷⁹ BC, pl. XLVIII₁, p. 59.

⁸⁰ PE, p. 43.

Из дерева, как из глины и других материалов, могли изготавливаться всевозможные модели. Так, найденный в Бадари деревянный предмет был, по мнению Брантона, моделью лодки⁸¹.

Для изготовления рассмотренных нами орудий и прочих изделий из дерева у древнейших обитателей Египта существовали различные орудия из камня и металла, с которыми мы познакомимся ниже. При рубке и раскалывании дерева применялись каменные, а позже, начиная со второго периода, и медные топоры. Что касается пиления дерева, то у нас отсутствуют данные о наличии в то время медных пил, но поскольку известно, что кремневыми пилами можно было перепилить дерево, то не исключена возможность такого способа перепиливания небольшого диаметра стволов и кусков дерева. Кремневыми ножами, по мнению С. А. Семенова (см. стр. 71, прим. 41), можно было снимать стружку при изготовлении таких изделий, как рукоятки орудий и т. п. Кремневыми и медными ножами и резцами возможно осуществлять резьбу по дереву. Наличие в додинастическое время кремневых и медных тесел дает основание считать, что они использовались для снятия стружки, так как, судя по рельефам и на стенах гробниц Старого царства, в руках египетских плотников тесло было универсальным орудием, заменявшим топор, рубанок и фуганок. Окончательное заглаживание поверхности деревянного изделия производилось при помощи желвака камня. Для выдалбливания углублений в дереве в распоряжении додинастических плотников были медные резцы (долота) и деревянные колотушки или просто камни, выполнявшие роль молотка.

Наличие лесов в энеолите в Египте обеспечивало человека превосходным материалом. Ствол, ветки и лыко широко использовались в древнейшие времена в Египте для изготовления главным образом орудий: палиц, бумерангов, луков, щитов (может быть, и наконечников стрел), серпов, мотыг, рукояток, шимьев и предметов обихода и украшений. Из дерева делали очень мало предметов украшений, так как местные египетские породы древесины уступали по красоте и прочим свойствам слоновой кости и камню, шедших на поделку.

Дерево по своим техническим возможностям было менее твердым материалом, чем камень и металл. Оно не использовалось для изготовления ценных орудий, за исключением мотыг, предназначенных для работы с аллювием, так как основными материалами в энеолите были камень и металл.

Однако там, где требовались легкость, гибкость, способность пружинить при известной твердости и прочности, там дерево было незаменимо. Именно этими свойствами объясняется то, что деревянные палицы, бумеранги, луки, щиты, серпы, мотыги, древки и рукоятки оста-

---

⁸¹ ВС, р. 46, № 3264.

лись в употреблении у додинастических египтян до Раннего царства и существовали на протяжении всей истории династического Египта, а в некоторых случаях дожили даже до наших дней.

Дерево рано стало применяться в Египте в строительстве жилищ и многовселенных ладей, а также для устройства погребальных камер. Это способствовало так же, как и изготовление орудий и прочих изделий из дерева, росту навыков в обработке дерева, лучшему познанию всех положительных и отрицательных свойств этого материала, доказательством чего может служить то, что в Раннем царстве были уже очень сложные способы соединений деревянных конструкций.

Обработка дерева, как считает Лукас, возникла в самом Египте в древнейшие времена, а не была заимствована извне, так как археологический материал, датируемый неолитом, дает уже примеры обработки дерева⁸². Ввоз дерева лучших пород: кедра, кипариса и алеппской сосны из Сирии в додинастический период был, по мнению Лукаса, следствием сравнительно высокого уровня развития обработки дерева. Наше знакомство с материалом подтверждает это положение Лукаса о развитости обработки дерева в додинастическом Египте и о широком его применении в разных областях жизни. Весь долгий период энеолита явился в области обработки дерева как бы временем кропотливого накопления опыта и умения овладеть этим материалом при помощи сначала каменных и кремневых, а затем медных орудий.

Дерево как топливо при отсутствии в Египте каменного угля было одним из необходимых условий для возникновения и дальнейшего развития металлургии, так как только древесина, а затем древесный уголь могли обеспечить высокую температуру горения, необходимую для выплавки металлов.

---

⁸² Лукас возражает (МРП, стр. 670) Ньюберри, считавшему, что технику обработки дерева египтяне заимствовали вместе с получаемыми породами дерева извне (P. B. Newberry, *Ägypten als Feld für anthropologische Forschung*, — «Der Alte Orient», Bd 27. H. 1, Leipzig, 1927, S. 30).

Глава 2

РОГ, КОСТЬ И СЛОНОВАЯ КОСТЬ

В эпоху энеолита в Египте для изготовления орудий, предметов домашнего обихода и украшений широко использовались рог и кость. Рог, кость и слоновая кость легко режутся, пилятся, шлифуются; при значительной прочности обладают пластичностью, которой нет у камня. В некоторых случаях рог и кость нуждаются лишь в легкой подправке для того, чтобы получилось орудие или сосуд. Охота на диких животных и птиц, рыбная ловля и разведение домашних животных доставляли человеку, жившему в долине Нила и в прилегающих к ней областях, обильный костный и роговой материал.

Из роговых орудий до нас дошли лишь несколько наконечников гарпунов и один крючок. Наконечники гарпунов из рога с известной достоверностью датируются вторым периодом. Один из них имеет один зубец с одной стороны ствола, а другой — два зубца (табл. 3, 1) ¹.

Крючок относится к первому периоду ² и по своей форме сильно отличается от костяных и медных рыболовных крючков.

Рукоятки из рога нашли широкое употребление из-за доступности материала, но уцелело лишь несколько роговых рукояток, в том числе и для вотивной булавы ³. Одна из могил (Диосполис Малый) датируется о. д. 35—40 ⁴. Роговые втулки для мехов с жидкостью, найденные на Юге, применялись с костяными втулками ⁵.

Из роговых предметов обихода и украшений до нас дошли сосуды, гребни, браслеты и кольца, из которых самой многочисленной группой являются сосуды. В погребениях Юга найдены пустые рога, датируемые

¹ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Naq.), pl. LXI₁₂, № 1481; pl. LXI₁₆, № 1705, p. 16.

² G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — Mostag.), pl. XLII₄₉.

³ W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901 (далее — Diosp.), p. 24, № b 86.

⁴ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — CPE II), p. 109.

⁵ Naq., pl. LXII₉₁, LXII₃₉; W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE), p. 47.

первым и вторым периодами, которые использовались для хранения косметических средств⁶. Кроме того были найдены также сосуды, по форме подражающие каменным и глиняным. Они обнаруживают определенное искусство резьбы. У сосудов из Нагады нет ножки, а есть заостренной формы дно (табл. 3, 2). Другие сосуды из Нагады от второго периода имеют ножку⁷.

Гребни дошли до нас в малом количестве. Один гребень найден на Юге, другой — на Севере⁸. Правда, последний очень плохо сохранился, и поэтому ничего нельзя сказать о длине зубьев, но по форме и размерам верхней части он похож на гребни из слоновой кости, которые будут рассмотрены ниже. На Юге найдены круглые браслеты, вырезанные из единого куска⁹. На Юге же найдено кольцо квадратное по наружному краю, но с круглым отверстием¹⁰.

Проколки-шилья из кости являются самыми распространенными орудиями как на Севере¹¹, так и на юге¹² на протяжении всей додинастической эпохи (табл. 3, 10). Их обычно изготовляли из трубчатых костей животных, реже птиц. Один эпифиз отбивали, и конец заостряли, а другой оставляли в качестве рукоятки¹³. Чаще такие трубчатые кости предварительно раскалывали вдоль на несколько частей и каждую из долей заостряли и шлифовали (табл. 3, 11). Полученные таким образом проколки были тонкие. Но, как думают некоторые авторы, применяли их и при плетении¹⁴. В зависимости от раскола шилья могли быть или с изогнутыми боками, или иметь форму равнобедренного треугольника¹⁵.

⁶ D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London, 1902 (далее — Amrah), pl. VII₂; Mostag., p. 74, № 4010.

⁷ Naq., pl. LXII₁₀₂, № 1425, 1759.

⁸ Mostag., pl. XLII₄₃; O. Menghin, *Die Grabung der Universität Kairo bei Maudi (Dritter Grabungsjahr)*, — MDJK, Bd V, H. 2 (далее — Maadi, III), S. 115.

⁹ PE, p. 31, № 1338.

¹⁰ G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynasti remains near Badari*, London, 1928 (далее — BC), p. 43.

¹¹ M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932 (далее — Maadi I), pl. LXXVI₁₂₋₁₅; M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936 (далее — Maadi II), pl. LXIII₆. Костяные шилья были широко распространены в неолитическом поселении Меримде (табл. 3, 4). [H. Larsen, *Knochengeräte aus Merimde in der ägyptischen Abteilung des Mittelmeermuseums*, — «Orientalia Suecana», IX, 1960, Uppsala (1961), (далее — Larsen, *Knochengeräte*), S. 34—38].

¹² G. A. Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908*, vol. I, Cairo, 1910 (далее — Reisner, *Nubia*), 17:55:66, 17:90:18, pl. 66_{a1a}, 66_{b55}, 66_{a19}; BC, pl. LVIII_{5,6}, № 2078, LXX₂₉; Mostag., pl. XLI₃₃₋₃₄, 43.

¹³ BC, pl. LVIII_{5,6}; J. Garstang, *Mahasna and Bêt-Khallâf*, London, 1902 (далее — Mah.), pl. IV; Maadi II, pl. LXIII_b.

¹⁴ G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934, p. 33; PE, p. 42.

¹⁵ Maadi II, pl. LXIII₄, pl. LXIII₇.

Иглы дошли до нас почти все со сломанным ушком. Исключением являются лишь несколько игл (табл. 3, 9)¹⁶. Сюда же можно отнести костяной крючок несколько необычной формы со сломанным ушком и иглу из птичьей кости (табл. 3, 8, 14)¹⁷.

Костяные наконечники гарпунов сохранились лишь от второго периода с Юга (табл. 3, 7)¹⁸. Их размер колеблется от 7,5 см до 16 см, и все они одного типа: зубья расположены по одну сторону оси (стержня) наконечника гарпуна. По количеству же зубьев они могут быть разделены на несколько групп. Наконечники гарпунов имеют утолщения, которые предохраняют веревку, завязанную узлом на наконечнике, от сползания¹⁹. В остальных случаях эту роль выполнял последний от острия зубец, за который зацеплялась веревка. Наконечники гарпунов меньшего размера, вероятно, применялись для ловли рыб. Более крупные наконечники могли быть использованы в наземной охоте и особенно при охоте на бегемотов.

Наконечником стрелы, если правы Амер и Мангин, является круглая кость длиной 8 см и диаметром 8 мм, имеющая с одного конца острие, а с другого — утончение как бы для вкладывания в тростник²⁰. Аналогичный пример можно привести от времени палеолита²¹. Такие же тупые костяные орудия, которые Ларсен предположительно называет наконечниками стрел, найдены в Меримде (табл. 3, 5). Он допускает, что они применялись при охоте на птиц²².

Другой костяной наконечник стрелы дошел от додинастического времени с Юга (второй период)²³. Он представляет собой стрелку (острие с двумя бородками по бокам) с утолщением в конце, как бы для лучшего укрепления древка. Там же был найден наконечник стрелы без утолщения²⁴.

Для обработки керамики до обжига, по-видимому, применялись шпательобразные орудия, изготовленные вместе с рукояткой из одного

¹⁶ Reisner, *Nubia*, [124]:17:18; BC, pl. LXXII₁₂₉; Mostag., pl. XLI₃₄; G. Brunton, *Matmar*, London, 1948 (далее — Matmar), pl. XVI₄₂.

¹⁷ BC, p. 60, pl. LIV₁₁.

¹⁸ BC, pl. XXXIV_{4,6}, № 1700, 1606; Amrah. № b 21, pl. XII₄.

¹⁹ Дж. Кларк полагает, что мадленский костяной наконечник гарпуна, имевший аналогичное утолщение ниже зубьев, не был прикреплен прочно к древку, а лишь был привязан веревкой к рукоятке, от которой отделялся в момент употребления (Дж. Кларк, *Доисторическая Европа*, М., 1958, стр. 40).

²⁰ Maadi II, pl. XVIII₅.

²¹ W. J. Sollas, *Ancient hunters*, London, 1924, pp. 363—364, fig. 176.

²² Larsen, *Knochengenäte*, S. 38, Abb. 4, (№ 12742), S. 40.

²³ Naq., pl. LXI₁₄, № 1215 (49—63), Массулар определяет материал, из которого сделан данный наконечник стрелы, как кость (E. Mossoulard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte* — «Université de Paris. Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie», Paris, LIII, 1949 (далее — Préhist.), p. 208.

²⁴ Naq., pl. LXIV₉₈, № T57 (69).

куска²⁵. Ларсен отмечает как одну из особенностей культуры Меримде наличие там костяных шпателей, которых от додинастического времени известно мало (табл. 3, 6)²⁶.

Интересной особенностью культуры Меримде является также наличие в ней большого количества костяных орудий (табл. 3, 3); по мнению Ларсена, эти долотообразные орудия применялись для обработки шкур²⁷. Подобные орудия в других раннеземледельческих поселениях Египта не были обнаружены (стр. 26).

Рукоятки из кости на медной проколке дошли до нас во фрагментарном виде из Маади, но по ним нельзя проследить способ соединения медного орудия с костяной рукояткой²⁸.

Костяные трубочки-футляры (табл. 3, 19) для хранения ценных в то время медных игл дошли до нас от первого периода с Юга. Иногда пустую трубочку и медную иглу находили отдельно в одной и той же могиле, а иногда находили трубочку с иглой внутри²⁹.

Костяные втулки (табл. 3, 18), которые по своему виду неотделимы от подвесок-амулетов, могли, однако, применяться для затыкания отверстий в мехах с жидкостью, как и роговые втулки³⁰.

Кость находила применение и в качестве строительного материала. Так, бедренная кость бегемота была употреблена в Маади в качестве ступени у хижины³¹.

Предметы обихода и украшений из кости были разнообразнее, чем изделия из рога, и встречаются в большом количестве.

Сосудики из кости, как и из рога, по-видимому, применялись для хранения косметических средств, так как их размер очень невелик. В династическое время сосудики из кости, камня и других материалов служили вместилищами для косметических снадобий. По своей форме они повторяют каменные сосуды с просверленными по бокам ручками-отверстиями (табл. 3, 15)³². Сюда же могут быть отнесены костяные трубочки из Хемамийе, в которых держали краску³³. Одна из трубочек имеет орнамент в виде вырезанных бороздок.

Туалетные ложки известны лишь для второго периода. До нас дошли костяные ложки из Абусир эль-Мелека. У одной из них на конце

²⁵ E. Naville and T. E. Peet, *The cemeteries of Abydos*, pt I, London, 1914, pl. III_{а3}, а5

²⁶ Larsen, *Knochengeräte*, S. 42, 53.

²⁷ Ibid., S. 29—30, 48, 53.

²⁸ Maadi I, pl. XXXIX₂.

²⁹ Reisner, *Nubia*, pl. 66_{a11}, a12, 125:17:84.

³⁰ Matmar, pl. XVI₂₄.

³¹ Maadi II, p. III, pl. XIV_{1—2}.

³² «Die archaologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharif», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), Taf. XXVI₂₄₉.

³³ BC, pp. 109—114, pl. LXXII₁₃₁ F, p. 109.

ручки вырезано украшение и отверстие для подвешивания, а другие имеют гладкие ручки, в которых там же проделана дырочка для подвешивания³⁴.

Предмет, который может быть рассмотрен как шпатель для минеральных косметических веществ, был найден на Севере. Дошли и фрагменты подобных шпателей³⁵.

Гребни от первого периода имеют длинные зубья и украшения в виде фигурок птиц, животных, рогов и людей (табл. 3, 17)³⁶. Вероятно, они вкалывались в волосы.

У гребней второго периода³⁷ происходит постепенное уменьшение размера зубьев, и в конце концов они настолько укорачиваются, что это дает право Шарффу называть их «гребнями для царапания»³⁸. Были также гребни-амулеты — длинные и узкие, и зубья у них лишь намечены или вырезаны очень короткими. Такие гребни-амулеты обычно имели дырочки для подвешивания на шею (табл. 3, 13).

Шпильки для волос встречаются гладкие и с вырезанным на них орнаментом (геометрическим)³⁹. Шпильки служили украшением для головы (табл. 3, 20). Кроме того, они могли применяться как иглы без ушка при шитье. Ими можно было проделать дырочку, а затем наощенную нитку продвигать в отверстие. К сожалению, исследователи не указывают характерные детали изделия, и поэтому не всегда возможно определить назначение изделия, которое имеет один конец заостренный, а другой — тупой⁴⁰.

Браслеты обычно делались из одного куска, круглые в разрезе. Они встречаются на Юге (табл. 3, 16) и на Севере⁴¹. Интересно, что браслет из Абадийе имеет следы починки — дырочки для скрепления в месте раскола⁴².

Бусы из рыбных позвонков были найдены на Юге (табл. 3, 12) и датируются вторым периодом⁴³. Бусы, обнаруженные в Маади, сделаны из трубчатых костей и имеют либо призматическую, либо цилиндрическую форму, некоторые из них превосходно отшлифованы⁴⁴. Иногда костяные бусы покрывались золотом.

³⁴ Abusir, Taf. XXXIV_{339, 343, 344}.

³⁵ Maadi III, S. 115; Mostag., p. 70, pl. XLII₅₂.

³⁶ Mostag., pl. LII₄₄; Naq., pl. LIX₅; Matmar, pl. XVI₃₋₆.

³⁷ Naq., pl. LXIII₅₁₋₅₂; BC, pl. LXXII₁₃₀.

³⁸ Matmar, pl. XVI₁₆; Abusir, S. 55.

³⁹ BC, pl. LXX₁₂₈ (птичья кость); Mostag., pl. XLII₆₄; Reisner, *Nubia*, p. 142, fig. 310.

⁴⁰ BC, pl. XXX, № 111; T. E. Peet, *The cemeteries of Abydos*, pt II, London, 1914 (далее — CAbyd II), p. 19, № 4346.

⁴¹ Mostag., pl. XLIII₂₄; Abusir, Taf. XXXV₃₃₆.

⁴² Diosp., pl. X₂₃.

⁴³ BC, pl. L T_{862, 1, 6}.

⁴⁴ Maadi I, p. 50, pl. LXXVII₁₀.

Подвески-амулеты из кости были весьма разнообразными. Простейшую форму представляет подвеска из клыка кабана, найденная в Маади⁴⁵. Встречались подвески-амулеты и в виде человекообразной фигурки, стилизованных голов антилопы и фигурок других животных⁴⁶. Находили также подвески-амулеты, по своему виду напоминающие втулки, или просто украшения с вырезанным орнаментом.

Кость применялась также для изготовления фигурок в виде птиц, людей, фигурок из какой-то неизвестной нам игры⁴⁷. Найдены фрагменты кости, по своему виду напоминающие кусочки для инкрустирования, и другие фрагменты неизвестного назначения⁴⁸.

При анализе материала, изложенного в этом разделе, бросается в глаза небольшое количество изделий из рога по сравнению с числом предметов из кости, дошедших до нас. Количественное превосходство групп изделий из кости, несомненно, говорит о большей распространенности кости как материала для поделок по сравнению с рогом. В целом можно сказать, что и рог и кость были привычными материалами в руках резчиков додинастического Египта и их искусство достигло значительной высоты для того времени.

Слоновая кость представляет собой сплошное белое зубное чрезвычайно плотное и прочное вещество. Она не бьется, легко режется, шлифится, полируется, хорошо принимает окраску и в нормальных условиях от времени не разрушается. Клык (или бивень) африканского слона достигает до 2,5 м длины и весит около 85 кг. Он до половины трубчат, а затем пустота постепенно сужается, стенки к концу утолщаются. Вот такой клык толщиной с руку человека дает превосходный материал для резьбы.

До сих пор не существует сколько-нибудь полного исследования по вопросу о слоновой кости в додинастическом Египте. В специальных египтологических работах по опубликованию археологического материала, начиная с конца XIX в. слоновой кости отводилось место наравне с другими материалами. Первым в широкий научный оборот египетские изделия из слоновой кости ввел бельгийский ученый Капар в 1904 г.⁴⁹ Однако он уделил внимание лишь тем предметам, которые, по его мнению, имели художественную ценность. Такими изделиями оказались гребни, браслеты, кольца, подвески и прочие предметы украшения и обихода. Позже Питри рассмотрел предметы из слоновой кости, но не проводил четких хронологических границ между додинастической эпохой и динас-

⁴⁵ Ibid., p. 50, pl. LXXVII₁₂₋₁₃.

⁴⁶ Naq., pl. LIX₈; Mah., pl. IV₂₂₉; Mostag., pl. XLIII₂₈.

⁴⁷ Naq., pl. LX₂₀, LIX_{9,10}; Maadi I, pl. LXXVI₇.

⁴⁸ CAByd II, p. 4, pl. IIa; BC, pp. 102—103, pl. LXXI₇₈.

⁴⁹ J. Capart, *Le débuts de l'art en Egypte*, Brussels, 1904 (далее — Capart, *Le débuts*), pp. 72—76, 130, 153, 190—191, 245.

тическим временем, тем самым затрудняя изучение додинастического ремесла⁵⁰. Массулар и Вандье в своих работах также дали лишь перечень предметов из слоновой кости⁵¹. Среди советских исследователей, занимавшихся этим вопросом, необходимо отметить Флиттнер⁵².

Слоновая кость в древнейшем Египте была широко распространена наряду с камнем, рогом, обыкновенной костью, деревом и металлами. Со времени неолита из слоновой кости делали крючки, сосуды, гребни и другие предметы. Особенно много их было в первом и втором периодах. Раскопки, проведенные в конце XIX в., дали большое количество изделий из этого материала. В Раннем царстве из слоновой кости делали статуэтки людей, фигурки животных, рыб, продолжают изготавливаться сосуды⁵³, части мебели, главным образом резные ножки в виде ног быка к стульям и кроватям, рельефы, цилиндры, этикетки и таблички для записи, накопечники копий и стрел и многое другое⁵⁴. В гробнице Хемака, вельможи одного из царей первой династии, было найдено коньё из слоновой кости и сотни различных типов наконечников стрел⁵⁵.

Если только в одной гробнице вельможи было найдено такое большое число накопечников стрел из слоновой кости, то нетрудно представить, как велико было общее количество потребляемой слоновой кости в Раннем царстве. Находки в гробницах приближенных царей первой династии подтверждают это предположение⁵⁶. В додинастическое время слоновая кость из-за своих превосходных качеств была также излюбленным материалом для всякого рода поделок. Из нее изготавливались орудия, предметы обихода и украшения. Мы подробно остановимся на некоторых деталях при описании отдельных изделий, чтобы обратить внимание на необычайную развитость этого вида производства. Внутри

⁵⁰ PE, pp. 24, 29—31.

⁵¹ Préhist, pp. 119, 125, 145—149, 209—210, 304—306; J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952, pp. 213—214, 218—219, 388—395, 402—403, 426—428, 533—560.

⁵² Н. Д. Флиттнер, *Культура и искусство Древнего и соседних стран*, Л., 1958, стр. 90—92.

⁵³ J. E. Quibell and W. M. Fl. Petrie, *Hierakonpolis*, pt I, London 1900 (далее — Hierakonp. I), pl. VI_{4,5}, VIII₁₋₇; W. M. Fl. Petrie, *Abydos*, pt II, London, 1903, pl. III₁₇₋₁₉, XIII, II_{12,15}, III_{16,22}; J. Morgan, *Recherches sur les origines de l'Égypte*, vol. I, *L'Age de pierre et les métaux*, Paris, 1896 (далее — Rech.), p. 193, fig. 701—713, 663—678; W. M. Fl. Petrie, *Abydos*, pt I, London 1902 (далее — Abyd. I), pl. XLV₅₀₋₅₁. W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the first dynasty*, pt I, London, 1900 (далее — RT I), p. 28, pl. XXXVII₆.

⁵⁴ Rech., fig. 687; W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the earliest dynasties*, pt II, London, 1901, pl. VII A₁₅, XII_{8,9}; Hierakonp. I, pl. VI_{6,7}, XII₁₋₃; J. E. Quibell and W. F. Green, *Hierakonpolis*, pt II, pl. XV₁₋₇; Abyd. I, pl. LI₁₅; RT I, pl. XI₁₋₁₄; W. B. Emery, *The tomb of Hemaka*, Cairo, 1938 (далее — Hemaka), p. 48, fig. 22b, 22a.

⁵⁵ Hemaka, p. 45.

⁵⁶ Сравнивая гробницы вельмож первых династий с простыми захоронениями додинастического времени, мы допускаем некоторую условность.

одной группы изделий, в частности гребней, шпилек, можно увидеть несколько вариантов форм изделий. Приходится только удивляться мастерству древних резчиков, которые при помощи каменных и кремневых и небольшого набора медных орудий смогли поднять художественное ремесло на такую высокую ступень.

Орудия из слоновой кости представлены шилом-проколкой, иглами и наконечниками гарпунов.

Шило-проколка найдено на Юге во фрагментарном виде⁵⁷.

Иглы с ушком очень редки. Брантон обнаружил лишь одну иглу на Юге. От бадарского же времени шильев-игл дошло больше⁵⁸.

Наконечники гарпунов найдены также в захоронениях Юга. Обнаружены наконечники гарпунов с тремя зубьями и с одним зубцом (табл. 4, 1)⁵⁹. К концу додинастического времени наконечники гарпунов в целом претерпевают изменения в сторону уменьшения количества зубьев, и в Раннем царстве мы находим наконечники гарпунов уже с одним зубцом. В иероглифическое письмо также вошел знак, изображающий гарпун с одним зубцом⁶⁰.

Интересно отметить, что в додинастическое время мы не встречали изготовленных из слоновой кости крючков, подобных бадарским крючкам, применявшимся, вероятно, для рыбной ловли⁶¹. Можно только предполагать, что начиная с первого периода довольно громоздкие рыболовные крючки из слоновой кости были заменены медными и, кроме того, крупная рыба могла ловиться гарпунами и сетями.

Необходимо отметить отсутствие точно датированных наконечников стрел из слоновой кости. Выше уже говорилось о том, что в Раннем царстве такие наконечники стрел существовали. Можно лишь предположить, что они имели распространение и в додинастическое время, хотя и не дошли до нас.

Рукоятки орудий из слоновой кости для удобства рассмотрения могут быть разделены на две группы: гладкие и покрытые резьбой. К гладким мы можем отнести рукоятку, найденную Рейснером, и, может быть, цилиндрическую трубочку длиной 20 см и диаметром в 8 мм⁶². Особое место занимает гладкая рукоятка из Амры, которая своими двумя рогообразными выступами охватывает обушковую часть серебряного клинка и прикреплена к нему посредством заклепки⁶³. Длина рукоятки, по фор-

⁵⁷ Reisner, *Nubia*, 125:17:84.

⁵⁸ Mostag., pl. XLII⁶³, XXIII^b, d, e, f.

⁵⁹ Naq., pl. LXI^{13,15}, LXI¹².

⁶⁰ H. Petrie, *Egyptian hieroglyphs of the first and second dynasties*, London., 1927, pl. XXXIII⁷⁸⁷⁻⁷⁸⁹.

⁶¹ BC, pl. XXI⁹⁷; Matmar, pl. IV¹⁹⁻²⁰.

⁶² Reisner, *Nubia*, 127:17:95, 312:41:312.

⁶³ Amrah, pl. IV¹⁻².

ме похожей на восьмерку, равна 18 см, причем кинжал (о. д. 50) соединяется с рукояткой способом, отличным от месопотамского⁶⁴.

Другую группу составляют резные рукоятки для ножей: рукоятка ножа из Джебель эль-Арака, из коллекции Карнарвона, из Питт-Райверс музея, из Бруклинского музея, из коллекции Питри и из Метрополитанского музея. Эти изделия широко представлены в литературе, рассматривающей рукоятки как материал для изучения фауны додинастического Египта, для выяснения исторических событий и культурных связей Египта с Передней Азией и как художественные изделия, говорящие о высоком искусстве резьбы⁶⁵. Все указанные резные рукоятки для ножей не найдены при археологических раскопках, а куплены у продавцов древностей, что весьма затрудняет их датировку. Однако большинство исследователей сходятся на том, что рукоятки были изготовлены во второй половине второго периода. Основным критерием при этом является так называемая струйчатая ретушь на кремневых ножах, к которым относятся рукоятки.

Изделия из слоновой кости мы встречаем и в виде предметов обихода и украшений.

Сосудики из слоновой кости употреблялись наряду с роговыми и костяными для хранения косметических средств (табл. 4, 9—10, 15—16). Таких предметов до нас дошло больше, чем из обычной кости и рога. При этом бросается в глаза большое разнообразие форм сосудов из бивня слона. В целом они подражают по форме каменным сосудам⁶⁶.

Ложечки из слоновой кости обнаружены в небольшом количестве на Юге и на Севере. Они имеют обычно круглые или продолговатые чашечки и хорошо вырезанные ручки (табл. 4, 4, 14)⁶⁷. По своим размерам ложечки невелики. До сих пор неизвестно точно датированных ложечек от первого периода.

Гребни из слоновой кости имеют еще большее распространение, чем костяные гребни. На протяжении всей додинастической эпохи гребни из слоновой кости встречаются двух типов. Одни представляют собой совершенно гладкие прямоугольники, иногда слегка закругленные сверху (табл. 4, 2—3)⁶⁸. Другие имеют наверху украшения и размеры зубьев, аналогичные костяным гребням. За редким исключением, все гребни из

⁶⁴ W. M. Fl. Petrie, *Tools and weapons*, London, 1917, p. 62.

⁶⁵ G. Bénédict, *The Carnarvon ivory*, — JEA, vol. V, 1918, pl. IV, pl. XXXII, pl. I, p. 227, fig. 1, pl. XXXIV; PE, pl. XLVIII_{3,4}; H. Kantor, *The final phase of predynastic culture, Gerzean or Semainean?* — JNES, vol. III, 1944, pp. 125—127, pl. X A. B.

⁶⁶ R. Mond and O. Myers, *Cemeteries of Arman I*, London, 1937 (далее — Arm.), pl. XLVI, № 1438; Diosp., pl. X₂₃; E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911 (далее — CMah), pl. XII₂, XX₃; W. M. Fl. Petrie, G. A. Winright and E. Mackay, *The Labyrinth, Gerzeh and Mazguneh*, London, 1912, pl. IV.

⁶⁷ CMah, pl. XX₄; Amrah, p. 34, pl. XI_{5,6}.

⁶⁸ Préhist., pp. 179—180, n. 87.

бивня слона найдены на Юге. На примере гребней можно проследить, как совершенствовалось мастерство при их украшении. Наряду с перечисленными гребнями имеется еще гребень Дави, который несет на себе рельеф, отличающийся высокохудожественной резьбой⁶⁹. Помимо простых гребней найдено некоторое количество гребней-амулетов, аналогичных костяным амулетам (табл. 4, 18).

Амулеты-подвески в виде маленького изогнутого рога или клыка с небольшим отверстием для подвешивания являются самыми простыми амулетами⁷⁰. Формы подвесок чрезвычайно разнообразны, и не всегда можно узнать предмет, которому они подражают. Иногда можно с трудом узнать стилизованную голову быка, антилопы с двумя изогнутыми во внутрь рогами. К амулетам иногда причисляют так называемые ярлыки и втулки (табл. 4, 13), которые представляют собой подвески в виде стилизованных птиц⁷¹, сидящих на перекладине, под которой ниже сделана узкая шейка для прикрепления тесьмы или ремня⁷². Иногда эти «втулки» не несут никакого орнамента. Имеются амулеты в виде человеческого торса (в виде стержня), увенчанного человеческой головой, несущей наверху петлю для подвешивания⁷³. На Юге найдено очень много амулетов различных форм. Особое место занимают подвески-сосудики. Обычно они полые внутри и по краям имеют наверху несколько отверстий⁷⁴. Подвеска-сосуд из Махасны имеет основанием маленького гиппопотама (табл. 4, 9). В таких сосудах-подвесках, очевидно, хранили косметические вещества⁷⁵.

Цилиндр из слоновой кости найден лишь один от времени второго периода⁷⁶. От додинастического Египта не дошло отпечатков, показывающих применение этих цилиндров в качестве печатей, да и самих цилиндров найдено очень мало. Поэтому можно эти изделия рассматривать как подвески-амулеты, которые носились как украшения на шее.

Шпильки для волос найдены в додинастическом Египте в большом количестве (табл. 4, 5, 11). Почти все шпильки обнаруживают обильный геометрический орнамент в виде перекрещивающихся под углом линий. Помимо резного орнамента на шпильке иногда имеется украшение в виде птиц, различных зверей, стилизованных голов животных и птиц⁷⁷. Есть шпильки и совсем гладкие, но с заостренным концом⁷⁸. Врезжин-

⁶⁹ G. Bénédicté, *The carnarvon ivory*, pl. XXIII.

⁷⁰ CMah, pl. XXXI₄; Naq., pl. LXIV₉₁₋₉₃.

⁷¹ CMah, pl. XV_{2,4}; Matmar, pl. XVI₂₁₋₂₂.

⁷² Mostag., pl. XLII_{26,34-35}; Naq., pl. LXII_{15,28,36,45}.

⁷³ Naq., pl. LIX_{1,3}; Diosp., pl. XI₁₇₋₁₈; Capart, *Le débuts*, fig. 140.

⁷⁴ Matmar, pl. XVI₁₃₋₁₄; Mostag., pl. XLII₃₅.

⁷⁵ CMah, pl. XIII₂.

⁷⁶ Diosp. pl. X, 34, № U₃₆₄.

⁷⁷ Amrah, № b 62, pl. VIII₄; Diosp., pl. V_{B-101}.

⁷⁸ BC, pl. LXXII₉₉; Naq., pl. LXII₃₆.

ский отмечает, что иероглифический знак u_{31} (шпилька для волос) в древнем Египте изготовлялся в основном из слоновой кости⁷⁹.

Бусы из слоновой кости в Египте встречаются в виде бочкообразных и цилиндрических бус как на Юге, так и на Севере⁸⁰.

Браслеты и кольца не всегда поддаются точному разграничению, так как некоторые авторы называют «кольцом» и браслеты и кольца, не уточняя их размеров (табл. 4, 17, 19—20). Браслеты и кольца в большинстве случаев представляют собой гладкие, круглые в разрезе ободки, иногда не совсем правильной круглой формы⁸¹. Все эти кольца и браслеты вырезаны из одного куска слоновой кости и являют собой уже высокое мастерство в искусстве резьбы додинастического времени, как показывает резьба на кольце из Нагады с двумя львами, датированном додинастическим временем. Такие изделия неолитического времени нам неизвестны.

В додинастическое время продолжается развитие круглой скульптуры из слоновой кости. Статуэтка человека из Махасны (табл. 4, 12) имеет инкрустированные стеатитовыми бусами глаза, у нее привитые к телу руки и сведенные вместе ноги без разработки пальцев⁸².

К числу предметов неизвестного назначения относится модель, подражающая палеткам из граувакки⁸³. Интересна находка модели сандалий длиной около 7 см с красными линиями, имитирующими ремни для застегивания (табл. 4, 8).

В результате подробного рассмотрения изделий из рога, кости и слоновой кости мы приходим к выводу, что все они взаимно заменяли друг друга. Так, все три материала шли на изготовление как орудий, так и предметов обихода и украшений, но в целом рог применяли меньше, чем кость и слоновую кость. Поэтому можно сказать, что слоновая кость благодаря своим высоким качествам — твердости, цвету и блеску — рано получила у жителей Египта высокую оценку и широко применялась в соответствии с их хозяйственными нуждами.

Однако при сравнении общего количества дошедших до нас орудий из слоновой кости с костяными орудиями мы увидим значительное преобладание костяных. Костяные проколки встречаются в большом количестве на протяжении всей додинастической эпохи и на Севере и на Юге. Орудий же из слоновой кости найдено в количественном отношении меньше. До сих пор мало обнаружено орудий и рукояток для орудий. Есть даже додинастические поселения и кладбища, где не найдено ни одного орудия из бивня слона. Слоновая кость, начиная со Старого цар-

⁷⁹ W. Wreszinski, Studies pres. to F. L. Griffith, London, 1932, p. 134.

⁸⁰ BC, pl. XLIC₁₃; Matmar, pl. XV₂₄₋₂₅; Arm, p. 106.

⁸¹ Diosp., pl. VII, № U₃₅₄; Mah., pl. IV, № 212; CMah, pl. XVIII₄.

⁸² CMah, pl. XI₁, № H₂₉ (31—44).

⁸³ Diosp., pl. XI₅.

ства, встречается уже реже. Она ценится высоко и поэтому похищалась из захоронений. До сих пор до нас дошли те орудия из слоновой кости, которые в силу счастливой случайности избежали хищения. Орудия бивня слона были в ходу в додинастическом Египте наряду с орудиями из рога, кости, камня и кремня, и меди. Из всех шести материалов, шедших на изготовление орудий в додинастическое время, самыми лучшими по своим качествам были, разумеется, медь, камень и слоновая кость.

Можно сказать, что в долгой и упорной борьбе между камнем и медью в эпоху энеолита в Египте слоновая кость не использовалась в качестве одного из основных материалов для изготовления орудий и прочих изделий. Из слоновой кости делались лишь орудия для охоты, рыболовства или для плетения и шитья одежды или ремней и т. п. Эти занятия в эпоху энеолита не были основными занятиями. Уже с неолита обитатели Египта стали заниматься земледелием наряду со скотоводством, которые в эпоху энеолита становятся одними из основных занятий людей. Однако сельскохозяйственных орудий из слоновой кости найдено не было.

Если мы говорим о малом удельном весе орудий из бивня слона, то это не дает нам права ограничиваться лишь беглым знакомством с материалом, при этом не пытаясь сравнить их с другими орудиями и сделать какие-либо выводы, или, наконец, совсем умалчивать о них.

При знакомстве с находками из погребений и поселений Юга и Севера сразу бросается в глаза, что в самом северном додинастическом поселении Маади не найдено ни одного предмета из слоновой кости, а другие северные кладбища Абусир эль-Мелек, Герзе и Хараге также чрезвычайно бедны слоновой костью. Правда, все группы предметов украшений и обихода представлены на Севере, но это единицы, а орудий не обнаружено вовсе. Основная масса предметов из бивня слона найдена на Юге. Такая чрезвычайная бедность Севера изделиями из слоновой кости объясняется, очевидно, отсутствием местного сырья. На Север, по-видимому, слоновая кость или изделия из нее привозились с Юга.

Всякого, кто ознакомится с изданиями археологических раскопок в Египте или с путеводителями по музеям, где хранятся египетские древности, поразит огромное количество предметов из слоновой кости, дошедших до нас из Египта от додинастического времени и эпохи Раннего царства⁸⁴. Не всегда можно точно определить материал, из которого изготовлены предметы додинастического времени, т. е. изготовлены ли они из бивня слона или зуба бегемота, поскольку последний тоже шел в додинастическое время на поделки. До сих пор не проведено систематического исследования по определению материала. Поэтому у нас не может быть полной уверенности в том, что из всех изделий, принимаемых

---

⁸⁴ СРЕ II, стр. 44.

нами за изделия из слоновой кости, часть изделий не будет в дальнейшем определена как предметы из зуба бегемота. Отсюда напрашивается вопрос об источнике, откуда получался этот дорогой материал и в столь большом количестве. Сторонники мнения, отрицавшего возможность существования слона в додинастическом Египте, исходили из наличия в Египте к концу XIX и началу XX в. географических условий, совершенно невозможных для существования слона в диком состоянии⁸⁵. В то время археологическое и геологическое изучение Египта еще только зарождалось, и данных о наличии в додинастическом Египте и в прилегающих к нему районах других, более благоприятных географических условий по сравнению с современными еще не было. Кроме того, было известно, что в фараоновском Египте слоновую кость получали в числе продуктов с Юга⁸⁶. Разумеется, что эта группа исследователей ставила все развитие додинастической резьбы по слоновой кости в зависимость от ввоза этого материала извне. Уже в начале XX в. появилась и другая точка зрения, сторонники которой считали, что слон в додинастическое время водился в Египте.

Предположение о возможности существования слона в Египте в эпоху неолита и энеолита и начала медного века (Раннее царство) подтверждается как находками остатков африканского слона, датированных этим временем, так и изображениями слона на сосудах, палетках из граувакки, на золоте, резьбе по слоновой кости и камню, а также в многочисленных наскальных рисунках⁸⁷. Естественно предполагать, что для

⁸⁵ См. нашу статью «Слоновая кость в древнейшем Египте», — ВДИ, 1962, № 3, стр. 134—140. Мы согласны с разновременной датировкой Баумгертель колосса Мина (Там же, стр. 138).

⁸⁶ J. H. Breasted, *First preliminary report of the Egyptian expedition*, — «The American journal of Semitic languages and literatures», vol. XXIII, 1916, p. 38.

⁸⁷ Начало изучения наскальных рисунков в Египте связано с именем выдающегося русского египтолога В. С. Голенищева, который в 80-х годах прошлого века путешествовал по Египту и в Вади-Хаммамат сделал некоторые зарисовки с наскальных рисунков, а по возвращении в Россию издал их (В. С. Голенищев, *Эпиграфические результаты поездки в Уади-Хаммамат*, — «Записки Восточной секции Русского археологического общества», т. II, 1887, вып. 1—4, СПб., 1888, стр. 65—81). Наскальные рисунки Египта в большинстве случаев выполнены в технике «камнем по камню», иначе называемой точечной техникой. До 1938—1939 гг. сами изображения оставались мало изученными. Лишь систематические исследования Винклера как в Аравийской, так и в Ливийской пустыне доказали синхронность части древних наскальных рисунков Египта с египетским неолитом и энеолитом (H. A. Winkler, *Rock-drawings of Southern Upper Egypt*, vol. I, London, 1938; vol. II, London, 1939). На этих рисунках слона часто окружают люди, охотники с луком, с бумерангами. Руки часто подняты, как у людей, изображенных на сосудах первого и второго периода. Иногда вокруг животных и людей встречаются зигзаги, волнистые линии, спирали, которые являются характерными для росписи керамики додинастического времени. То же подтверждает и материал, обнаруженный Деболо в Аравийской пустыне десять лет спустя [F. Debono, *Expédition archéologique royale au désert Orientale (Keft-Kosseir)*, — ASAE, vol. LI, 1951, fasc. 1, pp. 59—110].

правильного изображения этого животного совершенно непохожего ни на какого другого представителя животного мира Египта, художнику и резчику надо было видеть это животное воочию. При знакомстве с изображениями африканского слона в додинастическом Египте мы видим все свойственные ему особенности.

Исходя из наскальных рисунков, можно сделать интересный и правильный вывод о том, что в Аравийской пустыне одним из основных животных, на которого охотились во времена неолита и энеолита, был слон. Ввиду ухудшения географических условий в Ливийской пустыне слон исчез в конце первого периода.

На Севере было найдено очень мало предметов, изготовленных из слоновой кости, датируемых додинастическим и раннединастическим временем, а в Маади не было найдено ни одного изделия из бивня слона. Вследствие этого мы предполагаем, что слоновая кость в додинастическую эпоху поступала на Север, а не добывалась на месте на Севере.

Совершенно очевидно, что источником получения слоновой кости в столь большом количестве не мог быть ввоз основной ее части из районов, удаленных к югу от первых порогов, ибо в этом случае мы должны допустить для такой ранней эпохи наличие очень оживленных торговых связей с населением районов, лежащих к югу от первых порогов, а для такой предпосылки у нас нет оснований.

При рассмотрении немногочисленных находок времени энеолита и бронзы в Передней Азии бросается в глаза чрезвычайная бедность Передней Азии изделиями из бивня слона; найдены лишь предметы украшения и туалетные принадлежности. Все выше сказанное не дает основания для утверждения о ввозе слоновой кости из Передней Азии в Египет.

Основным источником получения слоновой кости в течение долгого времени, длившегося более 2 тыс. лет, была главным образом охота на слона в пределах Египта и в прилегающих к нему районах с запада и востока⁸⁸. Трудно сказать, была ли только охота на слона причиной его исчезновения. Вероятнее будет предположить, что помимо охоты происходило постепенное ухудшение условий жизни слона сперва в Ливийской, а позднее и в Аравийской пустыне. Сокращение дождей к началу III тысячелетия до н. э., разведение домашнего скота, в особенности овец и коз, которые способствовали уничтожению молодых порослей, усиливавшаяся вырубка лесов с целью удовлетворения потребностей в материале

---

⁸⁸ Поскольку в Передней Азии в древности тоже водился слон и были найдены предметы, изготовленные из слоновой кости, датируемые IV и III тысячелетиями до н. э., то может возникнуть вопрос, не ввозилась ли слоновая кость в IV тысячелетии до н. э. в Египет из Передней Азии? Изделия из слоновой кости дошли до нас из Тепе Гавра. Происхождение этой слоновой кости остается, однако, неизвестным, поскольку невозможно отличить бивень африканского слона от бивня индийского слона, разновидностью которого был переднеазиатский слон.

и углежжения для надобностей развивающейся металлургии создали условия, при которых слоны не могли достать себе в достаточном количестве воду и растительную пищу и тем самым были обречены на медленное вымирание. В Нижней Нубии в позднединастическую эпоху замечается количественное сокращение изделий из слоновой кости по сравнению с предыдущим периодом⁸⁹. Это также говорит об исчезновении слона в районах к югу от первых порогов. Много позже цари эллинистического Египта посылали далеко на юг экспедиции специально за боевыми слонами.

---

⁸⁹ Préhist, p. 365.

Глава 3

КАМЕНЬ

Египет изобилывал камнем и кремнем, что являлось одной из предпосылок для дальнейшего развития производства изделий из камня и кремня в додинастическое время в Египте. В литературе нередко отмечалась виртуозность египетских додинастических камнеделов¹. Помимо столь высокой техники обработки камня и кремня, которой не достиг ни один из народов древнего Средиземноморья, поражает наличие множества групп изделий, многообразие форм внутри этих групп и широта применения материала, начиная от камня-молота и кончая браслетом и бусинкой.

Горы, окаймляющие долину Нила, Восточная пустыня и Синайский полуостров давали жителям Египта всевозможные породы камня и кремня. В числе горных пород были самые мягкие, как-то стеатит (его можно резать) и твердые породы, шедшие также на поделки, как кварцит. Эти камни часто имели красивую расцветку и разноцветные прожилки, что также использовалось камнеделами при изготовлении предметов украшения и обихода.

Основные месторождения камня были в Тура, Хатнубе, Сильсиле, Асване и Вади-Хаммамат, которые, помимо уже упомянутых пород, давали алебастр (камень), известняк, песчаник, гранит, базальт, диорит, долерит, порфир, граувакку и другие породы, находившие себе применение в производстве и в повседневной жизни додинастических жителей Египта². Кроме того, в Египте и поблизости от него на Синайском полуострове имелись месторождения так называемых драгоценных и полудрагоценных камней: аметиста, кварца, берилла, сердолика, халцедона, малахита, бирюзы и других, которые шли главным образом на изготовление предметов украшения — бус и подвесок.

¹ J. Capart, *Le débuts de l'art en Egypte*, Bruxelles, 1904, pp. 66—67.

² Граувакка — осадочная порода, которую ошибочно называют иногда шифером [А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*, М., 1958 (далее — МРП), стр. 629; J. H. Harris, *Lexicographical studies in Ancient Egyptian minerals*, — «Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin Institut für Orientforschung», Berlin, № 54, 1961, p. 16].

Особое место в жизни древнего жителя долины Нила занимал кремьнь³, который был излюбленным материалом для изготовления не только орудий, но и предметов украшения и обихода. Кремьнь и сходный с ним по составу шерт, но уступающий по своим качествам (он не дает раковистого излома) кремню, встречались в Египте в нескольких местах внутри известняковой породы и в виде кусков кремня, лежавших на поверхности земли, как следствие выветривания горных пород.

Помимо перечисленных сортов камня мы встречаем в додинастическое время в Египте изделия из обсидиана и лазоревого камня, которые не добывались в Египте, а ввозились из других стран (см. главу 5).

Английский ученый Чайлд считал, что жители Египта времени первого периода освоили добычу слоистого кремня в каменоломнях⁴. В Восточной пустыне был открыт карьер, где, вероятно, с древнейших времен разрабатывался кремьнь⁵. Но добыча кремня в каменоломнях связана с разработкой и других пород, поэтому мы должны рассмотреть вопрос о возможности разработки камня в карьерах в додинастическое время.

Лукас полагал, что добыча камня в каменоломнях началась в Египте лишь с появлением медных орудий и что до этого пользовались лишь естественными обломками пород⁶. По его мнению, начало добычи камня в Египте относится ко времени Раннего царства. Известно, что в династическое время камень в карьерах добывался при помощи деревянных клиньев, которые вставлялись в ямки, специально для этого выдолбленные в скале. Клинья эти непрерывно смачивались водой до тех пор, пока они, набухая, не вызвали трещину в скале и таким образом разламывали ее. Кларк и Энгельбах, специально изучавшие вопрос о разработке камня в каменоломнях династического времени, совсем не коснулись этого вопроса в отношении додинастического Египта⁷. Поскольку они считали, что для выдалбливания ямок в граните, куда вкладывались деревянные клинья, нужны были металлические или долеритовые орудия наподобие резца с рукояткой или без рукоятки, и допускали возможность получения трещин и изломов даже в граните путем битья долеритовыми двенадцатифунтовыми камнями-молотами по скале, то можно предположить разработку горных пород таким образом и для додинастического времени⁸. Прямых доказательств пока еще нет. Но

³ Свойства кремня таковы, что он дает раковистый излом, при помощи которого можно обработать плоскость, заострить край. Твердость кремня по шкале Мооса равна 7.

⁴ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956 (далее — ДВ), стр. 96.

⁵ E. Baumgartel, *The flint quarries of Wadi Shayah*, — AE, 1930, pp. 103—108.

⁶ МРП, стр. 126—127.

⁷ S. Clark and R. Engelbach, *Ancient Egyptian masonry*, London, 1930, p. 24.

⁸ Ibid., p. 27.

так как потребности в больших количествах горных пород у додинастических обитателей Египта не было, то у нас больше оснований согласиться с мнением Лукаса, что для поделок они применяли обломки скалы или отбивали при помощи камней-молотов нависшие куски скалы. Додинастический житель Египта обрабатывал поверхность камня так называемой точечной техникой, что известно по наскальным рисункам первого и второго периодов (стр. 61, 176).

Что касается обработки камня, то нам ничего не известно о пилении камня в додинастическую эпоху. До нас не дошли ни пилы из меди, ни камни со следами пиления. Долгое время оставался до конца нерешенным вопрос о сверлении камня в додинастическую эпоху в Египте. Во время раскопок в Нагаде Питри ошибочно принял несколько предметов за изделия из наждака⁹. С тех пор установилось ошибочное мнение, что для сверления мягких пород шел обычный песок, а для такой же обработки твердых пород употреблялся наждак¹⁰. Рейспер предположил, что для сверления бус применяли лемзу¹¹. Лишь в 30-х годах Лукас установил, что материал, названный Питри наждаком, оказался на самом деле песчаником. Сразу же отпали все домыслы Питри о ввозе большого количества наждака с греческих островов и его широком применении в Египте. Лукас доказал также, что абразивом как при сверлении, так и при шлифовке камня является кварцевый песок, с применением которого можно было обработать и самую твердую породу — кварцит¹². Таким образом выяснилось, что сверление происходило при помощи абразива, главным образом песка. Давление на песчинки осуществлялось сверлами. Одним из материалов для изготовления такого рода сверл помимо меди мог служить и кремнь. По мнению Квибелла, отверстие в бусах просверливалось при помощи кремневого остроконечника, а Майерс считал, что эту работу выполнял медный остроконечник¹³. Для высверливания отверстий небольшого диаметра употреблялись, по-видимому, трубчатые сверла. Следы на камнях ясно подтверждают правильность этого мнения, хотя до нас не дошло ни одного такого сверла, и поэтому разные исследователи высказывали различные предположения относительно материала, из которого могли быть изготовле-

⁹ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Naq.), p. 59.

¹⁰ W. M. Fl. Petrie, *Tools and weapons*, London, 1917 (далее — TW), p. 45; W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE), p. 41; «History of technology», ed. by Ch. Singer, *Holmyard and al*, vol. I, Oxford, 1955, p. 570; P. Montet, *L'Égypte préhistorique (L'Homme avant l'écriture)*, ed. A. Varagnac et al., 1959, p. 241.

¹¹ G. A. Reisner, *Mycerinus. The temple of the third pyramid at Giza*, Cambridge, 1931, pp. 116—118.

¹² МРП, стр. 399—400, 141.

¹³ J. E. Quibell and W. F. Green, *Hierakonpolis*, pt II, London, 1902, p. 72; R. Mond and O. Myers, *Cemeteries of Armant I*, London, 1937 (далее — Arm.), p. 93.

ны эти пустотелые трубчатые сверла¹⁴. Некоторые исследователи считают, что роль трубчатых сверл выполнял и тростник или полые внутри стволы растений¹⁵. Рит предполагает, что материалом для сверл служило и дерево¹⁶.

Для высверливания сосудов из мягких пород в Старом царстве применялись кремневые сверла-полумесяцы. Однако найденные при раскопках сверла-полумесяцы датируются временем, начиная с Раннего царства¹⁷. Судя по изданиям археологических отчетов из Египта, бесспорно сверла додинастического времени не обнаружено¹⁸. Мёллер допускает¹⁹, что во втором периоде сверла-полумесяцы, представление о которых дает иероглиф²⁰, служили для высверливания каменных сосудов бочкообразной формы. Можно допустить, что для изготовления каменных сосудов других форм (конических) в додинастическое время применялись трубчатые сверла из какого-то другого материала.

Поверхности камня шлифовали при помощи круглых булыжников песчаника, кварцита и других пород²¹.

Прежде чем перейти к рассмотрению изделий из камня и кремня, мы посмотрим, как протекало изучение египетских каменных и кремневых орудий эпохи энеолита. Пионерами в этой области были Морган и Спарелл, которые в конце XIX в. создали первую классификацию египетских каменных и кремневых орудий додинастического времени²². Они описали их, но, не имея еще разработанной стратиграфии и точных стра-

¹⁴ МРП, стр. 132, прим. 3.

¹⁵ «Reallexikon der Vorgeschichte». Max Ebert, Berlin, Bd I XIV, 1924—1929 (далее — Reallexikon), S. 401.

¹⁶ A. Rieth, *Zur Technik des Bohrens im alten Ägypten*, — «Mitteilungen des Instituts für Orientalforschung», Berlin, Bd VI, II. 2, 1958, S. 176—186.

¹⁷ Правильное объяснение им было дано впервые Ферсом после находки большого количества этих сверл, датируемых временем III династии (C. Firth, *A Datable flint tool*, — «Antiquity», March 1930, p. 104—105).

¹⁸ Орудия, похожие на сверла-полумесяцы, были обнаружены в Мостагедде, но по фотографии трудно сделать окончательный вывод. Возможно также, что среди полумесяцев, обнаруженных Питри в Абидосе, имеются и додинастические сверла (G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — Mostag.), pl. XXVIII^{63, 67, 70, 71}).

¹⁹ A. Scharff, *Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift*, — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Abteilung Jg 1912, H. 3. München (далее — Scharff, *Archäologische Beiträge*), S. 40.

²⁰ A. H. Gardiner, *Egyptian grammar*, 3rd ed., Oxford, 1957 (далее — EG), sign-list, pp. 518—519, U₂₅.

²¹ M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932 (далее — Maadi I), pl. LXXII₂₋₄.

²² J. Morgan, *Recherches sur les origines de l'Égypte*, vol. I, *L'Age de pierre et les métaux*, Paris, 1896, p. 51; Naq., pp. 55—59.

тиграфических данных о находках, не датировали эти орудия, а давали лишь общую датировку — неолит (такое общее название имели тогда эпохи неолита и энеолита вместе). Морган в противоположность Питри утверждал, что кремневые орудия «новой расы», вторгшейся, по мнению Питри, в Египет в конце Старого царства, принадлежали народу, который жил в долине Нила во время, непосредственно предшествовавшее фараоновскому Египту. Иначе говоря, Египет в своем развитии прошел ступень палеолита и неолита, как и народы Европы, у которых была обнаружена такая же каменная и кремневая индустрия, и что эти орудия вовсе не были внесены в долину Нила каким-то пришедшим сюда в династическое время народом.

В 1913 г. Кюрелли издал каталог каменных и кремневых орудий, хранящихся в Каирском музее²³.

Питри в 1901 и 1920 гг. попытался сделать некоторые выводы относительно изменения форм каменных и кремневых орудий и техники их обработки, но лишь с конца 20-х годов начинается широко научное изучение, систематизация и описание всех каменных и кремневых орудий, обнаруженных при раскопках²⁴. Усилиями многих ученых собран огромный материал, но сводных работ по вопросу о египетских каменных и кремневых орудиях додинастического времени до сих пор не существует, если не считать работ Массулара, Вандье и Баумгертеля.

Систематическое изучение орудий связано с классификацией, вопрос о которой, к сожалению, до сегодняшнего дня далеко не решен. Для точного же определения функций орудий необходимо применять лабораторный микроанализ рабочих поверхностей орудия. Египетские же орудия из камня и кремня в большинстве случаев не подвергались такому исследованию²⁵. Поэтому нам придется ограничиться классификацией по формам орудий. Вследствие этого нередко получается путаница. Так, топором считается орудие с закругленным лезвием и с более или менее симметричным поперечным сечением, а тесло — с прямым лезвием и с асимметричным поперечным сечением. Встречаются, однако, орудия, которые называются исследователями топорами-теслами. Не всегда можно отделить серпы от пил и пилок, и поэтому разные авторы по-разному называют их. До сих пор в группу осколков, отщепов египтологи вводили все орудия, не поддающиеся определению с точки зрения формы. В об-

---

²³ С. Т. Currelly, *Stone implements*. — «Catalogue général du Musée du Caire», Le Caire, 1913. Каталог был составлен бессистемно, в порядке лишь инвентарных номеров, так как рассматриваемый материал был подъемным.

²⁴ W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901 (далее — *Diosp.*), pp. 23—25; PE, pp. 22—25.

²⁵ В результате тщательного исследования кремневого ножа из раннединастического поселения Хор-Дауд и додинастического кремневого ножа, хранящегося в Государственном Эрмитаже, Семенов пришел к выводу, что, несмотря на одинаковую форму,

ших курсах по истории древнего Востока встречаются лишь упоминания о камне и кремне как о материалах для изготовления орудий и дается их перечень²⁶. То же мы встречаем и в работах советских исследователей В. В. Струве и В. И. Авдиева²⁷. Сводными работами, справочниками по этому вопросу являются работы Массулар и Вандье²⁸. Они не могут удовлетворить нас по ряду причин. Массулар в 1949 г. в своей монографии по истории додинастического и протодинастического Египта и Нубии дал далеко не полный перечень орудий из камня и кремня с краткой характеристикой и определил хронологические рамки для каждого вида орудий²⁹. Сюда не вошло много орудий: камни-молоты, пилы, тесла, ядрища, бритвы и др. Такое искусственное сокращение списка орудий говорит о малом интересе автора вообще к вопросу о каменных и кремневых орудиях додинастического Египта. Массулар не пытается объяснить изменение техники изготовления каменных и кремневых орудий, а ограничивается лишь констатацией факта изменения формы.

Вандье суммарно, без всякой характеристики, перечисляет каменные и кремневые орудия додинастического времени. Исключение он делает лишь для археологических находок из Маади³⁰. Но совсем не уделяю внимания орудиям из Арманта, тогда как Хузайин описал этот материал на высоком научном уровне. Никаких обобщающих выводов в отношении каменных и кремневых орудий Вандье также не делает.

Кремневые орудия додинастического Египта делятся по технике изготовления на две группы. Первая группа орудий делалась из отщепов. Поверхность ядрища предварительно подготавливалась сколами с целью получить отщеп, который затем уже скалывался. Отщепы имели одну гладкую сторону (поверхность скола) и другую — ребристую (часть поверхности ядрища). Такой отщеп нуждался только в небольшой подправке отжимной ретушью по режущему краю. Эту технику принято называть техникой односторонней обработки или техникой отщепов. Отщепы с треугольным, прямоугольным или трапециевидным поперечным сечением называются призматическими пластинками. Из них делались скребки, ножички, бритвы, острокопечники, сверла.

Вторая группа орудий состоит из пластинок, обработанных с двух

они служили для выполнения двух совершенно различных работ (С. А. Семенов, *Кремневые орудия из Хор-Дауда*, — «Древняя Нубия», М., —Л., 1964, стр. 178—179).

²⁶ Ed. Meyer, *Geschichte des Altertums*, Bd I, H. II, Stuttgart und Berlin, 1913 (далее — Meyer, *Geschichte*), S. 64.

²⁷ В. В. Струве, *История Древнего Востока*, Л., 1940, стр. 50—57; В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, М., 1953, стр. 167, 175.

²⁸ E. Massoulard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte*, — «Université de Paris. Travaux et mémoires de l'Institut d'Éthnologie», Paris, LIII, 1949 (далее — Préhist.); J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952 (далее — Vandier, *Manuel*).

²⁹ Préhist., pp. 117—118, 140—143, 201—205, 263—265.

³⁰ Vandier, *Manuel*, pp. 403, 446, 458.

сторон по всей поверхности сколами и ретушью, идущей параллельными рядами или разбросанной в беспорядке. Двусторонней обработки орудия называются бифасами. Их поперечный разрез имеет чечевицеобразную форму.

Интересным, но малоизученным является вопрос о преобладании одной техники над другой в различных районах додинастического Египта (см. стр. 23—24). Так, Маади и Армант имеют мало орудий-бифасов.

Материал об орудиях и прочих изделиях из камня в додинастическом Египте настолько обширен, что в данной работе поэтому мы вынуждены ограничиться только знакомством с основными группами орудий и прочих изделий с тем, чтобы отметить их главные линии развития на протяжении додинастического времени. Нашей задачей будет собрать из многих изданий материал по каменным и кремневым орудиям, попытаться классифицировать его с тем, чтобы затем сделать вывод об уровне техники производства каменных и кремневых орудий, о их роли в жизни додинастических обитателей Египта и таким образом выяснить значение камня как материала для изготовления изделий помимо орудий.

Владея всеми теми навыками обработки камня и кремня, которые мы рассмотрели выше, ранние земледельцы Египта создали большое количество изделий из камня и кремня, с которыми мы постараемся далее познакомиться, группируя их по функциям.

От времени Раннего царства и более поздних периодов истории древнего Египта до нас дошли каменные молоты³¹. Камни-молоты, найденные в слоях первого и второго периодов, представляли собой каменные или кремневые желваки³². Другая часть этого рода орудий, дошедшая с Юга, была приблизительно круглой формы со сквозным отверстием для связывания молота с рукояткой³³. Аналогичная находка была сделана в додинастическом поселении Фаюма и в неолитическом поселении Меримде³⁴.

Навершия для булавы из различных горных пород в додинастическую эпоху являются дальнейшим развитием неолитических наверший.

³¹ S. Clark and R. Engelbach, *Ancient Egyptian masonry*, London, 1930, fig. 266 (XI дин.); Z. Saad, *Royal excavations at Helwan*, — «Supplements aux ASAE», Cahier 14, Le Caire, 1951, p. 5, pl. IV b, V a.

³² G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — BC), p. 79, pl. LXXII₁₃₃; Mostag., p. 79.

³³ G. A. Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908*, vol. I, Cairo, 1910 (далее — Reisner, *Nubia*), 120:17:56, pl. 62_{св}.

³⁴ G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934 (далее — Fayum), p. 71, pl. LIII₃₅; H. Junker, *Bericht über die fünfte von der Akademie der Wissenschaften in Wien und dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung Merimde-Benisalame vom 13. Februar bis 26. März 1934*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 71, Jg. 1934, Wien und Leipzig, 1935, Nr X, S. 129.

В Фаюме были обнаружены неолитические навершия булав, предшественники наверший булав первого периода, которых объединяют под общим названием дисковидных наверший (табл. 5, 1—2)³⁵. В начале второго периода получает развитие булава грушевидной формы (табл. 5, 4)³⁶, обнаруженная еще в неолите в Меримде³⁷. Но в додинастическое время эта форма чрезвычайно варьирует. Появляются навершия булав, вытянутые вроде кирок, молотообразные (табл. 5, 3), круглые (табл. 5, 5), шестигранные и др.³⁸. Грушевидное навершие булавы остается на протяжении второго периода господствующей формой³⁹, хотя, по-видимому, одновременно продолжает существовать и дисковидной формы⁴⁰.

Топоры и тесла составляют весьма многочисленную группу орудий, применявшихся для последующей обработки дерева, так как в додинастическом Египте, как мы уже упоминали в главе I (стр. 36), было еще много леса⁴¹. Эти два орудия различаются способом соединения с рукояткой. Топор прикрепляется параллельно рукоятке, а тесла — перпендикулярно к ней. К сожалению, от додинастического времени не дошло ни одного топора или тесла с прикрепленной рукояткой, и поэтому приходится считаться с другими признаками при определении орудия. Следы работы на поверхности орудия дают доказательства их применения в качестве топора или тесла в зависимости от характера линий. Однако в отношении додинастических орудий таких исследований сделано очень мало, и поэтому при классификации этих орудий отдельные исследователи пользуются разными показателями: Питри — толщиной⁴², другие исследователи — формой орудия и формой его поперечного сечения. Ввиду сложности определения орудий этого типа мы считаем необходимым объединить их в одну группу. Шлифованные топоры и тесла изготовлялись в неолите из различных горных пород (табл. 5, 6—7). Юнкер отмечал как одну из особенностей неолитических поселений Меримде,

³⁵ Fayum, p. 33, pl. XII₂₆, XXX₂₋₃; Mostag., pl. XLII₁₆₋₂₁ E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Predynastic cemetery at El Mahasna*. London, 1911 (далее — СМаб), pl. XX₃, XIX_{2,4}; Reisner, *Nubia*, 116:17:6.

³⁶ ВС, pl. LIII_{1,11-13-15}; Naq., pl. XVII₅₋₁₉; Mostag., pl. XLII₂₂.

³⁷ Вследствие этого у нас нет оснований соглашаться с Баумгертель [E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947 (далее — СРЕ), p. 51] в ее утверждении, что грушевидной формы навершие булавы было внесено в Египет извне (стр. 25).

³⁸ ВС, pl. LIII₁₋₁₅; Reisner, *Nubia*, 118:67:63.

³⁹ Булава этой формы вошла в иероглифику (EG, sign-list, p. 510, T₃).

⁴⁰ H. G. Fischer, *A fragment of predynastic Egyptian relief from the Eastern Delta, Artibus Asiae (Ascona)*, vol. XXI, pt I, 1958, p. 87, fig. 25c.

⁴¹ По мнению С. А. Семенова, для строгания дерева с успехом мог быть применен кремневый нож с вогнутым лезвием (С. А. Семенов, *Первобытная техника*, — «Материалы и исследования по археологии», М.—Л., № 54, 1957, стр. 157).

⁴² TW, p. 5.

Фаюма и Та́са ⁴³ наличие там большого количества кремневых и каменных топориков. Только в одном поселении Меримде к началу 30-х годов было обнаружено свыше ста целых топориков и их фрагментов. Юнкер допускал, что резкое уменьшение количества топориков в додинастическое время в Египте означает, что они были вытеснены медными топориками. Значительное уменьшение количества топоров и тесел из камня и кремня замечается на протяжении додинастического времени. Баумгертель отмечает ⁴⁴, что в поселениях к югу от Нагады в додинастическое время было обнаружено много кремневых топоров (табл. 5, 8). Однако из других поселений, помимо Арманта, подобных данных нет. Некоторые додинастические поселения, как Маади, не дали вовсе примеров каменных и кремневых топоров ⁴⁵.

В Арманте (табл. 5, 9) было найдено около 50 орудий этого рода. Топоры из Арманта, как и из поселений и погребений к югу от первых порогов ⁴⁶, почти все датируются вторым периодом. При современном состоянии изучения истории додинастического Египта еще невозможно объяснить такое запаздывание Юга по сравнению с Севером, но думать, что это связано с замедленным развитием металлургии в районах к югу от первых порогов. Этот процесс мог быть обусловлен удаленностью от Синая — главного места добычи медной руды. Топоры и тесла прикрепляются к рукоятке посредством ремней, веревок или других средств. Все орудия этого рода отверстий для рукояток не имели. Исключение составляет топор из Амры, изготовленный из брекчии и датируемый вторым периодом ⁴⁷. Он имел два сквозных отверстия, расположенных параллельно верхнему краю на противоположном от лезвия конце орудия. Мы не можем согласиться с мнением Баумгертеля о том, что этот топорик из Амры был амулетом, так как в этом случае достаточно было бы одного отверстия для подвешивания, как мы и имеем в случаях

---

⁴³ Fayum, pl. VIII—IX; CPE, p. 20; BC, pp. 35—37; H. Junker, *Vorläufiger Bericht über die zweite Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der vorgeschichtlichen Siedlung Merimde-Benisalame vom 7. Februar bis 8. April 1930*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 67. Jg. 1930, Wien und Leipzig, 1931, Nr. V—XIII (далее — Mer. II), S. 63—66; H. Junker, *Vorbericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame vom 6. November 1931 bis 20. Jänner 1932*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 69. Jg. 1932, Wien und Leipzig, 1933, Nr. I—IV, S. 63.

⁴⁴ CPE, p. 27.

⁴⁵ Отсутствие каменных топоров в Маади, возможно, объясняется тем, что там уже употреблялись медные топоры, поскольку в Маади были обнаружены хорошо заостренные столбы из тамариска.

⁴⁶ Arm., p. 207, pl. XIII₃₁; Reisner, *Nubia*, 126:218:41.

⁴⁷ D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London, 1902 (далее — Amrah), p. 19, pl. VII.

с амулетами⁴⁸. В крайнем случае мы можем допустить, что если данный топор из Амры и не применялся в качестве орудия, поскольку он был изготовлен из брекчин, камня недостаточно твердого, то он несомненно отражает практику высверливания двух отверстий в топориках для более прочного соединения орудия с рукояткой.

Помимо обработки дерева топор, как считает Хузайин, мог быть применен и в качестве босвого оружия, так как в Арманте наверший булавы, столь характерных для додинастической культуры Египта, не было найдено, а топоров было обнаружено много⁴⁹.

Интересно отметить, что существование неоднократно упоминаемого в литературе двойного топорика, археологический материал не подтвердил⁵⁰. Уже в 1913 г. Мейер высказал предположение, что оружие, похожее по своей форме на двойной топорик (см. палетку «охоты на льва»), является каменным молотом⁵¹. На наш взгляд, более приемлемо предположение Чайлда о том, что орудие, похожее на двойной топор, было навершием булавы, подобным навершию булавы из Махасны (табл. 5. З)⁵². Другие исследователи ошибочно объясняли наличие двойного топорика в додинастическом Египте влиянием Средиземноморья на Египет⁵³.

Наконечники мотыг или кирок из кремня найдены в Египте в очень небольшом количестве. В Арманте Хузайин обнаружил три наконечника мотыг от первого периода и восемь — от второго. Однако он предполагает, что эти орудия скорее предназначались для копки (табл. 5, 16), пещели для разрыхления почвы, так как шейка у них была слишком тонкой и не выдержала бы ударов о почву⁵⁴. Несколько мотыг, как думают Гарстанг и Баумгертель, имели одну сторону отшлифованной стороной, вероятно, трению о мягкую (аллювиальную) почву⁵⁵. Сравнительно малое количество каменных и кремневых наконечников мотыг, дошедших до нас от неолита и энеолита Египта, когда население уже занималось земледелием, объясняется, очевидно, тем, что мягкую аллю-

⁴⁸ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — СРЕ II), p. 35.

⁴⁹ *Arm.*, p. 208.

⁵⁰ Vandier, *Manuel*, p. 576; W. Helck und E. Otto, *Kleines Wörterbuch der Ägyptologie*, Wiesbaden, 1956, S. 397.

⁵¹ Meyer, *Geschichte*, S. 56; ДВ, табл. XII.

⁵² ДВ, стр. 149—150; СМаш, p. 32, pl. XX.

⁵³ Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 29—30.

⁵⁴ *Arm.*, pl. LXIV₃₂₋₃₇, p. 212. Баумгертель отвергает возможность такого применения этих орудий. Она считает их орудиями для сверления отверстий в дереве (СРЕ II, p. 31). Такого же мнения придерживается и Оркелл [A. J. Arkell, рец. на кн.: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London, New York, Toronto, 1960, — «Bibliotheca Orientalis», Jg XX, № 1/2, 1963, p. 27].

⁵⁵ J. Garstang, *Mahasna and Bêt-Khallâf*, London, 1902 (далее — Мах.), p. 7, pl. V; СРЕ II, p. 28.

виальную почву Египта можно было обработать и деревянными мотыгами.

Скребки и скребла от додинастического времени дошли до нас в большом количестве (табл. 6, 1—2). Для их изготовления не требовалось особого умения. По классификации Амера и Менгина все скребки делятся на три основные группы: ребристые, пластинчатые и разные⁵⁶. В последнюю группу мы условно включаем скребки прочих форм и ядрища, от которых больше не откалывали отщепы и сколы, которые также могли быть применены в качестве скребков. Внутри этих трех основных групп скребков и скребел имеется большое разнообразие форм, начиная с круглых и кончая узкими остроконечными скребками. По обработке режущего края их подразделяют еще на конечные, боковые и округлые. Такое богатство форм затрудняет их точную классификацию. Скребки имеются уже в неолитических поселениях, в Фаюме и в Бадари. В энеолите, в особенности в позднединастической культуре Маади, было обнаружено большое количество скребков⁵⁷. Постепенное увеличение кремневых скребков в энеолите, возможно, отражает рост поголовья домашнего скота, так как скребки применялись для обработки кож.

Бритвы из кремня называются одними авторами скребками, а другими — отщепами. Действительно, от прямоугольных отщепов кремня с треугольным и трапециевидным поперечным сечением во втором периоде развился ножичек-бритва (табл. 6, 3—4), который постепенно получил правильную веерообразную форму с одного или с обоих концов и острые края между ними⁵⁸. Они продолжали существовать и позднее, в Раннем царстве⁵⁹.

Ножи по технике изготовления делятся на две группы.

Первая группа кремневых ножей изготавливается из отщепов от ядрища с добавлением в случае надобности ретуши лишь с одной стороны. Сторона по линии скола с ядрища остается гладкой, и в разрезе такие ножи имеют примерно треугольную или трапециевидную форму. Предельной тонкости и тщательности обработки изделия этой группы (табл. 5, 11) достигли в начале второго периода, когда они превращаются в простые, но тонкие сколы с малой ретушью по лезвию или совсем без нее (табл. 5, 12)⁶⁰.

У второй группы ножей с так называемой двусторонней обработ-

⁵⁶ Maadi I, pp. 41—43.

⁵⁷ BC, p. 73; Maadi I, pp. 41—43, pl. LVI—LXIX.

⁵⁸ G. A. Reisner, *The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Dêr*, — «Egyptian archaeology», vol. II, pt I, Leipzig, 1908 (далее — Naga-ed-Dêr), p. 112; BC, pl. LXXIX⁵⁸¹; Diosp., p. 24.

⁵⁹ Naga-ed-Dêr, pl. 40c.

⁶⁰ W. M. Fl. Petrie, G. A. Wainwright and E. Mackay, *The Labyrinth, Gerzeh and Mazguneh*, London, 1912, pl. VII^{15,16}; Naq., pl. LXXIII^{64,71}.

кой обе поверхности покрыты раковистыми выемками, идущими в разных направлениях, т. е. беспорядочно, а режущий край имеет отжимную ретушь. Самый ранний нож этой группы имел форму листа или запятой (табл. 5, 10) ⁶¹. Постепенно нож приобретает более прямую форму с острым носом и круглой пятой, а два изогнутых режущих края придают ножу слегка выпукло-вогнутую форму (табл. 5, 14). В период между о. д. 55—60 их изготовление достигло своего наивысшего расцвета. Их делали особым, утраченным для нас способом, который заключался в том, что поверхность ножа покрывали параллельными рядами ретуши, которую принято называть струйчатой. В конце второго периода ножи со струйчатой ретушью постепенно начали уступать ножам с грубой беспорядочной ретушью, и вместо круглой пяты у них появляется удлинение в виде рукоятки ⁶².

Клинки и лезвия из кремня примыкают к группе ножей по своей технике изготовления и в виду возможного одинакового применения. Клинки с вытянутым острием, вероятно, применялись вместо кинжалов ⁶³. Ромбическая форма клинка (табл. 5, 20) могла заменить как кинжал, так и наконечник копья. Листовидный клинок (табл. 5, 21) применялся также в качестве наконечников копий ⁶⁴. Самой многочисленной группой клинков, назначение которых по сей день остается до конца неясным, являются орудия в виде клинков с лезвием в форме рыбьего хвоста (табл. 5, 22) ⁶⁵, появившиеся в начале первого периода, и с лезвием в форме ласточкиного хвоста (табл. 5, 23), развившиеся в самом начале второго периода ⁶⁶. Лезвия в виде рыбьего хвоста были характерны в основном для первого периода, а лезвия в виде ласточкиного хвоста продолжали существовать на протяжении всего второго периода и перешли в династическую эпоху в виде орудия магического открывания уст ⁶⁷. По внешнему краю лезвий, имевших форму развилки, наносилась по лицевой стороне орудия отжимная ретушь, которая двумя параллельными

⁶¹ Préhist., p. 176, n. 43, 44.

⁶² G. Brunton, *Matmar*, London, 1948 (далее — *Matmar*), pl. XVII₁₉, № 3021. По мнению Оркелла, заготовка кремневого ножа не подвергалась шлифовке до нанесения струйчатой ретуши. Он считает, что одну сторону ножа обрабатывали с целью получить на ней струйчатую ретушь, а другую сторону после этого шлифовали, чтобы уменьшить толщину ножа. Иногда встречаются кремневые ножи со струйчатой ретушью вовсе без следов шлифовки (A. J. Arkell, рец. на кн.: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1955, — «Bibliotheca Orientalis», Jg XIII, № 3/4, 1956, pp. 125—126).

⁶³ В иероглифическое письмо вошла лишь медный кинжал более поздней формы. Находки подтверждают, что кремневые кинжалы существовали уже во времена культуры Бадари (EG, sign-list, T₃; Artn., pp. 217—218; *Matmar*, pl. VI₁₆, p. 11).

⁶⁴ Naq., pl. LXXII₅₂; Mostag., pl. XI₁₁; Naq., pl. LXXII₅₁, № 414.

⁶⁵ CPE II, p. 5; Mostag., p. 90, pl. XI₁₃₃₋₆₆; CMah, p. 33, pl. XXII₄;

⁶⁶ Diosp., pl. VII U—135; *Matmar*, pl. XVII₁₀, p. 14; R. Engelbach, *Harageh*, London, 1923, pl. VII₂₃.

⁶⁷ O. H. Myers, *Two prehistoric objects*, — JFA, XIX, 1933, pt I, p. 56.

рядами «струилась» по клинку. Если проследить процесс развития кремневых лезвий, то становится очевидным, что лезвия в форме рыбьего хвоста уже имеют отжимную ретушь («струйчатую ретушь»). Значит, этот новый элемент техники изготовления кремневых орудий появился в Египте уже в первом периоде, т. е. до того времени, когда, по мнению Баумгертель и других авторов, произошло вторжение «народа второго периода». Отсюда становится совершенно ясным, что умение обрабатывать кремневые и обсидиановые орудия струйчатой ретушью возникло в самом Египте независимо от стран Передней Азии.

При небольшом размере рассмотренные нами клинки различных форм могли быть использованы и в качестве наконечников стрел. Изготавливались кремневые наконечники стрел и других форм. Так, в Меримде, Фаюме и Бадари были распространены наконечники стрел листовидной формы и в виде треугольника с двумя изгибающимися внутрь выступами⁶⁸. Эта форма наконечника стрелы является в первом периоде доминирующей. Среди наконечников стрел первой половины первого периода особо выделяются наконечники стрел с двумя выступами, но более вытянутыми и прямыми, чем наконечники стрел с двумя изгибающимися внутрь выступами (табл. 6, 7)⁶⁹. Треугольную форму наконечника с совсем малой выемкой у основания, имевшейся уже в неолите и продолжающейся в первом и во втором периодах (табл. 6, 5—6), можно рассматривать как разновидность предыдущей формы наконечников стрел⁷⁰. В додинастических погребениях и поселениях были найдены наконечники стрел, правда в очень небольшом количестве, которые свидетельствуют о продолжении другой неолитической формы этих орудий. Речь идет о наконечниках стрел треугольной формы с двумя боковыми выемками у основания, сделанными для получения выступа, необходимого для прикрепления к древку⁷¹ (табл. 6, 8—10).

В конце второго периода наконечники принимают несколько другую форму — острие у них вытягивается⁷² (табл. 6, 11). В таком виде наконечник и перешел в династическую эпоху.

Обособленно стоит группа наконечников стрел с поперечным (до-

⁶⁸ Fayum, pl. XL₂₂₋₃₀ XLII₆; BC, pl. XXIX₆ (№ 51167); Mostag., pl. XXVII₁₃₅₋₁₃₆ Arm., p. 195. Mah., p. 6, pl. III—IV.

⁶⁹ Mah., pl. III, o. 7; CPE II, pl. I_{8,9}.

⁷⁰ Fayum, pl. XXXVIII₁₋₁₀; Arm., pl. LX_{136,193}; Naq., pl. LXXI₅₅.

⁷¹ H. Junker, *Bericht über die Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame (Westdelta) I. bis 30 März 1929*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 66. Jg. 1929, Wien und Leipzig, 1930, Nr. XVI—XVIII (далее — Mer. I), S. 219, Abb. 5p; BC, pl. LXXXI₉₉; Naq., pl. LXXIII₆₉; Reisner, *Nubia*, 124:17:18;

⁷² M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936 (далее — Maadi II), pl. LV₁₅.

лотообразным) лезвием. Их найдено очень мало. Три таких наконечника дошло от первого периода из Бадари и три от второго периода из Абусир эль-Мелека (табл. 6, 12)⁷³. Судя по изображению на палетке «охоты на льва» и находке аналогичных наконечников в раннединастических погребениях, наконечники стрел с поперечным лезвием были в то время в ходу⁷⁴. Однако нельзя согласиться с Баумгертель, что одним из доказательств прихода в Египет из южного Двуречья «парода второго периода» является наличие в Египте в это время наконечников в форме долота, так как выше уже говорилось, что такие наконечники стрел появились еще в первом периоде⁷⁵. Кроме того, аналогичные находки наконечников стрел из южного Двуречья не поддаются, по ее же словам, более или менее точной датировке.

Из всех рассмотренных нами пяти форм наконечников стрел самыми многочисленными являются наконечники примерно треугольной формы с двумя выступами у основания. Именно этой формы наконечник стрелы вошел в иероглифическое письмо⁷⁶. Напротив, очень редки находки наконечников стрел примерно треугольной формы с одним выступом, а это, надо думать, соответствует и степени распространения орудий этой формы. Интересно, что примерно в то же время в Сахаре в отличие от Египта были в ходу треугольные наконечники стрел с одним выступом⁷⁷. У нас нет основания искать следов заимствований формы наконечника стрелы у соседей Египта ни с запада, ни с востока.

К концу додинастического времени замечается общее уменьшение находок наконечников стрел. В Арманте из верхних слоев, т. е. от второго периода, до нас совсем не дошло наконечников стрел. Можно согласиться с мнением Хузайина, что наконечники стрел были орудием охоты, и по мере уменьшения значения охоты в жизни ранних земледельцев Египта их стали и меньше изготавливать. Те же наконечники стрел, которые перешли в династическую эпоху, являются, по мнению Хузайина, уже оружием войны, что, разумеется, не исключает применения наконечников стрел в фараоновское время при охоте⁷⁸.

Трудно выделить из общей массы орудий наконечники копий, так как эту функцию могли выполнять и кремневые клинки различных форм, которые были рассмотрены выше. Кроме того, Хузайин относит к этой

⁷³ BC, pl. LVII₆, p. 43; «Die archaologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharff», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), Taf. XXX₂₈₃.

⁷⁴ Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 36; W. B. Emery, *The tomb of Hemaka*, Cairo, 1938, p. 46, pl. X; EG, sign-list, p. 513, T₁₁.

⁷⁵ CPF, p. 39; Préhist., p. 142, n. 53.

⁷⁶ EG, sign-list, p. 514, T₂₂.

⁷⁷ J. Clark, *The prehistoric culture of Horn of Africa*, Cambridge, 1954, p. 330.

⁷⁸ Arm., p. 222.

группе найденные в Арманте массивные орудия треугольной формы с двусторонней обработкой⁷⁹.

Резцы были известны уже со времени верхнего палеолита. По общепринятому мнению, они возникли как орудие для обработки кости⁸⁰. Неолит и энеолит в Египте были очень богаты изделиями из кости и слоновой кости. Однако в археологической литературе описано очень мало кремневых резцов. Невозможно возникает вопрос, почему их найдено так мало. В Арманте Хузайину, тщательно изучавшему додинастические орудия, удалось обнаружить около десяти штук резцов из кремня⁸¹. Предположить, что все бесчисленное количество изделий из кости и слоновой кости в додинастическое время было изготовлено при помощи медных резцов, у нас нет достаточных оснований, так как медных резцов от этого времени тоже дошло очень мало⁸². Можно предположить, что кремневые резцы в додинастическое время имели большое распространение, но кремневые орудия древнейшего Египта вообще плохо изучены. Только в последние годы Баумгертель в результате тщательного исследования удалось обнаружить среди орудий из Нагады и кремневые резцы (табл. 5, 15)⁸³.

Проколки из кремня иногда называются шпильками, остриями, сверлами. Обычно они имеют острие с внезапным или с постепенным сужением и с дополнительной ретушью на боковых рабочих краях (табл. 6, 14)⁸⁴. Роль этих орудий заключается в том, чтобы проделывать отверстия в различного рода материалах.

Пилки, пилы-ножи и вкладыши серпов изготавливались в Египте в ту эпоху главным образом из кремня. Отличить вкладыш серпа (табл. 5, 17—18) от пилы очень трудно, так как экспериментально доказано, что кремневые пилы срезают дерево⁸⁵. Додинастические вкладыши серпов восходят к неолиту⁸⁶. Огромное количество вкладышей серпов, найденных в Египте от додинастического времени, имеет много форм в зависимости от того, в какой технике они изготовлены и для какой части серпа предназначались. На основании данных, полученных из додинастиче-

⁷⁹ Ibid., p. 221, pl. LX_{129—135}.

⁸⁰ С. А. Семенов, *Первобытная техника*, стр. 188.

⁸¹ *Ann.*, pl. IX₈ 56, VIII₄₈ 49, XI₁₅₀ 155.

⁸² В порядке рабочей гипотезы можно допустить, что обработка кости и слоновой кости в какой-то мере производилась и другими приемами. Внешняя обработка, шлифовка орудий из этих материалов могла быть выполнена на камне подобно тому, как в Маади заостряли медные орудия, о чем говорит медная зелень на камнях. Для подтверждения этого мнения нужно, однако, лучше исследовать костяные орудия.

⁸³ *CPE*, pl. V₁; *CPE II*, pp. 17, 41, fig. 13.

⁸⁴ Mostag., pl. XXVIII_{115,126}; *BC*, pl. LXXIX₅₁.

⁸⁵ Я. Чернецка, *Техника производства растительной пицци в районах Эгейского бассейна до первых веков нашей эры*, — «*Archaeologia*», Warszawa—Wrocław, X, 1958, p. 92.

⁸⁶ *Fayum*, pl. X_{33—33}; *Mer. II*, S. 67.

ского поселения Хемагийе, близ Бадари, можно сказать, что количество кремневых серпов неуклонно увеличивается в течение додинастического времени. На уровне 4 футов 6 дюймов, что соответствует бадарискому времени, был найден один вкладыш серпа, на уровне от 3 футов 6 дюймов до 3 футов, соответствующем времени первого периода, было обнаружено 6 вкладышей, а в слое от 3 футов до 1 фута от поверхности земли, т. е. в слое, соответствующем второму периоду, было обнаружено уже 13 вкладышей серпов⁸⁷. В Арманте был обнаружен нож-пила подобно найденным в бадариских слоях ножам-пилам в форме вытянутой запятой с зубьями по выпуклой части (табл. 5, 18)⁸⁸. Эти пилы времени культуры Бадари превышают размером обычные вкладыши серпов.

Ручные зернотерки, столь распространенные в неолите и энеолите многих стран, представляют собой прямоугольный камень (глыбу) от 20 до 50 см и выше длиной, с углублением, образовавшимся от долгого употребления (табл. 5, 19)⁸⁹. Зерно растиралось при помощи верхнего камня-жернова меньшего размера, чем нижний⁹⁰. На изготовление зернотерок шли различные породы камня, начиная с песчаника и кончая гранитом. При растирании зерна человек стоял на коленях, как это видно на изображении Старого царства.

На протяжении всего додинастического времени количество зернотерок и камней для растирания постепенно увеличивается. В Арманте они достигают наибольшего количества во втором периоде⁹¹.

Пряслица, изготовлявшиеся помимо глины и из камня (табл. 6, 15), были необходимы для получения льняных нитей, которые шли на выделку льняных тканей и для плетения рыболовных сетей⁹². Однако не всегда можно точно отделить каменные диски-пряслица от общей массы каменных дисков небольшого размера, среди которых, судя по их размеру, можно найти диски-грузила для сетей, диски-бусы и т. д.

Точно определить камни для пращей невозможно. Гипотетичность этой группы орудий объясняется тем, что не решен окончательно вопрос о существовании пращи в додинастическом Египте⁹³. По предположению

⁸⁷ BC, pp. 101. 95—116.

⁸⁸ Arm., pl. XIII₃ № 1413 (32—43); Mostag., pl. XXVIII₁₋₃; Matmar, pl. VI₁₂.

⁸⁹ Б. Б. Пиотровский, *Археология Закавказья*, Л., 1949, стр. 32; BC, p. 45; SMah pl. XIII; Maadi I, pl. LXXIII_{2,5}.

⁹⁰ BC, p. 47; Arm., pl. LX₁₆₂ 164-169.

⁹¹ Arm., p. 225.

⁹² Maadi I, pl. LXXV₂.

⁹³ Не решен этот вопрос и для династического времени. Ранке считал пращу династического времени неегипетского происхождения, а оружием ливийцев, бывших на египетской службе со времени Среднего царства (Realexikon, Bd XI, S. 283). Гарднер ссылается на Вольфа и определяет иероглифический знак T₁₂ как изображение тетивы лука (EG, p. 512; W. Wolf, *Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres*, Leipzig 1926, S. 48, 56—57). Бонне же считает изображением пращи знак T₁₂ (H. Bonnet, *Die Waffen der Völker des alten Orients*, Leipzig, 1926, S. 114).

Менгина, камни, обнаруженные в Меримде, служили также камнями для метания пращей⁹⁴. Хузайин предполагает, что в качестве камней для пращей могли быть употреблены и обычные ядрища и дисковидные камни наряду с камнями, которые были закруглены лишь с одного конца. Таких камней в Арманте было найдено очень много⁹⁵.

Кремневые и каменные сколы и отщепы представляют собой большой и самый неопределенный вид орудий⁹⁶, так как в него включают обычно те орудия, которые при поверхностном осмотре не обнаруживают видимых глазу следов работы и имеют большое отклонение от принятых в классификации форм. Вопрос об истинной классификации этих орудий-отщепов может быть решен лишь при тщательном микроанализе рабочих поверхностей этих орудий. Поэтому в эту группу включают отщепы, найденные в захоронениях, не имевших никаких видимых следов работы и определенной формы. Иногда отщепы являлись в захоронениях лишь символом орудия и были изготовлены специально для погребений.

В группу отщепов иногда включают отщепы и сколы от подправки затупившихся орудий. Эти сколы могли при случае иметь производственное значение.

Ядрища или пуклеусы с ударной площадкой и желобком под прямым углом к ней встречаются не часто в додинастических поселениях⁹⁷. Некоторые авторы допускают, что наличие малого количества ядрищ в поселениях объясняется тем, что основная масса кремневых орудий изготовлялась за пределами поселения. Само ядрище, после того как его прекращали использовать для получения отщепов, могло быть употреблено в качестве камня-молота или камня для пращей и т. д.

К орудиям, применявшимся при изготовлении кремневых и каменных орудий, относятся обычные камни-ударники, при помощи которых откалывались отщепы от ядрищ. От времени Среднего царства из Бенихасана дошло изображение, из которого видно, что для изготовления кремневых орудий применялись специальные ретушеры неизвестного материала, насаженные на рукоятки⁹⁸. По мнению Хузайина, для напесения ретуши употреблялись ретушеры, которые также могли быть из кремня⁹⁹.

После изучения основных групп орудий из камня и кремня мы перейдем к более беглому рассмотрению предметов обихода и украшения из этих же материалов, что также говорит о широком применении камня

⁹⁴ Mer. II, S. 70.

⁹⁵ Arm., pp. 202, 204, pl. LVII₃₄, LXI₈₋₁₀.

⁹⁶ Ibid., pl. LVII₃₅, LXIII₂₁₋₃₀.

⁹⁷ Arm., pl. LXI₅, LVII₁; Reisner, *Nubia*, 132:17:66, pl. 66^b₂.

⁹⁸ F. L. Griffith, *Beni Hasan*, pt III, London, 1896, p. 36, pl. IX_{3.6.7}.

⁹⁹ Arm., p. 225.

и кремня. Знакомство с разнообразием форм и степенью художественной отделки каждого вида изделий поможет нам разобраться в вопросе об уровне ремесла камнеделов додинастического Египта.

Камень начали применять в додинастическое время и в строительном деле¹⁰⁰. В устройстве очага в Маади мы находим известняковые булыжники, обгорелые и потрескавшиеся от долгого пребывания в огне¹⁰¹. Камнями также подпирали столбы в хижинах¹⁰². Светильники в виде камешных чаш неправильной формы с толстым слоем копоти на внутренней стенке были найдены в том же Маади¹⁰³.

На протяжении всей додинастической эпохи пробки-втулки, аналогичные костяным, встречаются и из камня¹⁰⁴.

Печатаей-цилиндров из камня, представляющих собой также цилиндры с отверстием, как и печати из слоновой кости, дошло до нас чрезвычайно мало (табл. 6, 13)¹⁰⁵.

Туалетная ложечка с чашечкой из граувакки от додинастического времени дошла до нас лишь одна¹⁰⁶.

Шарики, призмочки и фигурки в виде животных и разных геометрических тел для игр изготовлялись, начиная с первого периода, из различных пород камня, подобно тому как они делались из глины, кости и слоновой кости, и продолжали быть в употреблении на протяжении всей додинастической эпохи, и перешли в династический период¹⁰⁷.

Изготовление сосудов для хранения косметических средств, начавшееся уже в неолите, продолжалось и в первом, и втором периодах (табл. 6, 18—22). Изготавливались они из самых различных пород камня. С начала первого периода были в ходу колические сосуды на ножке и с двумя ушками для подвешивания или без ушек и цилиндрические сосуды разной высоты. Во втором периоде продолжали существовать две основные формы первого периода и появились новые виды в форме сердца, бочкообразные и приплюснутые шары и грушевидные чаши со стенками под разным углом ко дну и с острым дном¹⁰⁸. Таким образом, во втором периоде происходит увеличение количества форм сосудов. Все сосуды прекрасно полированы, имеют правильную форму. Иногда применяли камень с прожилками для получения многоцветной каменной чаши или сосуда.

¹⁰⁰ СРЕ II, p. 128.

¹⁰¹ Maadi I, p. 16.

¹⁰² Maadi II, pp. 14—15.

¹⁰³ Maadi I, p. 37, pl. XLVIII₁—12.

¹⁰⁴ Mostag., pl. XLII₂₄₋₂₇; Maadi I, pl. XVI₃₁₋₃₅, BC, pl. XVII₆, LVIII₅.

¹⁰⁵ PE, p. 40; H. Kantor, *Further evidence for early Mesopotamian relations with Egypt*, — JNES, vol. XI, 1952, p. 246, pl. XXVb, XXVII c, fig. 1d, p. 247, fig. 1A.

¹⁰⁶ Naq., pl. LXI₆.

¹⁰⁷ Préhist., pl. LXIX_{10,18}.

¹⁰⁸ Mer. I, S. 170; BC, pl. LI₆.

По мнению некоторых исследователей, камненные сосуды с очень толстыми стенками употреблялись в качестве ступок. До нас дошла лишь одна несомненная ступка из базальта с пестиком, которая датируется либо концом додинастического, либо началом династического времени¹⁰⁹.

Следующая группа изделий, к которой мы отнесем бусы, браслеты и кольца, палетки из камня, представляет предметы украшения.

Изготовление бус, начатое еще в неолите, продолжалось и в додинастическое время (табл. 6, 16)¹¹⁰. Помимо кости и слоновой кости бусы делались из самых различных пород обычного и полудрагоценного камня. Бусы встречались весьма причудливой формы, но самыми распространенными были дисковидные, бочкообразные и цилиндрические¹¹¹.

Основная масса подвесок-амулетов самых различных видов и форм падает на второй период¹¹².

Браслеты и кольца из камня встречаются гораздо реже, чем браслеты из слоновой кости. Обычным материалом для них был алебастр и граувакка. Что касается кремневых браслетов, то они появляются в конце второго периода¹¹³.

Палетки служили древним жителям Египта для растирания минеральных косметических веществ. Излюбленным материалом для их изготовления была граувакка, хотя немало палеток и сделано из разных других пород камня. Формы палеток весьма разнообразны: ромбическая (табл. 6, 23), в форме птиц, рыб и животных. Размеры палеток колебались: самые маленькие носились на шее в качестве подвесок, а большие украшались очень интересными и сложными рельефами¹¹⁴. Последние называются церемониальными палетками. Рельефы на них сами по себе служат показателем высокого искусства резьбы по камню.

За долгий период развития общества в Северной Африке, и в том числе в пределах Египта (до наступления энеолита), человек приобрел большой навык в обработке камня и кремня.

Орудия из камня и кремня распадается на много групп, внутри которых имелось большое разнообразие форм, которые часто с трудом могут быть выделены и подвергнуты классификации. На самом же деле существует огромное разнообразие форм орудий, и переход от одной формы к другой происходит почти незаметно.

Из камня и кремня делались орудия для выполнения работ во всех

---

¹⁰⁹ Maadi I, p. 37; Maadi II, p. 15, pl. XII; Abusir, Taf. XXIV₂₁₁, S. 41, № 1052; Préhist., p. 225.

¹¹⁰ Préhist., p. 38.

¹¹¹ BC, pp. 56—57.

¹¹² Amrah, pl. VII₂; CMah, pl. XV₃; Matmar, pl. XVI_{10—11}.

¹¹³ BC, pl. XLIX_{32A9}; PE, p. 50; Diosp., p. 36, № U₃₅₄; Reisner, *Nubia*, 217:41:309.

¹¹⁴ Arm., p. 30, № 1538; Reisner, *Nubia*, 126:17:86; CPE II, pp. 81—89.

основных занятиях додинастического населения Египта (см. главу 6). Многие из каменных и кремневых додинастических орудий восходят к неолитическим орудиям из этих же материалов. На протяжении додинастического времени заметно постепенное увеличение количества орудий, имевших применение в земледелии. В Маади находим чрезвычайно много кремневых скребков, которые, возможно, употреблялись для обработки кож, полученных от домашнего скота. Наряду с увеличением количества орудий сельскохозяйственного назначения замечается уменьшение орудий, применявшихся на охоте. На этом основании можно сделать вывод, что земледелие и связанное с ним скотоводство начинают занимать первое место в хозяйстве ранних земледельцев Египта во втором периоде.

Кроме того, на протяжении додинастического времени возникают и новые орудия, вызванные к жизни, очевидно, хозяйственными потребностями. Так, в первом периоде возникают клинки в форме рыбьего хвоста, а во втором периоде — клинки с лезвием в форме ласточкиного хвоста. Происходит развитие форм кремневых ножей. В додинастическое время происходит уменьшение производства топоров. Исключениями являются поселения Армаит и некоторые поселения к югу от первых походов. Там было найдено много топоров. Неизвестно, можно ли это ставить в связь с наличием лесов в этих районах в те времена, или эти топоры могли быть частично использованы и в качестве босых топориков, поскольку в Армаите не было найдено наконечников булавы, столь характерных для всей додинастической культуры Египта.

Основными видами обработки камня и кремня в энеолите в Египте остаются шлифовка и оббивка, как было и в неолите.

Во втором додинастическом периоде наблюдается второстепенное значение шлифовки при изготовлении орудий. При получении отжимной ретуши и оббивки каменных додинастического Египта во второй половине второго периода достигли небывало высокого уровня. Именно поэтому каменные и кремневые орудия до известной степени служат показателем уровня развития производительных сил, которого Египет достиг в эту эпоху. Ведь сам материал — камень и кремль — имеет большой недостаток, он хрупок при высокой твердости. И если каменные при этом умели довести процесс изготовления орудий из камня и кремня до такого совершенства, что каменные и кремневые орудия с успехом долгое время конкурировали с вязким и твердым материалом — металлом, то это нужно отнести всецело за счет высокого мастерства египетских додинастических каменщиков. Они максимально увеличивали срок употребления каменных и кремневых орудий, оббивая их и, таким образом, могли их снова использовать, а это способствовало росту производительности труда в пределах каменной техники. Нам ничего не известно о точке кремневых орудий в додинастическое время. От времени же

Среднего царства до нас дошло несколько рисунков на стенах гробниц в Беннахасане с изображением человека, который производит точку кремневого ножа, при помощи оселка, который он вынимает из-за пояса¹¹⁵. Возможно, что точка кремневых орудий имела место и в додинастическое время.

К концу додинастического времени происходит падение техники обработки камня и кремня. Исчезает струйчатая ретушь, орудия часто выполнены грубее, чем орудия начала второго периода. Однако многие навыки по обработке камня и кремня додинастического времени, как и некоторые формы кремневых орудий и прочих изделий, перешли в династическую эпоху. На преемственность указывает и происхождение многих иероглифических знаков. Древнеегипетское слово *ds*, бывшее в употреблении в Раннем, Старом, Среднем и Новом царствах, означало «кремень», «нож», что говорит о том, что это слово восходит ко времени, когда основным материалом для изготовления ножей служил кремнь, т. е. к додинастическому времени¹¹⁶.

У нас нет оснований говорить о заимствованиях форм кремневых или каменных орудий в эпоху энеолита извне, нет оснований считать, что додинастический Египет заимствовал какие-нибудь формы кремневых или каменных орудий из стран Передней Азии.

¹¹⁵ F. L. Griffith, *Beni Hasan*, pt III, p. 36, pl. IX.

¹¹⁶ A. Erman und H. Grapow, *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*, Bd V, Leipzig, 1955, S. 485—486.

Глава 4

МЕТАЛЛЫ

В настоящей главе будет рассмотрен материал по металлургии, доступный нам по изданиям археологических раскопок в местах погребений и поселений додинастического Египта; проследим процесс возникновения и развития металлургии и попытаемся решить вопрос об источниках получения металлов, использовавшихся додинастическими жителями Египта. В общих трудах о металлургии додинастического Египта говорится чрезвычайно мало. Лукас, Форбес¹ и другие решают ряд вопросов по додинастической металлургии, но не знакомят (за исключением нескольких предметов) с материалом, на основе которого они делают свои выводы. Имеются статьи, посвященные отдельным вопросам древней металлургии в периодической печати. Помимо самих металлических изделий додинастического времени и исследований по этому вопросу мы можем прибегнуть к данным Раннего царства и таким образом решать некоторые вопросы ретроспективно. Додинастическая эпоха и эпоха Раннего царства отстоят близко по времени, что даст возможность предполагать, что технические завоевания от додинастического времени переходили в Раннее царство и развивались далее. Примером может служить изобилие медных изделий в гробницах вельмож первой династии. Такое изобилие изделий предполагает наличие долгого пути развития металлургии до первой династии. Отсутствие же определенного технического навыка в более позднее время дает право думать, что и в додинастическое время этот прием в обработке металлов не был известен.

В 1920 г. Питри в своей работе собрал известные к тому времени металлические изделия для того, чтобы проследить и отметить зависимость форм металлических орудий от формы каменных и кремневых орудий². За период с 1920 г. накопилось много новых данных, еще не

¹ А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*, М., 1958 (далее — МРП), стр. 308—395, 688—693; R. J. Forbes, *Metallurgy in antiquity*. — «A notebook for archaologists and technologists», Leiden, 1950 (далее — Forbes, MA), pp. 15—20, 290—373.

² W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE); pp. 22—25.

рассмотренных в обобщающих трудах, если не считать краткого перечня металлических изделий, которые сделали Массулар и Вандье³. Чтобы доказать свой основной тезис о заимствовании додинастическим Египтом навыков по обработке меди и о ввозе меди или медной руды из стран Передней Азии, Баумгертель утверждает, что в первом периоде медь не шла на изготовление орудий в настоящем смысле этого слова, так как лишь с начала второго периода появляются крупные медные орудия: накопечники гарпунов, кинжалы, тесла и другие изделия, а также рыболовные крючки⁴. Далее она утверждает, что эти медные орудия не обнаруживают связи с кремневыми и каменными орудиями, бывшими в употреблении в первом и втором периодах в Египте. Положение об отсутствии медных орудий в первом периоде Баумгертель начинает доказывать с перевода медных орудий, которые всеми исследователями считаются резцами⁵, в группу приспособлений для наложения косметики. Однако при этом она никак не объясняет большого разнообразия форм этих орудий, которое, казалось бы, для косметики должно быть ненужным. Кроме того, для этих целей к услугам додинастических обитателей Египта были туалетные ложечки, шпатели и просто лопаточки из кости, слоновой кости и т. п.

Баумгертель передатировала те медные изделия додинастического времени, которые кажутся ей слишком хорошо сделанными. Для додинастического времени это, по ее мнению, невозможно.

Появление таких орудий из меди, как тесло, кинжал, во втором периоде было подготовлено всем предыдущим периодом развития медного дела. Ведь изготовление медных орудий, пусть небольшого размера, пусть способомковки, на протяжении первого периода способствовало накоплению опыта по металлургии и дало возможность постепенно перейти к отливке в открытую форму.

Что касается связи между формами каменных и кремневых орудий с медными, то постараемся проследить эту зависимость. К сожалению, не всегда это возможно, так как многие звенья общей цепи развития медных орудий выпали, до нас не дошли орудия всех без исключения форм. Но и на основании дошедших до нас медных орудий можно сделать вывод о египетском происхождении медных орудий, употреблявшихся в додинастическом Египте. Кроме того, не всегда возможно из-

³ E. Massouard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte*. — «Université de Paris. Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie», Paris, LIII, 1949 (далее — Préhist.), pp. 150—151, 211—213, 265—266; J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952, pp. 394—404, 439—442, 446—458, 463, 494.

⁴ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947 (далее — CPE), p. 42; *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — CPE II), pp. 1—23.

⁵ CPE, pp. 34, 42; CPE II, p. 18; W. M. Fl. Petrie, *Tools and weapons*, London, 1917 (далее — TW), p. 19.

готовление одинаковых по форме орудий из кремня, камня и меди. Так, нельзя изготовить из кремня такое же тесло, как из меди. Чрезвычайно трудно сделать одинаковое лезвие у кремневого и у медного тесла. Поэтому отсутствие кремневых тесел той же формы, что и медных тесел, отнюдь не может быть доказательством внесения медных орудий этой формы извне, т. е. из Передней Азии во втором периоде⁶.

Слабым местом в утверждении Баумгертель о переднеазиатском происхождении медного дела в Египте является отсутствие аргументации в пользу того, что медное дело в южном Двуречье было в то время на более высоком уровне, чем в Египте. Известно, что развитие металлургии в Двуречье происходило тем же путем, что и в Египте, т. е. первоначально медь обрабатывали путемковки, а позже перешли к литью меди⁷.

Кроме того, Баумгертель оставляет без внимания медные орудия, которые ей не удалось посмотреть на месте. Необходимо, по возможности, привлечь все медные орудия, прочие изделия и их фрагменты, ибо лишь при этом условии можно составить себе наиболее полное представление об использовании меди в додинастическом Египте. Несмотря на то что за последние годы наши возможности более точного определения состава металла расширились, многие проблемы египетской металлургии еще не решены.

По мнению исследователей, человек использовал самородные металлы уже в период неолита⁸, однако золото, серебро, метсорное железо и медь рассматривались человеком как «камень» с красивым блеском и яркой окраской. Из них делали на первых порах только украшения. При этом использовались приемы, с помощью которых он обрабатывал камень, то есть оббивал. Ударяя по металлу, человек обнаружил основное свойство металла — пластичность, т. е. способность деформироваться не разрушаясь. Этот способ обработки мнимого камня, т. е. металла, стал по существу новым процессом обработки металла — ковкой.

ЗОЛОТО, СЕРЕБРО, ЖЕЛЕЗО И ПРОЧИЕ МЕТАЛЛЫ (КРОМЕ МЕДИ)

Источником для получения золота в Египте с древнейших времен являлись золотосные кварцевые жилы в горных породах Восточной

⁶ СРЕ, p. 42.

⁷ H. Limet, *Le travail du métal au pays de Sumer au temps de la IIIe dynastie d'Ur* — «Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège», fasc. CLV, Paris, 1960, p. 18, n. 4.

⁸ W. Gowland, *The metals in antiquity*, — «Journal of Royal anthropological institute», vol. XLII, 1912 (далее — Gowland, MA), pp. 235—287.

пустыни, а также, как предполагает Лукас, речной песок⁹. Многочисленными анализами было доказано, что геологической особенностью египетского золота является то, что оно содержит в себе в виде примесей серебро¹⁰, а иногда медь и железо.

Самородное серебро в земной коре встречается чрезвычайно редко¹¹. Например, в Египте оно до сих пор не обнаружено. Но серебро содержится в виде примеси в золоте и в незначительном количестве в свинцовой руде (галене). Лукас считал, что процесс получения серебра из свинцовой руды слишком сложен, и он не допускал возможности получения серебра додинастическими металлургами из свинцовой руды¹². После выхода в свет работы Баумгертель отпадает положение Форбеса и Гоулленда¹³, ставящих появление серебра в связь с появлением свинца в начале второго периода, так как предмет, который Питри принял за свинцовое изделие, оказался сделанным из серебра.

Вопрос о способе получения серебра из свинцовых руд остается открытым. Несомненно, однако, что египтяне ни додинастического, ни додинастического времени не умели отделять серебро от золота, о чем имеются свидетельства античных писателей от эллинистического времени¹⁴. Однако в литературе часто встречается термин «серебро»¹⁵. Современное золото, взятое из мест разработок, содержит от 9,7 до 24% серебра. Встречаются древнеегипетские золотые предметы различной окраски в зависимости от процентного содержания золота и серебра. Лукас предлагал называть серебром такой естественный сплав серебра и золота, в котором содержится много серебра¹⁶. Хотя ему и не удалось обнаружить при проверке золота из различных египетских рудников сплава с более чем 20-процентным содержанием серебра, но он был совершенно уверен, что такой естественный сплав существовал в додинастическом Египте. За последние годы обнаружались новые серебряные предметы, но вопрос о происхождении серебра остается нерешенным.

По вопросу об источнике додинастического серебра существует несколько мнений. Одни авторы полагали, что серебро поступало в Египет

⁹ Я. Самойлов, *Золото в Египте*, — «Естествознание и география», 1903, стр. 1—10; МРП, стр. 351, 151.

¹⁰ МРП, стр. 377.

¹¹ Forbes, MA, p. 143.

¹² МРП, стр. 381.

¹³ СРЕ II, p. 20; Forbes, MA, p. 174; Gowland, MA, p. 263. По предположениям Гоулленда и Форбеса, дровяной челодек мог получить серебро в случае, если свинцовая руда (галена), употреблявшаяся в додинастическое время в качестве краски в косметике, случайно упала в огонь, при этом свинец сперва восстанавливается, а затем выгорает, оставляя после себя лишь небольшое количество серебра.

¹⁴ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Naq), pl. LX₁₄, № 721; Préhist., p. 212; PE, p. 27; СРЕ, p. 75.

¹⁵ МРП, стр. 381; 379.

¹⁶ Там же, стр. 364, 381, 382.

из Азии¹⁷. Лукас же, напротив, не согласен с этими авторами и доказывает, что Египет до XVIII династии удовлетворял свои потребности в серебре и золоте своими собственными ресурсами¹⁸. Баумгертель не решает вопроса, а полагает, что серебро в те древнейшие времена ввозилось в Египет издалека¹⁹.

В результате кропотливой работы над памятниками, разбросанными по многим музеям мира, Баумгертель удалось выяснить, что ряд металлических изделий, считавшихся в течение более пятидесяти лет медными и свинцовыми, оказались серебряными. Остается лишь сожалеть, что она не провела систематической проверки додинастических металлических изделий. Это способствовало бы решению некоторых трудных вопросов по додинастической металлургии.

Не приходят ни к какому определенному выводу и в Новом каталоге серебряных изделий времени Среднего царства. Высказывается лишь предположение о том, что, вероятно, в Египте, или в Ливии, или в Нубии, или в Западной Азии были серебряные рудники, исчерпанные уже в древности, и поэтому сведения о них до нас не дошли²⁰.

Обратимся к рассмотрению изделий из золота и серебра.

Две золотые обшивки к рукояткам кремневых ножей датируются вторым периодом²¹. Они представляют собой тонкие узорные золотые пластинки, которые охватывают рукоятку ножа. Найдены две золотые обшивки концов лука в виде трубочек длиной 6 и 9 см. Дошли до нас также золотые подвески (табл. 7, 1) и кольцо²² из золотой про-

¹⁷ W. M. Fl. Petrie, G. A. Wainwright and E. Mackay, *The Labyrinth, Gerzeh and Mazghuni*, London, 1912 (далее — Gerzeh), pp. 17, 24; PE, p. 27. В. В. Струве в 1934 году допускает (В. В. Струве, *Хеттское общество как тип военного рабовладельческого общества*, — ИГАИМК, вып. 97, 1934, стр. 45) возможность согласиться с Меллером («*Orientalistische Literaturzeitung*», Bd 18, 1915, S. 78), высказавшим в начале XX в. предположение о том, что Малая Азия в древности снабжала Египет серебром, на что, по мнению Меллера, указывает и египетское происхождение названия для страны Хеттов, которое происходит от египетского слова «серебро». Мы считаем, что вопрос о том, была ли Малая Азия той страной, которая снабжала додинастический Египет серебром, остается открытым. Предположение же это может быть принято лишь как гипотеза.

¹⁸ МРП, стр. 353, 380.

¹⁹ СРЕ, р. 42; СРЕ II, р. 6.

²⁰ F. Bisson de la Roque, *Trésor de Tôd*, — «Catalog Général d'Antiq. d'Egypte du Musée du Caire», № 70501—10754, Le Caire, p. 64.

²¹ J. E. Quibell, *Flint dagger from Gebelen*, — ASAE, vol. II, 1901, pp. 130—131; G. Bénédict, *Le Couteaux de Gebel el-Arak*, — «Etude sur un nouvel objet préhistorique acquis par le Musée du Louvre. Monuments et Mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles Lettres, Fondation E. Piot, XXII, Paris, 1916, p. 4, n. 2.

²² Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908*, vol. I, Cairo, 1910 (далее — Reisner, *Nubia*), 128:17:15; Naq., p. 15, 48, № Q 172, pl. LXV₁₆; см. ОРЕ II, р. 4 (59); E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911, (далее — СМН), р. 27, pl. XII₁, № Н-29, р. 16, 30 N H-41 (56), pl. XVI₃; Naq., p. 45, № 723 (46—52).

волоки. Золотое покрытие бус встречается уже в самом начале второго периода, а к концу второго периода их число увеличивается²³. Покрытие состоит из тонкой пластинки металла, покрывающей бусинку из глины, дерева или кости. Иногда встречаются бусинки в виде свернутых в трубочку узких полосок тонкого листового золота.

Довольно много от додинастического времени дошло серебряных изделий.

Ложечка из серебра с витой ручкой (к сожалению, исчезнувшая во время транспортировки) от второго периода, чашечка для ложечки²⁴ примерно того же времени и серебряная крышка для каменного сосуда (табл. 7, 3)²⁵ являются предметами, которые можно отнести к группе предметов обихода. Из украшений найдены серебряные бусы (табл. 7, 2), кольцо²⁶ и небольшая фигурка птицы, по-видимому, сокола, сделанная из дерева и покрытая серебряным листом²⁷. Найден предмет, напоминающий пуговицу²⁸.

В своей работе Баумгертель приводит новые данные о том, что тесло из Нагады (табл. 7, 4), считавшееся ранее медным, оказалось серебряным²⁹. Если это так, возникает вопрос, почему тесло изготовлено из серебра? Баумгертель считает это доказательством того, что это орудие не было теслом, а было боевым топориком, в данном случае как бы церемониальным, так как серебро, по ее мнению, всегда ценилось в Египте выше золота³⁰. Она, как мы знаем, считает все металлические орудия, подобные теслам и топорикам, лишь боевым оружием. Вольф тоже полагал, что в конце додинастического времени в Египте булава в качестве боевого оружия заменяется металлическим топориком³¹. На табличках царя Усефая (I династия), как показал Шарфф, дано изображение металлического топорика, но этот знак употребляется при написании слова «строительный мастер», т. е. топор связывается здесь со строительством.

²³ СМаш, р. 11, № Н-17, pl. XIII₃ (38); см. *Préhist.*, pp. 150, 203; *Naq.*, № 1547 (38); см. PE, р. 27; СРЕ II, р. 3—4; *Naq.*, № 822 (49—53); *Gerzeh*, р. 22, № 80 (58—63), № 55 (65—72), № 76; G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — *Mostag.*), № 1652 (53—80), pl. XXXIX₇₈₋₆.

²⁴ *Préhist.*, р. 251, n. 191.

²⁵ PE, р. 27.

²⁶ *Naq.*, № 1257, pl. LXV₁; *Mostag.*, № 1630; *Naq.*, № 1547 (33); Reisner, *Nubia*, pl. 67₆₇; *Naq.*, № 1770; см. *Préhist.*, р. 251, n. 191.

²⁷ *Naq.*, pl. LX₁₄.

²⁸ *Naq.*, № 1760 (41—52); см. PE, р. 43.

²⁹ СРЕ, pp. 42—43; СРЕ II, р. 8.

³⁰ Не можем мы также согласиться с мнением Баумгертель и Черни, высказавшими в общей форме мысль о том, что в древнейшем Египте серебро ценилось выше золота, так как для додинастического Египта это положение остается недоказанным (J. Cerný, *Prices and wages in Egypt*, — «*Journal of world history*», vol. I, 1954, № 4, р. 903).

³¹ W. Wolf, *Die Bewaffnung des altägyptischen Heeres*, Leipzig, 1926 (далее — Wolf, ВАН), S. 8.

а не с борьбой, или с войной³². Топорики становятся боевым оружием, по его мнению, лишь начиная со Старого царства.

Кинжал из Амры (табл. 7, 5), считавшийся до сих пор медным, оказался серебряным. Причина изготовления такого большого орудия из серебра³³ остается неизвестной. Можно лишь предположить, что литейщик, изготовлявший это тесло и кинжал и другие изделия из серебра, не задумывался над разницей в металлах.

Почти все из рассмотренных золотых и серебряных изделий являются художественной отделкой орудий и предметов обихода и украшения, т. е. ни золото, ни серебро не имели в додинастическое время сколько-нибудь существенного производственного значения. Вопрос о происхождении серебра в додинастическое время в Египте мы вынуждены оставить открытым впредь до получения более точных данных.

Железная руда в виде окисей железа — гематита, лимонита и магнетита — встречается в Египте и на Синае. Кроме руд в Египте имеются охры, которые добывались в оазисах Западной пустыни в районе Асвана. Древнейшие жители Египта употребляли охры в качестве красок³⁴. Несмотря на богатые залежи месторождений железной руды и других соединений железа в Египте, человек додинастического периода не знал железа как металла с определенными для него свойствами и не умел получать его из железной руды.

Среди египтологов и специалистов по истории металлургии долгое время шел спор о том, как египтяне получали железо. Считалось, что уже со времени Старого царства Египет знал железо³⁵. Наличие каменных сооружений и монументальной каменной скульптуры в древнем Египте способствовало утверждению такого мнения.

В 1911 г. в Герзе были найдены железные бусы (табл. 7, 6)³⁶. В могиле № 67 (о. д. 53—63) было найдено семь бусин, а в могиле № 133 (о. д. 60—66) — две бусины. Они были сделаны из тонких пластинок металла, свернутых в трубочку наподобие медных бусинок. В результате анализа Гоуленд пришел к выводу, что бусы были изготовлены из желе-

---

³² A. Scharff, *Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift*. — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Abteilung, Jg. 1942, II, 3, München, 1942, S. 28—29.

³³ D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London, 1902 (далее — Amrah), pp. 6, 9—10, № b 230, pl. VI₁—; СРЕ II, p. 9. Помимо тесла из Нагады и кинжала из Амры Баумгартель указывает еще на серебряный кинжал и овежевальный нож, купленные в конце XIX в. Каирским музеем. Предметы эти были найдены в районе Хомра Дом (СРЕ II, pp. 8—10). У нас, однако, нет полной уверенности в правильности их додинастической датировки.

³⁴ M. Amér and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936 (далее — Maadi II), p. 53.

³⁵ Д. Анучин, *Каменный век и доисторическое население в Египте*, М., 1898, стр. 26.

³⁶ Gerzeh, pl. IV₅.

за, выплавленного из железной руды. Уайнрайт в соответствии с этим выводом Гоулленда от начала XX в. попытался решить вопрос об источнике и способе получения железа в додинастическую эпоху. Он сделал правильный вывод о том, что додинастические металлурги не выплавляли железо из железной руды. По его мнению, изготовители этих бус собирали самородное (земное) железо на Синае или в базальтовых горных породах Египта³⁷. Однако ни Уайнрайту, ни позднейшим исследователям ничего не было известно о находках самородного железа в базальтовых горных породах Египта. Предположение Уайнрайта было позднее опровергнуто. Было установлено, что самородное земное железо содержит 65—75% никеля, что делает железо практически непригодным для употребления³⁸. В конце 20-х годов эти бусы подвергли повторному анализу, в результате которого установили, что железо, из которого были они изготовлены, метеорного происхождения³⁹. В нем было 7,5% никеля. Метеорное железо хорошо поддается ковке и шлифовке⁴⁰. В итоге многолетнего изучения этого вопроса Уайнрайт пришел к выводу, что ни додинастические, ни династические египтяне не могли заимствовать знание выплавки железа из железной руды, как думали некоторые авторы, у племен Центральной Африки, так как последние познакомились с железом много позже⁴¹.

Кусок метеорного железа, попавший в руки древнего металлурга, был обработан так же, как медь, т. е. ковкой. Никаких новых методов обработки это метеорное железо от додинастического металлурга не требовало, поэтому можно сказать, что железо как новый металл с его особыми свойствами додинастическим жителям Египта не был известен, и сколько-нибудь значительного производственного значения этот металл не имел, тем более, как материал для изготовления орудий труда.

Такие металлы, как сурьма, цинк, мышьяк, кобальт и марганец, в чистом виде в додинастическом Египте не найдены, но встречаются или в виде примесей в других металлах или в виде соединений.

Сурьма присутствует в свинцовых рудах Египта в виде примесей, но сурьмяных руд там не найдено. В медном тоноре из Магмара Карпентер нашел следы сурьмы⁴².

Цинк содержится в изделиях из меди, датируемых додинастическим

³⁷ Ibid., pp. 16—18.

³⁸ Forbes, MA, p. 380.

³⁹ МРП, стр. 318, 367—368.

⁴⁰ Forbes, MA, p. 330.

⁴¹ G. A. Wainwright, *Iron in Egypt*. — JEA, vol. XVIII, 1932, pt I, pp. 3—15; G. A. Wainwright, *The coming of iron to some African peoples*, — «Man», 1942, № 61; J. Leclart, *Le fer dans l'Égypte ancienne, le Soudan et l'Afrique*, — «Homme et Techniques», Nancy, 1956: pp. 86—91.

⁴² МРП, стр. 310.

временем, в количестве до 1,5%. Цинковые руды встречаются обычно вместе с медными, свинцовыми и другими рудами, и в Египте карбонат гинка найден вместе со свинцовыми рудами, но практического значения этот металл в додинастическое время не имел⁴³.

Мышьяк также встречается как примесь в медной руде Египта⁴⁴. Следы кобальтовых соединений найдены в синайских шлаках⁴⁵, а это дает право предполагать наличие кобальта и в медных предметах, которые происходят с Синая.

Окись марганца была найдена Рейснером в погребении⁴⁶. Она могла применяться в косметике древнего Египта.

Все перечисленные пять металлов додинастическим металлургом, конечно, не были известны. Они не умели их получать и пользоваться ими. Поэтому все эти металлы мы считаем естественными примесями, попавшими в медь из руды помимо знания и воли людей.

ОРУДИЯ И ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ МЕДИ

В начале главы уже говорилось о том, что первыми металлами, с которыми человек познакомился, были самородные металлы: золото, серебро, метеорное железо и медь. Из этих металлов мы не рассмотрели еще самородной меди и возникновение выплавки меди из ее руд. Медь занимает в истории общества особое место, так как многие народы в период перехода от камня к металлу переходили к изготовлению своих орудий из меди. Познакомившись однажды с новыми качествами «каменя»-меди, на первых порах человек обрабатывал эту самородную медь при помощи ковки. Медь при длительной ковке делается хрупкой и ломается. Поэтому ее нагревают до температуры 500°C, при которой она делается мягкой, т. е. более податливой ковке. Такой отпуск повторяется в течение обработки несколько раз, прежде чем получить металл нужной формы и толщины. Этот процесс является очень крупным открытием, так как он дал в руки человека богатые возможности по изготовлению орудий труда⁴⁷. Однако дальнейшее развитие металлургии пошло у одних народов по пути выплавки меди из ее руд, встречающихся здесь же поблизости, а у других народов, имевших достаточное количе-

⁴³ Forbes, MA, p. 273.

⁴⁴ МРП, стр. 350; Forbes, MA, p. 268.

⁴⁵ МРП, стр. 399.

⁴⁶ Reisner, *Nubia*, 216-41:306.

⁴⁷ H. H. Coghlan, *Notes on the prehistoric metallurgy of copper and bronze in the Old World Includ. an examination of specimens from the Pit-rivers museum and bronze castings in ancient moulds by E. Voce and contribution by T. K. Penniman*, Oxford, 1951 (далее — Coghlan, *Notes*), p. 20.

ство самородной меди, металлургия надолго осталась на стадии обработки самородной меди ковкой, т. е. по-существу в пределах старой каменной или неолитической техники.

Хотя Рикард утверждал, что самородной меди на земном шаре встречается много, но в отношении Египта таких данных не имеется. Лукас допускал возможность употребления самородной меди в Египте лишь в начале бадариского времени, от которого до нас дошли первые медные изделия⁴⁸. Ранние земледельцы Египта времени Бадари изготавливали медные бусы (табл. 7, 7)⁴⁹. На их изготовление шло ничтожно мало меди, и сам процесс обработки был очень прост. Помимо бус в одном бадариском погребении был найден медный стержень (табл. 7, 8), четырехугольный в сечении, длиной 7 см, с одним заостренным концом. Брантон называет его булавкой (pin), но отмечает его массивность по сравнению с последующими булавками из меди и поэтому допускает возможность использования этого орудия в качестве проколки (boger)⁵⁰. Для изготовления этого изделия не требовалось ничего нового по сравнению с процессом производства бус. Поэтому Лукас допускает возможность нахождения таких больших самородков меди в Египте или же умения выплавлять медь из медной руды, которая также имела в Египте. Исследователи, занимавшиеся специально этим вопросом уже в течение многих лет, не пришли еще к окончательному результату. До сих пор не разработан метод определения происхождения металла, т. е. самородная ли медь или выплавленная, из которой сделан данный предмет. Вследствие этого до окончательного выяснения происхождения меди, из которой население Египта в период Бадари изготавливало свои медные изделия, нам кажется более правильным согласиться с Лукасом, не постулируя широкое использование самородной меди ни в период Бадари, ни в первом периоде, как это делали Коглен и Чайлд⁵¹.

Положение о том, когда стали в додинастическом Египте выплавлять медь из медной руды, имеет принципиальное значение для решения вопроса о самостоятельности развития древнеегипетской металлургии, которая обеспечила более высокую производительность труда, чем каменные и кремневые орудия, и тем самым способствовала росту материальных богатств в додинастическом Египте. Многие исследователи на протяжении более чем пятидесяти лет изучения истории додинастиче-

⁴⁸ T. A. Rickard, *Man and metals*, vol. I, New York—London, 1932, pp. 105, 106, 168; МРП, стр. 688, 318—319.

⁴⁹ G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — ВС), pp. 277, pl. Lxxvз, № 5413.

⁵⁰ СРЕ, р. 2.

⁵¹ МРП, стр. 319; Н. Н. Coghlan, *Some fresh aspects of the prehistoric metallurgy of copper*, — «The Antiquaries journal», vol. XXII, 1942, p. 23; Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956 (далее — ДВ), стр. 96.

ского Египта высказывались в пользу заимствования навыков по обработке металлов, в том числе и меди, извне, и в первую очередь из Передней Азии⁵². Совершенно ясно, что эти исследователи пытаются доказать влияние Передней Азии на Египет и тем самым ставят развитие всей додинастической и династической культуры Египта (начиная со второго периода) в зависимость от культуры стран Передней Азии.

Питри и другие исследователи в своих работах констатировали знание и употребление меди додинастическими жителями Египта. Поиски горнов и тиглей того времени для выплавки не увенчались успехом. Тогда возникла теория получения меди на костре. По мнению Гоулленда, первым горном был костер, в который впервые случайно упал кусок окисленной медной руды, и медь в пламени костра восстановилась⁵³. Полученный таким образом кусок меди затем подвергался ковке. Это мнение о получении меди на костре держалось в науке в течение тридцати лет, пока Коглен в конце 30-х годов опытным путем не опроверг предположение Гоулленда. Он доказал, что медь можно получить из медной руды лишь в закрытой камере, иначе кислород воздуха препятствует восстановительной реакции⁵⁴.

По Коглену, открытие выплавки меди из медных руд произошло впервые в Передней Азии, так как там была найдена керамика, обожженная в гончарных печах, где можно было выплавлять и медь⁵⁵.

Другого мнения придерживался Лукас, который считал, что выплавка меди не могла произойти в Египте в гончарных печах, так как таковых в Египте еще тогда не было, а медь уже имелась⁵⁶. Зато выплавку меди додинастическое население Египта могло производить в закрытых камерах, в которых, как показали эксперименты, при высокой температуре глазурировали стеатитовые бусы, найденные в Египте уже от бадариского времени⁵⁷. В подтверждение своей мысли Лукас указы-

⁵² J. Morgan, *Mission scientifique au Caucase*, vol. I, Paris, 1889, p. 5; J. Morgan, *Le premiere temps de l'Egypte*. — Mon. et Mém. vol. XXV, 1921, p. 315; H. Frankfort, *Studies in early pottery of the Near East II, Asia, Europe and the Egean and their earliest interrelations*, London, 1927, p. 7, n. 6, pp. 8, 9; G. Jéquier, *L'Origine de la race égyptienne*, Paris, 1920, p. 129; J. A. Wilson, *The culture of Ancient Egypt*, Chicago, [1956], p. 24. Теперь оставлено мнение Навиля о введении меди хамитами Африки (F. Naville, *L'Age du cuivre en Egypte*. — «Revue Anthropol.», Paris, 1921, serie 5, vol. 20, p. 17), так как, по последним данным, Центральная и Восточная Африка вступили в железный век много позже, нежели ступень медного века.

⁵³ Cowland, MA, p. 237.

⁵⁴ П. Н. Coghlan, *Some experiments on the origin of early copper*. — «Map», 1939, № 92. Однако в последнее время опять появляются сторонники теории Гоулленда, которые не считают возможным полностью отказаться от теории получения меди на костре (Рецензия Коглена на книгу: L. Aitchison, *A history of metals*, London, vol. I, 1960, — «Antiquity», XXXIV, 1960, № 136, p. 305).

⁵⁵ Coghlan, *Notes*, p. 22.

⁵⁶ МРП, стр. 335.

⁵⁷ ВС, pp. 31, 41, 85—87, 99.

вает на очень древний и широко распространенный обычай употреблять медную руду, в частности малахит, в качестве косметического средства. Малахит шел для изготовления различного рода предметов, таких, как бусы⁵⁸. Все авторы, знакомившие читателя с материалом по медным орудиям древнейшего Египта, рассматривали его, как один из моментов культуры додинастического Египта, не придавая орудиям из меди никакого особого значения.

Рассмотрим медные орудия в хронологическом порядке.

Медную булавку мы застали уже в бадарскую эпоху. В первом периоде, начиная с о. д. 31, она является самым распространенным медным орудием. Название «булавка» этому изделию дано условно, так как Питри предположил, что оно могло быть использовано для скрепления одежды на плече. Однако в 1917 г. он же считал эту булавку прообразом сверла, проколки (*boget*), при помощи которых делались отверстия в коже для шивания одежды, ремней и т. д.⁵⁹. Теоретически эти булавки могли быть применены как булавки, проколки и украшения⁶⁰. Более правильным будет считать их орудиями, равнозначными проколкам, а не украшениям. В подтверждение нашего предположения хотим сослаться на некоторые издания, где приводится материал от времени I, III и IV династий. В Абидосе в гробнице одного из царей I династии мы находим это орудие вместе с кремневыми бритвами⁶¹; в гробнице № 3471 это медное орудие найдено в одном ящике с медными жемами и иглами⁶². От времени Старого царства до нас дошел на стене гробницы рисунок, на котором изображен ящик с орудиями, и в том числе внутри двух щипцов нарисовано по одному орудию, аналогичному нашим пресколкам с загнутым в петлю одним концом и с другим концом заостренным⁶³. С о. 31 мы видим эти булавки с головкой в виде спи-

⁵⁸ Mostag., p. 85, № 1858.

⁵⁹ TW, p. 52.

⁶⁰ Майерс [R. Mond and O. Myers, *Cemeteries of Arman I*, London, 1937 (далее — Арм.), p. 78] и Энгельбах [E. Glanville, *The legacy of Egypt*, Oxford, 1942, p. 123 (глава о бадарской культуре написана Энгельбахом)] допускали, что в бадарское время существовали медные орудия — «сверла», при помощи которых просверливались отверстия в бусах, изготовлявшихся из твердых пород. Майерс при этом ссылается на орудие, найденное в Бадари. Кроме того, Майерс указывает на то обстоятельство, что некоторые булавки, как, например, булавка, найденная в Арманте, не могут быть употреблены в качестве иглы, так как отверстия на шитых шкурах имеют меньший диаметр, чем она выключала (Арм., p. 160, pl. LIII₁₅₅). Массулар считает орудие из Бадари иглой (*perforateur*, *Préhist.*, p. 127). Не можем мы согласиться и с мнением Баумгертель о том, что эти булавки служили украшениям подобно шпилькам из кости и слоновой кости (CPE II, p. 2).

⁶¹ W. M. Fl. Petrie, *Abydos*, pt I, London, 1902 (далее — Abyd. I), p. 7, pl. XI₉.

⁶² W. Emery, *A preliminary report on the first dynasty copper treasure from North Saqqarah*, — ASAE, vol. XXXIX, 1939 (далее — Emery, *Preliminary report*), p. 433, pl. LXV A, LXIV A.

⁶³ Ibid., p. 429, fig. 23.

рали из этой же медной проволоки. Иногда кончик закреплен еще несколькими витками вокруг самого стержня пониже головки (табл. 7, 11). Одна булавка от о. д. 58 имеет несколько приплюснутое тело в форме вытянутого ромба, две противоположные вершины которого кончаются у острия и у головки булавки, а две другие вершины образуют как бы «лезвие» булавки⁶⁴ (табл. 7, 10). От первого периода до нас дошло около десятка булавок, а от второго — около двадцати штук. Длина их достигает 8—9 см⁶⁵.

Иглы или медные стержни, заостренные с одного конца, имеющие ушко для прохождения нитки, были, очевидно, предназначены для шитья. Они очень похожи на костяные иглы. Размер их колеблется от 3 до 14 см. До нас дошли иглы от первого и второго периодов⁶⁶ (табл. 7, 9).

Шилья, как и иглы и булавки, представляют собой стержень с острым концом, но по сравнению с последними шилья более массивны. Они появляются с о. д. 31 и продолжают изготавливаться во втором периоде⁶⁷. Иногда шилья имеют костяную рукоятку.

Медные резцы (долота) появляются уже в середине первого периода в виде малых орудий, которые могли быть гравировальными орудиями⁶⁸. Такой же малый размер резцов сохраняется и во втором периоде⁶⁹. Иногда резцы заострялись с обеих концов, имели причудливый изогнутый рабочий конец наподобие шпателя. Большое разнообразие резцов мы наблюдаем в могиле № 162, датированной вторым периодом (Нагада) (табл. 7, 13—15). Обычно в литературе встречается указание на то, что резцы являются орудиями для обработки дерева. Нам кажется это определение недостаточным. Логичным будет допустить, что резчики пользовались не только кремневыми резцами, но и медными орудиями⁷⁰.

Медные гарпуны, точнее, видимо, наконечники гарпунов, были в Египте уже в середине первого периода. В конце первого или в начале

⁶⁴ Naq., № 162(58), pl. LXXV₁₅.

⁶⁵ PE, p. 26; Naq., p. 29, № 1821 (33—37); PE, p. 26; TW, p. 48, pl. LXV₁₀₂; Naq., № 3, pl. LXV₂₂.

⁶⁶ Amrah, p. 16, № b 117 (до 41); BC, p. 6, № 3284 (37—38), p. 46, № 3200; Reisner, *Nubia*, 125:17:84, pl. 65_{B3}; Amrah, p. 25, № b 65; Naq., p. 48, № 3 (66), pl. LXV₂₀.

⁶⁷ BC, p. 101, pl. LXXII₁₂₃, p. 103, 107, pl. LXXII₁₀₀, p. 111, 108, 60, № 3822 (31—62); Naq., p. 26, № 63 (40), p. 21, № 218, pl. LXV₁₃; G. Brunton, *Matmar*, London, 1902 (далее — Matmar), p. 21, № 3080 (47—48); M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932 (далее — Maadi I), p. 48, pl. XXXIX₂.

⁶⁸ PE, p. 26, Naq., № 63 (40); TW, pl. XXII₄₅, № 1345; см. PE, p. 26; TW, p. 19.

⁶⁹ Naq., № 162, pl. LXV₉₋₁₁, 13—14; PE, № 1333 (61); Maadi I, pl. XXXIX₁; F. Debono, *Expédition archéologique royale au désert Orientale (Keft-Kosseir)*, — ASAE, vol. LI, 1951, fasc. I (далее — Debono, *Expédition*), p. 76.

⁷⁰ TW, p. 20; «History of technology», ed. by Ch. Singer, *Holmyard and all*, vol. I, Oxford, 1955 (далее — H of T), p. 603. По вопросу о медных резцах мы подробно говорили выше.

второго периода, как об этом свидетельствует гарпун из Махасны (табл. 7, 17), длина гарпуна достигает свыше 16 см, в пределах которого колеблется длина всех остальных гарпунов второго периода (табл. 7, 16)⁷¹.

Медный рыболовный крючок выкован двойным⁷². От первого периода найден только один такой крючок. Медные рыболовные крючки от второго периода папоминают (табл. 7, 18) крючки из слоновой кости бадариского времени⁷³.

Кроме медных рыболовных крючков, по-видимому, были в ходу у ранних земледельцев Египта и медные крючки для вязания рыболовных сетей, как думает Брантон⁷⁴ (табл. 7, 12).

Медный наконечник стрелы (табл. 7, 26) (или наконечник копья), подражающий по форме кремневному орудю в форме рыбьего хвоста, найден лишь один и датируется либо концом первого, либо началом второго периода⁷⁵. Связь между этим медным орудием и кремневым орудием такой же формы вынуждена констатировать и сама Баумгертель⁷⁶.

Медные щипцы⁷⁷ небольшого размера дошли примерно от того же времени, что и медный наконечник стрелы (до о. д. 40) и представляют собой просто узкую полоску меди, согнутую наподобие латинской буквы U. Пальцами руки, охватывающей ножки щипцов, можно заставить металл пружинить и, таким образом, брать этими щипцами небольшие предметы и т. п. Аналогичные щипцы были найдены Морганом в Тухе⁷⁸.

⁷¹ Naq., p. 24, № 1345 (34—38); см. PE, p. 24; SMah, p. 33, № II-23(36—43), pl. XX₃; Naq., p. 48, № T₃(54), pl. LXV₇, p. 48, № B₉₉ (61), pl. LXV₈; Gerzeh, № 67(53—63), pl. IV₇, p. 21.

⁷² Matmar, p. 21, pl. XVI₃₀. Баумгертель ввиду отсутствия четких данных для датировки этого крючка из Матмара относит его ко второму периоду, так как считает его слишком искусно сделанным для первого, хотя Брантон датировал его первым периодом (CPE II, pp. 18—19).

⁷³ Matmar, pl. XVI₄₀; Maadi II, pl. LXIII₁₂, p. 48; Reisner, *Nubia*, 251:43:78, pl. 65_{а1}; T. E. Peet, *The cemeteries of Abydos*, pt II, London, 1914 (далее — СAbyd II), p. 6, pl. II₃а.

⁷⁴ BC, p. 60, pl. LIV₈. У ранних земледельцев Египта, надо думать, для плетения сетей были также и деревянные иглы-крючки (см. H. Petric, *Egyptian hieroglyphs of the first and second dynasties*, London, 1927, pl. XXXVI_{845—850}).

⁷⁵ SMah, p. 32, № H-85, pl. XIX₅. Оркелл считает как медные, так и кремневые лезвия в форме рыбьего и ласточкиного хвоста только режущими орудиями, а не наконечниками стрел или копий (A. J. Arkell, рец. на кн: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt, London, 1955*, — «Bibliotheca Orientalis», Jg. XIII, № 3/4, 1956, p. 125).

⁷⁶ CPE II, p. 20.

⁷⁷ Amrah, p. 23, № a 104; Préhist., p. 182, n. 104.

⁷⁸ Préhist., pp. 211, 250, n. 180, pl. LXVII₁₃. Баумгертель относит щипцы к предметам, которые египтяне заимствовали из Передней Азии. Поскольку она не обнаружила их в музеях, то она только вскользь упоминает о щипцах из Амры и совсем умалчивает о щипцах из Туха (CPE II, p. 18).

Мы не знаем, каково было конкретное назначение щипцов, но ясно одно — это орудие возникло из опыта, который приобрел человек, работая с медью и зная уже хорошо свойства этого металла. Это орудие знаменует собой как бы начало нового периода, когда человек постепенно перестает подражать костяным и каменным орудиям, а создает новые формы орудий, которые могут быть осуществлены лишь в металле, в данном случае — в меди.

Медные ножи дают другой интересный пример того, как человек создает из меди орудия новых форм, которых мы не встречаем в каменном веке. Самым ранним медным ножом, дошедшим до нас, является так называемый садовый нож из Махасны (табл. 7, 19)⁷⁹, имеющий серповидную форму. Датируется он примерно о. д. 40. Остатки рукоятки из дерева сохранились у него в виде волоконца на металле. Питри предполагал, что это был нож для срезания виноградных лоз и восток⁸⁰. Баумгертель отрицает эту возможность на том основании, что лезвие у ножа идет не по внутренней стороне изгиба, а по внешней. Поэтому она считает, что этот нож применялся в качестве орудия для разрезания кожи. Однако она не приводит никаких примеров из материальной культуры додинастического или династического времени, подтверждающих ее предположение. Это высказывание можно принять лишь в качестве гипотезы.

Несколько позже, по-видимому, возник так называемый свежевальный нож, представляющий собой приблизительно овал с отростком для прикрепления к рукоятке (табл. 7, 20). В конце додинастического времени и в Раннем царстве эти ножи получили широкое распространение, хотя об их применении у нас отсутствуют точные данные⁸¹.

Помимо новых форм ножей мы видим в Египте и ножи, подражающие формам кремневых ножей. Так, от начала второго периода мы имеем медный нож, напоминающий кремневый нож, изготовленный из отщепа кремня (табл. 5, 11). Из Нагады, кроме того, дошел нож (табл. 7, 21), датируемый вторым периодом⁸².

Топор из меди был впервые найден в Матмаре (табл. 7, 22). Он датируется Брантоном о. д. 38—46 и представляет собой массивное орудие размером 16×1,2×(11—7) см, весом 1400 г⁸³. Баумгертель, однако, датирует его временем Старого царства. Она считает топор из Матмара единственным и слишком искусно сделанным для того, чтобы его можно было датировать додинастическим временем. Между тем Баумгертель игнорирует другой аналогичный медный топор из Маади

⁷⁹ SMah, p. 19, № II-85, pl. XIX_g.

⁸⁰ PE, p. 26; CPE II, p. 20.

⁸¹ Naq., p. 27, № 807 (49), pl. LXV₄; CPE II, p. 16.

⁸² Reisner, *Nubia*, 132:17:66; Amrah, pl. XI_g; PE, p. 26; Préhist., p. 150, n. 10.

⁸³ Matmar, pl. XVI₁₄₇, pl. 21.

(табл. 7, 23), хотя поселение Маади датируется додинастическим временем, а она датирует это поселение временем Раннего царства⁸⁴. Карпентер, исследовавший этот топор, пришел к выводу, что орудие было отлито и затем подвергнуто ковке⁸⁵, которая режущие края делала более твердыми. Нам неизвестны такой формы топоры времени Старого царства.

От времени же Раннего царства они сохранились в форме прямоугольника со слегка закругленным лезвием, топоры почти прямоугольной формы с плечиками-выступами для прикрепления к рукоятке и топоры в форме, приближающейся к полукругу, с отверстием для рукоятки⁸⁶. Из них топоры первой формы наиболее близки к форме додинастических. Поэтому мы склонны думать, что эти медные раннединастические орудия восходят к додинастическим топорам. Форма же додинастического медного топора остается подражанием форме каменных и кремневых топоров. Тем не менее он знаменует собой новый этап в развитии додинастической металлургии. Мы не знаем примеров более раннего литья, чем этот топор. Он был отлит в открытой форме, т. е. простейшим способом литья⁸⁷. Из анализа меди, из которой был отлит топор, видно, что в меди были около 3% примесей, среди которых был и марганец, на присутствие которого мы обращаем особое внимание. Совершенно ясно, что все примеси являются естественными, попавшими в медь из руд при выплавке. Иначе мы должны допустить, что такие трудно доступные технические процессы, как получение никеля и кобальта, были додинастическим обитателям Египта уже известны, что совершенно невероятно.

Итак, уже в начале второго периода в Египте умели лить медь. До этого в Египте в течение второго периода времени, на протяжении всего первого периода изделия изготовлялись, по-видимому, только путемковки. Мы, однако, не имеем точных данных относительно приемов

⁸⁴ СРЕ II, pp. 13—14.

⁸⁵ Н. С. Н. Carpenter, *An Egypt axe head of great antiquity*, — «Nature», 130, October 20, 1932, pp. 625—626. Твердость режущего края топора имеет по шкале Бригелля 85, тогда как вся остальная часть топора имеет твердость, колеблющуюся между 63 и 73.

⁸⁶ G. A. Reisner, *The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Dêr*, — «Egyptian archaeology», vol. II, pt I, Leipzig, 1908 (далее — Naga-ed-Dêr), pl. 40_b; Abyd. I, p. 23; W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901. (далее — Diosp.), pl. VII_{ii}-74; Préhist., p. 308, pl. LXXXIX₁₅; W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the earliest dynasties*, pt II, London (далее — RT II), 1901, pl. XLV₇₆.

⁸⁷ Литье в открытые формы требовало много меди, так как оно было сплошным, а не пустотелое, как при закрытом литье, но оно было простейшим способом литья. Литье в закрытую форму требовало прибавления к меди примесей, без которых литье получалось плохое, пористое и т. д. Знание таких особенностей требовало уже такого большого развития металлургического дела, которого нельзя было ждать от додинастических металлургов на первых порах.

литья. До нас не дошло ни тиглей, ни форм. Лукас считал, что керамическая форма была вполне пригодна для этой цели⁸⁸. Коглен предполагает, что литье было возможно в форму, изготовленную в песке⁸⁹. Помимо топора из Матмара был найден и медный топор из Маади (табл. 7, 23), изготовленный, по-видимому, несколько позже⁹⁰. Применялось литье и при изготовлении кинжалов и тесел.

Кинжал самый ранний дошел до нас от о. д. 61—62 (табл. 7, 24). Он несколько напоминает кремневый кинжал, лезвие его ромбической формы. Другой кинжал имеет толстое осевое ребро для увеличения прочности⁹¹. Концы у него вытянуты (табл. 7, 25). Баумгертель исключает кинжал из Нагады из числа додинастических орудий, считая его слишком совершенным для столь ранней датировки⁹². На протяжении нашей работы мы неоднократно отмечали, что уже додинастический Египет отличался необычайным мастерством в ремеслах, и поэтому мы склоняемся к додинастической датировке этого кинжала. Третий медный кинжал додинастического времени совершенно разрушился после того, как был найден в начале XX в. Меллером, и точная его форма неизвестна⁹³.

Питри и Чайлд считали все кинжалы, как и топоры, тесла и свежесрезанный нож из Нагады, делом рук литейщиков⁹⁴. Мы не имеем возможности добавить что-либо к этому из-за отсутствия данных.

Отличить каменное тесло от каменного топора очень трудно. Медные тесла в поперечнике более тонкие, чем топоры, и их форма более вытянутая. Они предназначены не для раскалывания дерева, а для снятия стружки. Медных тесел до нас дошло немного⁹⁵. По времени они несколько отстают от появления топора, но по размеру медные тесла (табл. 7, 27) не уступают медным топорам, а позднее в Раннем царстве даже превзойдут топоры.

Помимо медных орудий, которые мы рассмотрели, найдены фрагменты орудий, первоначальное предназначение которых мы не всегда можем определить. Так, в Бет-Халлафе были обнаружены два медных

⁸⁸ МРП, стр. 337.

⁸⁹ Coghlan, *Notes*, p. 48.

⁹⁰ М. Амер, *Раскопки Каирского университета в эль-Маади, 1930—1935 гг.*, [б. г.] (изд. Каирского университета на араб. яз.), рис. 16^a.

⁹¹ Amrah, фр. 20, 40, № а 131 (61—62); Naq., p. 48, pl. LXX₃, № 835 (63).

⁹² СРЕ II, pp. 10—11.

⁹³ «Die archaologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharff», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), S. 49, № 54 с 10; Prähist., p. 211; СРЕ II, p. 11.

⁹⁴ TW, p. 61; ДВ, стр. 110; Naq., pl. LXV₄.

⁹⁵ СРЕ II, p. 12; Naq., № 39, 752, 1298, 400, Q 600; Reisner, *Nubia*, 216:41:300. Мы не можем принять во внимание тесло из района Хомфа-Дом, так как оно попало в музей не из археологических раскопок, а было куплено Каирским музеем.

предмета⁹⁶. Гарстанг считает один из них проколкой. Они, по-видимому, относятся к первому периоду⁹⁷. В других районах Египта найдены куски медных предметов, возможно, орудий⁹⁸. В Маади были обнаружены фрагменты шильев и куски проволоки (табл. 7, 28) и во многих местах найдены зерна зеленой окиси меди, как признаки разрушенных медных орудий и прочих изделий⁹⁹. Найденные заклепки-гвозди (или их следы на металлических предметах) и проволока свидетельствуют о том, что они также имели применение в додинастическом Египте¹⁰⁰. В первом периоде встречаются полоски меди, свернутые в кольцо¹⁰¹, а во втором периоде ими скрепляются деревянные части¹⁰². Поскольку медь в Египте мы находим в виде украшений и предметов обихода, то чрезвычайно важно установить распространение меди вообще в стране.

Из предметов обихода можно назвать две малелькие чашечки, три крышки к сосудам, в том числе к каменным, и несколько частей к туалетным ложечкам. Чашечки (табл. 7, 29), по-видимому, служили для хранения косметических снадобий¹⁰³. Крышки к сосудам имеют вид небольшого круга диаметром от 8 до 13 см, и края их окаймляют перпендикулярно поставленные стенки высотой до 1 см. Стенки удерживают их от падения с горлышка сосуда¹⁰⁴. Части ложек в виде проволоки — ручки и черпающей части — были найдены в погребениях второго периода¹⁰⁵.

Предметы украшения представлены бусами, кольцами, подвеской и браслетами. В первом периоде мы встречаем те же бусы (табл. 7, 7)¹⁰⁶, что и в бадариское время. От второго периода известно несколько больше бус, но они все же имеют ту же цилиндрическую форму¹⁰⁷. Подвеска в виде медной пластинки примерно овальной формы с отверстием для подвешивания дошла до нас от второго периода¹⁰⁸. Кольца из круглой

⁹⁶ J. Garstang, *Mahasna and Bêt-Khallâf*, London, 1902, p. 8.

⁹⁷ BC, p. 81.

⁹⁸ BC, p. 108, pl. LXX₃₈, p. 95; Amrah, № b 189, p. 21, № b 235, p. 21.

⁹⁹ O. Menghin, *Die Grabung der Universität Kairo bei Maadi (Dritter Grabungsjahr)*, — MDIK, Bd V, H. 2 S. 115; Maadi I, p. 48.

¹⁰⁰ Reisner, *Nubia*, 126:17:88; Naq., p. 46; BC, p. 45, № 3000/3, II. Kantor, *Further evidence for early Mesopotamian relations with Egypt*, — JNES, vol. XI, 1952 (далее — Kantor, *Further*), pl. XXV¹, Reisner, *Nubia*, 128:17:15.

¹⁰¹ Mostag., p. 72, № 1872.

¹⁰² Naq., p. 25, № 218, pl. LXXXII₄₈; см.: CPE II, p. 18; Diosp., p. 25.

¹⁰³ CMah, p. 32, № 11-85(40), pl. XIX₆; Abusir, № 1052, Taf. XXVIII₂₅₅.

¹⁰⁴ Abusir, № 1052, Taf. XXVIII₂₅₄, № 1094, Taf. XXVIII₂₅₃.

¹⁰⁵ Naq., № 430(38—63); см.: PE, pp. 26, 46; Amrah, p. 24, № b 233.

¹⁰⁶ Mostag., p. 72, № 1872, pl. XXX, № 11726.

¹⁰⁷ Mostag., p. 86, № 1604(57—58), № 11747(58—63); BC, p. 56, № 3730 (44—50),

pl. L ^{86 g 22}.

¹⁰⁸ Naq., p. 47, № 1770, pl. LXII₂₂.

или несколько приплюснутой проволоки найдены от первого периода и от второго периода¹⁰⁹. Браслеты из тонкой или более толстой проволоки или из полоски меди дошли до нас лишь от второго периода¹¹⁰. Если верна датировка погребения № 1052 в Абусир эль-Мелске додинастическим временем, то уже во втором периоде применяли литье при изготовлении браслетов с украшением-рельефом в виде крокодилов¹¹¹.

Найдена также медная цепочка, датируемая либо первым, либо вторым периодом¹¹². О применении этой цепочки ничего не известно.

Среди прочих предметов обнаружены и куски листовой меди, о применении которых нам ничего не известно¹¹³. Совершенно особо стоят два свитка тонкого медного листа овальной формы длиной 7,2 см и пробитые зигзагообразным узором¹¹⁴.

В одном погребении второго периода были найдены бусы, которые состоят из сплава золота и меди. Об этом впервые сообщил Питри в 1920 г. Через 30 лет к этому ничего не может добавить Массулар¹¹⁵. Исходя из высказывания Лукаса, что в Восточной пустыне встречается в медной руде немного золота и серебра и что в той же пустыне в кварцевых жилах наряду с золотом встречаются и жилы медной руды¹¹⁶, можно допустить, что если этот сплав не был результатом случайного или преднамеренного сплавления меди с золотом, то он мог получиться при выплавке меди из медной руды Восточной пустыни.

В конце XIX в. и в начале XX в. среди египтологов существовало мнение, что самыми ранними рудниками, откуда египтяне получали медь, были синайские рудники¹¹⁷. Позже, когда хронологические рамки египетской истории раздвинулись, надо было решить этот вопрос применительно к додинастической эпохе. Разные исследователи по-разному решали вопрос об источнике медной руды в додинастическом Египте. Одна группа отвергает Синай как место разработок медной руды в додинастическую эпоху. Б. А. Тураев и Брантон писали о вероятном ввозе меди в додинастическое время из Азии, поскольку оттуда же ввозились

¹⁰⁹ Amrah, p. 16, № a 67; p. 18, № b 28; Reisner, *Nubia*, 219:41:202; Matmar, p. 12, № 2600—2700; CAbyd II, p. 6, pl. III_{b2}; CPE II, p. 21.

¹¹⁰ CMah, p. 18, pl. XIX₁; Reisner, *Nubia*, 128:17:15, pl. 65_{a2}; CPE II, p. 21.

¹¹¹ Abusir, S. 56, Taf. XXXV₃₅₅.

¹¹² Amrah, p. 16, № a 67; PE, p. 27. Баумгертель относит ее только ко второму периоду (CPE II, pp. 2, 21).

¹¹³ Mostag., p. 75, № 11757; Amrah, p. 16, № a 58, a 67; Naga-ed-Dêr, № 7304; см.: Kantor, *Further*, pl. XXVI j.

¹¹⁴ PE, p. 26, CPE II, p. 76. Баумгертель датирует их только временем Раннего царства.

¹¹⁵ PE, p. 20; Naq., № 1247 (48—59); Prêhist., p. 217.

¹¹⁶ МРП, стр. 318.

¹¹⁷ Н. Brugsch, *Die Agyptologie*, Leipzig, 1891, S. 40; W. M. Fl. Petrie, *Researches in Sinai*, London, 1906.

в Египет лазоревый камень и кедр¹¹⁸. Кэс считает, что нет следов, подтверждающих разработку медной руды на Синае в период Раннего и Старого царств¹¹⁹. Он упустил из виду работу Зете по изданию Палермского камня, где точно указано относительно разработок медной руды и получения меди с Синая в эпоху царя V династии Сахурэ:

«Доставление с Уступов [Синая] бирюзы... меди «кирпичей» (?) 6000...»¹²⁰.

Другая группа исследователей (Себельен, Брэстед, Капар и еще некоторые ученые) полагали, что синайские медные рудники начали разрабатываться лишь при первой династии¹²¹.

Третья группа авторов отстаивает положение о разработке медной руды на Синае уже в додинастическую эпоху. К ней относятся Видеман, Вольф, Лукас, Бовье-Лапьер, Брумхед, Массулар¹²².

Особую позицию занимали Питри, а позже и Кантор, считающие невозможным решить вопрос о привозе меди с Синая даже при первой династии, тем более, по их мнению, нельзя решить этот вопрос в пользу Синая относительно додинастического времени¹²³.

В Египте и вблизи от него медь встречается лишь в двух районах: на полуострове Синай и в Восточной пустыне.

Лукасу удалось там обнаружить лишь одно место — район горы Абу-Хамамид в 50 км от Красного моря, где были найдены следы древних разработок и руда была малахит¹²⁴. Остальные древние разработки пустыни имеют другие руды или не установлен точный состав руд. Особое внимание Лукас обращал на состав руды потому, что египтяне додинастического времени были знакомы с одним видом медной руды — малахитом, который был найден в неолитических и энеолитических по-

¹¹⁸ Б. А. Тураев, *Древний Египет*, — «Огни», Пр., 1922, стр. 40; R. Engelbach, *Introduction to Egyptian archaeology with special reference to the Egyptian Museum Cairo*, Cairo, 1946, p. 18 (указанная глава книги Энгельбаха написана Брантоном).

¹¹⁹ H. Kees, *Das alte Agypten, Eine Kleine Landeskunde*, Berlin, 1958, S. 64.

¹²⁰ «Urkunden des Alten Reiches», H. IV, Bearbeitet von K. Sethe, Leipzig, 1933, S. 246.

¹²¹ J. Sevelion, *Early copper and its alloys*, — AE, 1924, pp. 6—15; Д. Г. Брэстед, *История Египта*, т. I, М., стр. 1915, стр. 15; J. Capart, *Le place de l'Egypte dans l'histoire de la civilisation*, — «Bull. d. la Soc. d. Anthropol. de Bruxelles», XXXVI, 1931, p. 196.

¹²² A. Wiedemann, *Das alte Agypten*, Heidelberg, 1920, S. 345; Wolf, BAH, S. 11; МРП, стр. 331, 333, 688—689; R. P. Bovier-Lapierre, *L'Egypte préhistorique*. — «Précis de l'histoire d'Egypte par divers historiens et archeologues», vol. I, Le Caire, 1932, p. 48; H of T. p. 56; Préhist., p. 69.

¹²³ W. M. Fl. Petrie, *Wisdom of the Egyptians*, London, 1940, p. 115; R. Ehrlich, *Religion chronologies in Old World archeology*, Chicago, 1954, p. 3.

¹²⁴ МРП, стр. 325.

гребениях¹²⁵. С его мнением, что именно малахит был той рудой, из которой додинастические египтяне впервые начали добывать медь, можно согласиться¹²⁶, ибо малахит встречается на поверхности, он — самая богатая медная руда, и с ним жители Египта были знакомы с неолитического времени. У нас, однако, нет точных данных относительно разработки медной руды в Восточной пустыне в додинастическое время, поскольку и сам Лукас склоняется к тому мнению, что медная руда в районе Абу-Хамамид начала разрабатываться лишь со времени XII династии¹²⁷. Теоретически же можно допустить, что здесь добывалась медная руда уже в додинастическое время, но один этот источник не смог бы снабдить долину Нила всем тем количеством меди, которое мы выше наблюдали¹²⁸.

Помимо этого месторождения в Восточной пустыне малахит находится во многих местах Синайского полуострова. Малахит залегает в четырех районах юго-западной части полуострова и в двух районах восточного Синая¹²⁹. Здесь же в Магхара и Серабит эль-Кадим, районах, где имеется малахит, находятся месторождения бирюзы, которую жители Египта употребляли в виде украшений: бус и подвески. Уже в бадариских слоях были найдены бирюзовые бусы и подвески. В додинастическое время встречались украшения из бирюзы¹³⁰. Можно предположить, что бирюзу бадарийцы и додинастическое население Египта получали с Синая, так как это единственный близкий источник бирюзы. Поскольку здесь же залегал малахит, употреблявшийся в бадариское время и в додинастическое время, то естественно, что и малахит добывали здесь же на Синае. Нельзя с уверенностью сказать, что малахит добывали только на Синае, поскольку мы допустили, что и в Восточной пустыне могли разрабатываться залежи малахита.

Однако думать, что на Синай ходили (до начала Среднего царства) только за бирюзой, будет большой натяжкой, так как бирюзовых изделий от додинастического времени до нас дошло чрезвычайно мало. Поэтому может быть будет правильнее допустить, что на Синае добывали малахит и бирюзу.

Отказываться от Синая как источника меди для додинастического времени и далее до Среднего царства, как это делают некоторые исследователи, — значит подразумевать наличие какого-то другого источника

¹²⁵ ВС, pp. 27, 41, 62—63, № 3284, 3165.

¹²⁶ МРП, стр. 319, 333.

¹²⁷ Там же, стр. 688.

¹²⁸ Это тем более вероятно, что в раннединастическом поселении Лакейта (район Вади-Хаммамат) были найдены следы выплавки меди (шлак), но о составе руды данные отсутствуют (Debono, *Expédition*, p. 71).

¹²⁹ МРП, стр. 320—324.

¹³⁰ ВС, pl. Левкив № 5407, 5738, 5397; pl. L_{K18}, № 105.

меди для Раннего и Старого царств, так как огромное каменное строительство, осуществлявшееся уже при IV династии, требовало большого количества меди для изготовления медных орудий, употреблявшихся при обработке камня. Поскольку авторы, сомневающиеся в возможности использования синайской медной руды, не указывают ни на какой другой пункт в Египте, где могла бы разрабатываться медная руда, то надо думать, что они допускают ввоз меди извне как в додинастическое время, так и в династическое время до Среднего царства. Чтобы представить себе всю несостоятельность этого предположения, напомним, что медь, даже кованая, — мягкий металл. При обработке камня орудие быстро изнашивается и тупится. На твердых камнях, употреблявшихся при устройстве погребальных сооружений вельмож IV династии, Юнкер наблюдал следы пиления медными пилами при помощи абразива¹³¹. Вследствие сравнительной мягкости меди ее потребление было очень велико. При строительстве погребальных сооружений вельмож требовалось такое количество меди, которое никак не могло быть обеспечено ввозом из других стран при тех скудных средствах передвижения, которыми обладало Раннее царство.

Для времени Старого царства (для строительства погребальных сооружений вельмож и фараонов) можно было бы допустить возможность получения Египтом меди издалека, как, например, с острова Кипр или других стран, путем обмена, в качестве дани или путем постоянных разработок месторождений медной руды. Но для такого предположения у нас отсутствуют данные от времени Старого царства. Мы ничего не знаем ни об оживленных торговых отношениях Египта с островом Кипр или какой-либо другой страной, которая могла бы доставлять Египту медь. Не знаем мы также ничего и о распространении власти фараона так далеко за пределы Египта уже в эпоху Старого царства. Последнее предположение объяснило бы возможность систематических разработок где-нибудь за пределами Египта. Поэтому мы не можем согласиться с исследователями, сомневающимися в том, что медные рудники на Синае до Среднего царства разрабатывались.

Синай же был, по мнению исследователей ранней истории Палестины¹³², тем местом, откуда получали медь жители Палестины в эпоху Ранней и Средней бронзы, т. е. времени, близкого к додинастическому и раннединастическому.

На основании всех соображений можно, как нам кажется, сделать

---

¹³¹ H. Junker, *Giza X*, — «Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden den Giza», Bd X, Wien, 1951, S. 82; W. B. Emery, *Archaic Egypt*, [London, 1961], p. 226.

¹³² «The Ninth Annual Convention of the Exploration Society. Summary of papers» — IEJ, IV, 1954, № 1, p. 48.

вывод (вопреки мнению Кэса и некоторых других исследователей), что в Раннем царстве и в Старом царстве на Синае разрабатывалась медная руда и из этой же руды выплавлялась медь, необходимая для изготовления медных орудий и прочих медных предметов.

Что касается додинастического времени, то у нас есть веские основания считать Синай тем местом, откуда додинастические обитатели Египта получали медную руду или медь. Мы уже упоминали, что в погребениях первого и второго периодов встречается бирюза, которая могла добываться лишь на Синае. Фактами, подтверждающими наше предположение о синайском происхождении меди в додинастическое время, являются археологические находки в Маади. В Маади было найдено некоторое количество марганцевой руды¹³³, которую находят на западном Синае. Эта руда доказывает наличие связей жителей Маади (поселение Маади датируется вторым периодом) с Синаем. Там же, в Маади, был найден кусок медной руды, который, по определению Хьюма, принадлежит Синаю¹³⁴. Очевидно, что во вторую половину второго периода существовали более постоянные связи между долиной Нила и западным Синаем, и медная руда или медь и марганцевая руда поступали в Египет. Топор из Матмара, датируемый концом первого или началом второго периода, содержит небольшое количество марганца, что, по мнению Лукаса, доказывает синайское происхождение этой меди, из которой был отлит топор¹³⁵.

К сожалению, у нас нет данных о составе медных предметов от первого периода. Тем не менее известно, что в первом периоде в качестве косметического средства использовался малахит с Синая, так как только оттуда могла поступать бирюза, также обнаруженная в Египте с бадарского времени. Умение же глазуровать стеатитовые бусы с бадарского времени обеспечивало всеми необходимыми техническими возможностями получение меди из медной руды — малахита. Поэтому есть все основания утверждать, что медь, из которой изготавлились в первом периоде уже орудия и другие предметы, тоже добывалась на Синае.

В результате знакомства с письменными данными, археологическим материалом и результатами химических анализов мы пришли к выводу, что медь, начиная с первого периода, вероятно, добывалась из синайской медной руды, а точно установлено, что она добывалась во втором периоде из синайской медной руды. Путь на Синай был изтруден и мог пролегать либо через самое северное додинастическое поселение Маади, либо через Восточную пустыню, например через Вади-Хаммамат. Во-

¹³³ Maadi I, p. 48.

¹³⁴ Ibid., p. 48.

¹³⁵ МРП, стр. 331.

сточная пустыня, как показали раскопки, была в те времена населена и не была пустыней в нашем смысле этого слова¹³⁶.

В литературе по истории додинастического Египта нередко можно встретить общее замечание о том, что в первом периоде в Египте медь была больше распространена, чем в бадарискую эпоху, а орудия первого периода малы и изготавливаются способомковки¹³⁷. Во втором периоде увеличивается число орудий из меди по сравнению с первым периодом, и сами медные орудия постепенно увеличиваются в размере и для их изготовления иногда применяется литье. Только принимая во внимание весь ход развития металлургии, можно сделать правильный вывод, к которому пришли некоторые авторы¹³⁸. Лукас высказал в общей форме мнение о том, что в додинастическом Египте медные изделия не появились внезапно и в сравнительно развитой форме, а постепенно проходили все стадии развития от простых и мелких изделий к более крупным и сложным. Происходит постепенное увеличение числа орудий и усложнение их форм. Наше изложение о медных орудиях начинается с маленьких булавок, игл и проколов, которые появились в самом начале первого периода; число их во втором периоде увеличивается, но размер их остается примерно таким же, каким он был с начала их возникновения. Количество медных резцов (долот), возникших в середине первого периода, постепенно увеличивается, усложняясь при этом по форме; размер их в додинастическое время остается прежним. Другие орудия, как наконечники гарпунов, впервые появляются в первом периоде, а во втором периоде становятся уже более крупными. Топоры, кинжалы и тесла как самые крупные медные орудия, известные в додинастическом Египте, появились лишь во втором периоде, когда был накоплен большой опыт в обработке ковкой меди и научились уже плавить и лить медь в форму.

Постепенное развитие металлургии мы можем проследить и на изменении форм орудий. Сначала медные орудия подражают в своей форме костяным и орудиям из слоновой кости, а также каменным и кремневым орудиям, и лишь постепенно возникают новые формы, отсутствовавшие среди костяных, каменных и кремневых орудий. Можно привести несколько примеров. Наконечники стрелы (или копья) подражают форме кремневого наконечника стрелы (или копья), лезвия в форме рыбьего хвоста; может быть, шилья и иглы остались такими же, какими их мы видели из кости и слоновой кости. Перемена наблюдается уже в изготовлении ножей. Медные ножи не только подражают по форме крем-

¹³⁶ Debono, *Expédition*, pp. 66—69.

¹³⁷ Préhist., p. 150; E. Drioton et J. Vandier, *L'Égypte*, Paris, 1946 (Le Peuples de l'Orient Méditerranéen II), p. 37; Diosp., p. 24.

¹³⁸ МРП, стр. 690.

невым ножам, но имеют и новую форму в виде так называемых садового и свежевального ножей, изготовление которых в кремне было бы невыгодно. То же можно сказать и о кинжалах с продольным ребром. Возникнув первоначально как копии кремневых кинжалов, ромбовидных лезвий, они превратились во второй половине второго периода в совершенно отличное по форме, с очень вытянутым клинком и с продольным осевым ребром, орудие. Топор является копией кремневого топора, но тесло медное шагнуло далеко вперед по сравнению с каменным и кремневым теслом. Медное тесло было весьма совершенным орудием для стругания дерева, чего никак нельзя сказать про каменное или кремневое тесло. Поэтому исследователи пришли к выводу, что топор и тесло из меди, а также медные резцы давали возможность лучше обрабатывать дерево, и только после их возникновения могло развиваться плотническое дело, которое особенно расцвело в Раннем царстве. Совершенно новой формой являются щипцы, принцип действия которых построен лишь на свойстве пластичности меди.

Появление медной проволоки, гвоздей-заклепок и полосок меди для связывания деталей открыло перед человеком широкие возможности в строительстве жилищ, кораблей, изготовлении орудий, утвари и предметов украшения.

Медь шла также на изготовление предметов обихода и украшений. В них мы замечаем изменения, аналогичные изменениям, происшедшим в орудиях. В первом периоде мы не находим ни одного медного предмета обихода, а во втором периоде — видим маленькие мисочки, крышки к сосудам и части туалетных ложечек, что также говорит о большем распространении меди во втором периоде и росте опыта и умения изготавливать новые формы предметов из меди.

Если внимательно рассмотрим датировку найденных медных орудий и других предметов, то увидим, что это постепенное возникновение новых орудий и изменение старых форм орудий идет непрерывно начиная с первого периода (о. д. 31), продолжается до конца додинастического времени и переходит в Раннее царство. Изготовителями этих орудий и прочих изделий из меди были жители Египта. Они сумели сделать их. Поэтому совершенно непонятным является утверждение Форбса об отсутствии прогресса в производстве медных изделий и о том, что все формы резцов, игл и зеркал проникли сюда с севера с вторгшимися в Египет азиатскими племенами в начале второго периода¹³⁹.

Помимо развития и изменения форм орудий и других предметов происходит и развитие самой металлургии, обработки металлов — усложнение технологического процесса обработки. Это подтверждается большим количеством медных изделий, которые не могли быть изготовлены

¹³⁹ Forbes, MA, pp. 19, 327.

из самородной меди, так как нет данных о находках самородной меди в Египте. Следующей ступенью развития додинастической металлургии является переход к плавке и литью меди в открытые формы с последующей обработкой ковкой, шлифовкой и заострением инструмента. Этот переход совершился, может быть, уже в конце первого периода или в самом начале второго периода. Топор, найденный в Матмаре, датируется концом первого или началом второго периода, т. е. когда египетская металлургия прошла уже довольно длинный путь развития, и поэтому нет никаких оснований приписывать открытие литья только народам Азии, которые это открытие якобы принесли с собой в Египет.

Заимствование форм медных орудий додинастическим Египтом из Передней Азии еще не доказано. Чайлд отказывается решать вопрос о первоначальном центре происхождения металлургии, предполагая возможность одновременного возникновения в разных районах одинаковых металлических предметов, так как они были на первых порах чрезвычайно простыми¹⁴⁰.

Выплавка меди увеличивалась постепенно, пока, наконец, в начале первой династии мы не находим большое количество крупных и мелких орудий из меди. Находки медных орудий, обнаруженных Эмери в гробнице вельможи первой династии, исчисляются сотнями уже известных нам орудий: игл, шильев, резцов (долот), ножей, тесел-мотыг. Кроме того, здесь представлены и новые орудия, неизвестные додинастическому Египту. Таковыми являются пилы. Гробницы вельмож царей I династии дали большое количество медных орудий, некоторые из которых являются по форме копьями рассмотренных нами медных орудий додинастического времени, но гораздо большими по размеру¹⁴¹. Были найдены топоры и тесла, резцы (долота), свежевальные похи, наконечники копий, кинжалы, наконечники гарпунов, рыболовные крючки, шипцы, шилья-проколки¹⁴². Помимо орудий и их медных моделей мы встречаем гвозди-заклепки, применяемые при изготовлении медных сосудов с носиками и для прикрепления металлической обшивки к деревянным изделиям¹⁴³. Из предметов обихода бросается в глаза большое количе-

¹⁴⁰ ДВ, стр. 361.

¹⁴¹ Эмери отмечает факт необычайно быстрого развития медного дела в Египте именно накануне воцарения царей первой династии (W. B. Emery, *Archaic Egypt*, p. 224; *Preliminary report*, pp. 427—437).

¹⁴² RT II, pp. 36, 39, pl. XIV₇₆, XLV₂₁, p. 24, pl. VI₁₈, 23—26; W. M. Fl. Petrie, G. A. Wainwright and A. H. Gardiner, *Tarkhan I and Memphis V*, London, 1913, p. 23, pl. IV₁, 2, 3; H. Junker, *Bericht über die Grabungen der Kaiserlichen*, — «Akademie der Wissenschaften in Wien auf dem Friedhof in Turah», «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, Bd LVI, Wien, 1912, S. 55, № 18, а 3, Abb. 73, 74; RT, II, pl. XXXV₉₂, XLIV₂, 3, 36, 37, pl. XLV_{15—20}, p. 28, pl. XXXVII₃₈; W. M. Fl. Petrie, *Abdos*, pt II, London, 1903, p. 7, pl. X₁₉.

¹⁴³ RT II, p. 24, pl. VI A_{15—16}.

ство медных сосудов нескольких типов, которые изготавливаются в Раннем царстве¹⁴⁴. Продолжают изготавливаться медные бусы, кольца и браслеты¹⁴⁵.

Уже установлено, что из всех металлов, известных в додинастическое время, на изготовление орудий шла лишь медь, если принять во внимание оговорку, которую мы внесли в связи с серебряными теслами и кинжалом. По сравнению с временем Раннего царства додинастическая эпоха отличалась меньшим количеством медных орудий и наличием малого количества массивных медных орудий, число которых в Раннем царстве увеличивается.

Мы ознакомились лишь с ничтожной частью всего количества медных изделий, которое, несомненно, существовало, но до нас не дошло в силу ряда причин, ранее нами уже оговоренных. Тем не менее и при этом скудном материале мы смогли проследить все основные этапы развития медного дела в додинастическом Египте.

Можно сказать, что наличие поблизости от Египта медной руды способствовало раннему расцвету металлургии меди в долине Нила и Египет в додинастическое время не нуждался ни в привозной меди, ни в заимствованиях методов ее обработки.

---

¹⁴⁴ W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the first dynasty*, pt I, London, 1900, p. 27, pl. XII₁₁.

¹⁴⁵ Matmar, pl. LXX₈₆ ns. p. 28, № 2003; Naga-ed-Dêr, p. 19, № 1552, pl. I a.

Глава 5

ЕГИПЕТ И ОКРУЖАЮЩИЕ СТРАНЫ

Вопрос о связях додинастического Египта с окружающими странами имеет огромное значение для выяснения всего того своеобразия, которым характеризуется историческое развитие древнейшего Египта, оказавшее в свою очередь влияние на последующий период истории Египта уже фараоновского времени.

Из-за малой изученности многих проблем древнеегипетской истории в конце XIX и начале XX в. возникло немало самых различных теорий относительно заимствований древнейшими жителями Египта культурных достижений из стран Передней Азии, о ввозе оттуда многих материалов и готовых изделий. Развитие человеческого общества в долине Нила с периода неолита ставилось в прямую зависимость от технических и культурных успехов, которых достигали, опережая якобы в своем развитии Северную Африку, жители стран Передней Азии. Теории, все объясняющие эмиграцией и диффузией, существующие и среди современных западных исследователей, лишь углубили ошибки в изучении истории древнейшей культуры Египта. Утверждалось, что ведущая часть додинастического населения Египта якобы пришла в долину Нила извне. Однако разные авторы называли разные центры миграции¹. Дикманс, подводя в 1936 г. итог, пришел к выводу, что семитические и арменоидные (азиатские) этнические элементы проникали в Египет сначала в Дельту, а затем отсюда их влияние распространялось на хамитическое население Верхнего Египта². Продолжающиеся антропологические исследования 30-х и 40-х годов не смогли внести ясность в этот вопрос. Уже после первых исследований черепов из додинастических захоронений стала очевидной пестрота этнического состава населения Египта.

¹ E. H. Naville, *L'Origine africaine de la civilisation égyptienne*, — «Revue archéologique», [Paris], 1913, série 4, vol. 22, pp. 47—65; J. Morgan, *Préhistoire Orientale*, vol. II, Paris, 1926, pp. 88—89; Дж. Брэстед, *История Египта*, т. I, СПб., 1915, стр. 7, 27—28; J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952 (далее — Vandier, *Manuel*), pp. 12—13.

² G. Dykmans, *Histoire économique et sociale d'Ancienne Egypte*, vol. I, Paris, 1936, pp. 220—221.

Раскопки в районе Бадари дали возможность изучить результаты измерений найденных черепов. Выводы, сделанные Стессигер и Моратом, были совершенно неожиданными³. Черепа бадарийцев имели сходство лишь с черепами дравидов (Индия) и веддов (Цейлон). На основании выводов об индийском происхождении бадарийцев Брантон попытался основать теорию первоначального расселения бадарийцев из Передней Азии в Египет, а веддов и дравидов — в Индию. Однако теория азиатского происхождения бадарийцев никак не вязалась с положением о нубийском характере бадарийской культуры, к которому пришел и сам Брантон⁴. Очевидно, что совпадение измерений черепов бадарийцев и древних индийских племен надо считать случайным. Все антропологические исследования Массулар резюмирует в 1949 г. так: додинастическое население Египта состоит из разных этнических элементов, средиземноморских, негроидных и смешанных средиземноморско-негроидных и очень небольшого количества брахикефальных черепов, что говорит о чрезвычайно малом переднеазиатском антропологическом элементе⁵. Общепринятым является мнение о том, что в додинастических слоях Арманта по сравнению с более северными поселениями был более сильным негроидный элемент, свидетельствующий о просачивании южных племен в Египет. В Арманте был найден только один череп, а в других местах еще несколько черепов, которые свидетельствуют о переднеазиатском этническом элементе⁶. Это свидетельствует лишь о некотором очень малом проникновении этнических элементов из Передней Азии в Египет. Вандье считает, что население Египта в первом и во втором периодах было хамитическим⁷. Ни о каком массовом вторжении азиатов в Египет в эпоху энеолита антропологические данные не говорят. Поэтому совершенно неприемлемой является теория так называемого вторжения восточных завоевателей Винклера, построенная на изучении головных уборов, причесок и других внешних признаков у людей, изображенных на петроглифах Аравийской пустыни⁸.

Олбрайт приходит к выводу, что невозможно на основании антропологических исследований четко отделать семитов от хамитов, так как

³ В. Stoessiger, *A study of the Badarian Crania*. — «Biometrika», XXX, 1927, pp. 110—150; G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — Mostag.), pp. 162—166.

⁴ Mostag., pp. 68, 40.

⁵ E. Massouard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte* — «Université de Paris. Travaux et mémoires de l'Institut d'Ethnologie», Paris, vol. LIII, 1949 (далее — Préhist.), pp. 400, 409, 422.

⁶ R. Mond and C. Myers, *Cemeteries of Armant I*, London, 1937 (далее — Arm.), p. 154, № 4487 (35—36); Préhist., p. 423.

⁷ Vandier, *Manuel*, p. 22.

⁸ H. A. Winkler, *Rock-drawings of Southern Upper Egypt*, vol. I, London, 1938 (далее — R-D I), p. 26.

в те отдаленные времена они принадлежали к одной большой группе семито-хамитических племен и между ними не было еще тех различий, которые образовались позже⁹. Этот вывод очень удобен для сторонников семитического влияния на Египет. Если мы обратимся к антропологии стран Передней Азии, то обнаружим, что и тут господствует аналогичная неясность¹⁰. Изучение костных остатков человека, жившего в период неолита, энеолита и медного века в Палестине, Двуречье и в других странах, не дало четкого ответа на этот вопрос. Приходится констатировать, что при современном состоянии науки антропология является лишь некоторым подспорьем при решении проблемы происхождения додинастического населения Египта.

Языковые данные также не позволяют говорить о большом семитическом влиянии на древнеегипетский, в основе своей хамитический язык¹¹. По мнению исследователей, эти семитические элементы являются формальным показателем смешения семитов, якобы пришлых, с хамитами-автохтонами. Хомбургер высказала положение о том, что в древнейшие времена в Северной Африке существовал единый язык, который автор называет «сахарским»¹². Этот язык, по ее мнению, имел связь и с древнеегипетским. Кроме того, она считает, что древнеегипетский язык имел много общих элементов с языком дравидов, что указывает на общий источник их происхождения от одного языка, на котором должны были якобы говорить где-то в бассейне Инда в конце IV тысячелетия до н. э. Очевидно, что к подобным работам нельзя подходить без серьезной критики, ибо там не учтены все данные истории и материальной культуры народов, о языке которых идет речь.

ВВОЗ В ЕГИПЕТ ОБСИДИАНА, ЛАЗОРЕВОГО КАМНЯ И ДРУГИХ МАТЕРИАЛОВ

К группе находок, доказывающих существование связей между Египтом и соседними странами в эпоху энеолита, относятся обсидиан, лазоревый камень, асфальт (?), смолы, куски древесины ливанских по-

⁹ W. F. Albright, *Archaeology of Palestine*, Middlesex, [1951], p. 61.

¹⁰ D. Ferembach, *Le peuplement du Proch-Orient au Chalcolithique et au Bronze ancien*, — IEJ, vol. 9, 1959, № 4, pp. 222—229.

¹¹ Б. Б. Piotrowski, *Современное состояние изучения додинастического Египта*, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 129—130; H. Junker, *Die Entwicklung der vorgeschichtlichen Kultur in Ägypten*, — «Festschrift für P. W. Schmidt», 1928 (далее — Junker, *Entwicklung*), S. 885—886; подробнее о семито-хамитских языках Африки см.: «Народы Африки», М., 1954, гл. 1 (далее — Ольдерогге, *Древнейшая история*), стр. 91—95.

¹² L. Homburger, *De quelques elements communes à l'égyptien et aux langues dravidiennes*, — «Kémi», 14, 1957, pp. 26—33.

род деревьев, «печати»-цилиндры, несколько типов керамики и некоторые художественные мотивы, использованные художниками и резчиками по слоновой кости и другим материалам.

Обсидиан, или вулканическое стекло, представляет собой блестящий темный камень (от черного до прозрачно-дымчатого цвета). Естественные свойства обсидиана таковы, что он, как и кремнь, при оббивке дает раковистый излом и поэтому мог идти на изготовление орудий и других предметов. Он более хрупок, чем кремнь, выветриваясь, теряет свой блеск, становясь матовым¹³. В додинастическое время обсидиан встречается в Египте в виде лезвий, осколков, бус и подвесок. От первого периода до нас дошел лишь один точно датированный осколок из Нагады¹⁴. Во втором периоде обсидиан применялся уже более широко. Найдено несколько обсидиановых лезвий со струйчатой ретушью (среди них есть одно в форме ласточкиного хвоста), из них четыре лезвия также датируются вторым додинастическим периодом¹⁵. Помимо этого найдено несколько осколков обсидиана, назначение которых неизвестно¹⁶. Вероятно, их можно рассматривать как материал для изготовления каких-либо изделий. Найдены также бусы и подвески, сделанные из обсидиана (табл. 6, 17)¹⁷.

Столь небольшое количество обсидиановых изделий объясняется отсутствием месторождений обсидиана в Египте. Obsidian имелся на островах Эгейского моря, в Закавказье, в Южной Аравии и в области, где расположено современное государство Эфиопия. В результате многолетних исследований¹⁸ был сделан вывод о том, что большинство обсидиановых предметов додинастического и династического времени в Египте

¹³ С. А. Семенов, *Первобытная техника*, — «Материалы и исследования по археологии», № 54, 1957, стр. 18, 20. Он уступает кремню в твердости более чем на единицу по шкале Мооса.

¹⁴ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Naq.), p. 43, № 1260(34); см.: W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920 (далее — PE), p. 43.

¹⁵ G. A. Wainwright, *Obsidian*, — «Ancient Egypt», London, 1927, p. 89; *Préhist.*, p. 204, n. 99—100.

¹⁶ W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901 (далее — Diosp.), № U₂₀₇, pl. X₃₃; W. M. Fl. Petrie, G. A. Wainwright and E. Mackay, *The Labyrinth, Gerzeh and Mazguneh*, London, 1912 (далее — Gerzeh), p. 24, № 185(43—70).

¹⁷ Naq., p. 27, № 743(70); G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — BC), № 4602(57—59), pl. L₈₆а, № 2100, pl. L₈₉рз, № 1629(44—60); Mostag., p. 86, № 1631(38—57); Diosp., pl. IV.

¹⁸ Gerzeh, p. 24; H. Frankfort, *Studies in early pottery of the Near East I, Mesopotamia, Syria and Egypt and their earliest interrelations*, London, 1924 (далее — Studies), pp. 190—192; G. A. Wainwright, *Obsidian...*; A. Lucas, *Obsidian*, — ASAE, 47, [1947], pp. 113—123.

те изготовлены из материала, который попадал в страну благодаря каботажному плаванию по Красному морю¹⁹.

Этот материал в жизни населения Египта сколько-нибудь заметной роли не играл. Из него изготовлялись бусы и подвески, т. е. предметы украшения. Что касается тех немногих обсидиановых лезвий второго периода, то они могут быть рассмотрены скорее как предметы украшения, нежели орудия. Очевидно, что обсидиан превосходил кремний по своему внешнему виду. Лезвие со струйчатой ретушью позволяло свету, попавшему на его поверхность, «играть» и тем самым превращалось в весьма эффектное оружие-украшение.

Лазоревый камень по сравнению с обсидианом в додинастическом Египте был более широко распространен и имел очень красивую окраску, богатую оттенками. Он непрозрачен, но зато от огня не теряет своего цвета, достаточно мягок (по шкале Мооса 5,5), чтобы поддаваться резьбе²⁰. Лазоревый камень встречается во многих погребениях Севера и Юга в виде украшений, в основном бус²¹ и небольшого количества подвесок²² и других изделий²³. Все находки, за исключением нескольких бус, датируются вторым периодом²⁴. Такое сравнительно широкое распространение лазоревых камней в додинастическом Египте навело некоторых исследователей на мысль о том, что этот камень добывался в древности где-то в самой стране или по соседству с ней²⁵. Предполагали даже, что таким районом была Эфиопия (нынешняя Нубия) и другие близлежащие страны²⁶. Лазоревый камень ввозился в Египет, по-видимому, из Бадахшана²⁷. Применение этого камня только для изготовления украшений говорит о том, что существенного значения лазоревый камень в додинастическое время не имел.

Одним из неоспоримых доказательств связи Египта с Передней Азией является находка кусков древесины неегипетских пород деревьев в додинастических погребениях и погребениях. К сожалению, они обнаружены лишь в районе Бадари. Были найдены кусочки древесины кедра и сосны и кусочки древесины кипариса. Оба этих района, судя по про-

¹⁹ A. Lucas, *Obsidian*, p. 122.

²⁰ А. Фероман, *Очерки по истории камня*, т. I, М., 1954, стр. 269.

²¹ *Préhist.*, p. 215, n. 207, p. 252.

²² *Naq*, p. 14, № 1858(40); *Diosp.*, pl. VI, № В 378(60); *BC*, p. 55, № 3827(52—58).

²³ H. Kantor, *Further evidence for early Mesopotamian relations with Egypt*, — *JNES*, vol. XI, 1952 (далее — Kantor, *Further*), p. 242.

²⁴ *Préhist.*, p. 168, n. 186, p. 188.

²⁵ D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London, 1902 (далее — *Amrah*), pp. 48—49.

²⁶ F. W. Bissing, *Probleme der ägyptischen Vorgeschichte*, — «*Archive für Orientforschung*», Berlin, Bd V, II. 2/3, 1923 (далее — Bissing, *Probleme*), S. 75; Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние...*, стр. 131.

²⁷ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*. М., 1956 (далее — ДВ), стр. 202.

чим находкам, датируются концом первого периода. Кроме того, в другой могиле от времени середины второго периода тоже был обнаружен кусочек древесины кипариса²⁸. Микроскопический анализ²⁹ подтвердил предположение Брантона, опубликованного в 1928 г. результаты раскопок³⁰. Порода сосны не удалось точно выяснить, но Лукас на основании того, что она была обнаружена вместе с кедром, который является типично сирийским деревом, предполагает, что и сосна была алеппской³¹.

Очевидно, что ливанский кедр, кипарис и сосна, вероятно, алеппская, поступали в страну из Сирии. Нельзя точно сказать о размере ввоза, но думается, что ввозилось мало, так как не найдено от додинастического времени конструкций, которые бы состояли из перечисленных пород дерева. Судя по датировке материала, найденного вместе с этими кусочками древесины, поступление ливанских сортов деревьев в Египет, возможно, начинается с конца первого и продолжается во втором периоде.

На связь додинастического Египта с Передней Азией указывает также находка асфальта в Маади (если прав Гангль, исследовавший его и пришедший к выводу, что найденный продукт за долгий период времени настолько изменился, что по своим свойствам он уже отличается от современного асфальта). Амер и Менгин тем не менее считают район Мертвого моря тем местом, откуда произошел асфальт³². Лукас не был согласен с выводами Гангля, так как он не нашел в свойствах вещества, о котором идет речь, особенностей асфальта³³. Поэтому Лукас считает его просто жировым веществом.

В некоторых додинастических погребениях и погребениях были обнаружены кусочки вещества, определенные Лукасом как смолы³⁴. Об употреблении этих смол не существует единого мнения. Одни авторы считают эти смолы предназначенными для воскурения³⁵. Достоверно о роли воскурений в додинастических ритуалах ничего не известно. Нам

²⁸ ВС, р. 62, № 3165 (37—38), № 3284 (37—38), № 4606 (58—60).

²⁹ А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта*, М., 1958 (далее — МРП), стр. 644.

³⁰ ВС, р. 62.

³¹ МРП, стр. 657—658. Новейшие исследования французских ученых показывают, что в неолитическое время в Сахаре произрастала алеппская сосна (Н. И. Кригер, *Четвертичные отложения Африки и Передней Азии*, М., 1962, стр. 113). Поэтому не исключена возможность, что какая-то часть алеппской сосны могла попасть из Сахары в пределы Египта додинастического времени.

³² М. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936 (далее — Маади II), pp. 63, 54.

³³ МРП, стр. 470.

³⁴ ВС, р. 63; Amrah, p. 17, № a 106, p. 19, № b 107; МРП, стр. 174.

³⁵ Маади II, p. 50.

кажется более вероятным применение смол в качестве связующего вещества. В пользу этого предположения говорят находка деревянного жатвенного ножа неолитического времени с остатками смолы, при помощи которой кремневые вкладыши закреплялись в деревянной основе ножа. В качестве же связующего вещества смолы применялись и в косметике. Дело в том, что в могилах часто находят вместе, в одной корзине или на одной палетке, кусочки малахита и смолы³⁶. Очевидно, смола входила наряду с малахитом в косметическое снадобье.

Химические анализы не позволили определить точный ботанический источник этих смол, но Лукас считает их смолами хвойных деревьев, которые, по его мнению, в древности в Египте не росли, так же как не растут и сейчас. Поскольку ближайшей областью, в которой растут хвойные деревья, является Восточное Средиземноморье, то он допускает возможность ввоза смол в Египет³⁷.

Трудно сказать что-либо определенное о количестве ввоза смол, если они действительно ввозились³⁸. Авторы, издававшие неолитические находки из Фаюма, не настаивают на том, что все вкладыши серпов обязательно закреплялись в древности только смолой. В качестве такого связующего вещества они приводят пчелиный воск, которым также закреплялись вкладыши серпов в додинастическое время³⁹. Действительно, трудно допустить, что все то огромное количество связующего вещества, которое было необходимо для скрепления вкладышей серпов с неолитического времени, ввозилось в Египет уже в столь глубокой древности издалека. Скорее можно предположить, что додинастические обитатели Египта применяли для этой цели и местные материалы.

О ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЯХ

На додинастической керамике также можно проследить некоторые связи Египта с Передней Азией.

Что касается расписной керамики, то исследователи полагают, что как по различию цветов красок, употреблявшихся в обеих странах при росписи керамики, так и по рисункам египетская расписная керамика не связана с переднеазиатской⁴⁰.

³⁶ G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934 (далее — Fayum), p. 45, n. 3; E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — СРЕ II), p. 57; Amrah, p. 18, № а 122; G. Brunton, *Matmar*, London, 1948, p. 11.

³⁷ МРП, стр. 174, 490.

³⁸ Б. Б. Пиотровский в частной беседе высказал мнение, что хвойные деревья могли произрастать где-либо в Северной Африке.

³⁹ Fayum, p. 45, n. 3.

⁴⁰ Préhist., p. 233; Studies, p. 98.

Нечто другое мы увидим при рассмотрении некоторых групп египетской и переднеазиатской керамики с точки зрения формы. В начале второго периода в Египте внезапно в совершенно развитой форме появляются сосуды с так называемыми волнистыми ручками⁴¹. Эта форма керамики была широко распространена в эпоху энеолита в Палестине. Кантор причисляет сосуды с носиком к керамике, заимствованной Египтом из Передней Азии⁴². При этом она склоняется к мнению, что эта форма керамики попала в Египет из южного Двуречья⁴³. Вандье исходит из различий техники изготовления этих типов сосудов⁴⁴. По его мнению, начало изготовления таких сосудов в Египте относится еще ко времени неолита (Меримде). Окончательно согласиться с мнением Вандье нам мешает отсутствие в Египте находок такой формы сосудов от первого периода; они известны лишь начиная со второго периода. Остается неясным, продолжают ли египетские сосуды с носиком от второго периода традиции неолитического времени или они возникли под влиянием переднеазиатской керамики лишь во втором периоде.

В Египте во втором периоде было найдено несколько сосудов других видов керамики, характерных для Палестины. К ним относятся сосуды-кувшины с большой ручкой в виде петли (loop-handled), некоторые виды двойных сосудов, чаши с налпами в виде пуговиц⁴⁵ (knobbed) расположенных по поверхности несколько ниже верхнего края, амфоробразный сосуд и сосуды с маленькими ручками для продевания шнура⁴⁶. По мнению Кантор, вся указанная керамика, найденная в Египте, является имитацией палестинской керамики⁴⁷.

Лишь в Двуречье были обнаружены сосуды с так называемыми треугольными проушинами от периода Джемдет-Наср, которые находят себе аналогию в нескольких сосудах того же времени в Египте. Поэтому Кантор считает, что такая египетская керамика имела своим прототипом сосуды из Двуречья⁴⁸.

К уже рассмотренному материалу по египетской керамике, доказывающей наличие связей между додинастическим Египтом и странами

⁴¹ Н. Kantor, *The early relations of Egypt with Asia*, — JNES, vol. 1, 1942, № 2 (далее — Kantor, *Early relations*), p. 205, fig. D 3-5.

⁴² Ibid., pp. 177—182, 188, 189, fig. p. 207 L1-7.

⁴³ Ibid., p. 191.

⁴⁴ Vandier, *Manuel*, p. 306. В Египте, по его мнению, носик у сосуда вытягивали в отличие от сосудов из южного Двуречья, где носик формовали отдельно, а затем прикрепляли к сосуду.

⁴⁵ Kantor, *Early relations*, pp. 184—187, fig. 205 G 1-3, H1-7, I 1-8.

⁴⁶ Ibid., p. 187, fig. p. 207 J1, pp. 182—184, fig. p. 205, F1-3.

⁴⁷ Ibid., p. 197. Однако по поводу сосудов с ручками в виде петли она не считает возможным установить точное место первоначального происхождения этой формы, так как это свойственно керамике и Палестины, и Сирии (Библу).

⁴⁸ Ibid., p. 191, fig. 1, p. 190 В, Е, Н.

Передней Азии, можно добавить еще данные, приведенные в статье Каплан⁴⁹. Однако автор ограничивается лишь указанием на наличие связей, не конкретизируя при этом, какая из стран — Египет или Палестина — являлась в каждом отдельном случае страной, в которой данная керамическая форма развилась впервые.

Вся перечисленная керамика (исключая сосуды с волнистыми ручками) представлена в Египте лишь единичными экземплярами. Сосуды с волнистыми ручками получили в Египте широкое распространение, но сразу же стали претерпевать изменения, которые к концу додинастического времени превратили первоначально сигаровидные сосуды с волнистыми ручками в цилиндрические с волнистым орнаментом. Большие, громоздкие сосуды были неудобны для переноски, и ручками стали служить не волнистые налепы, а проушины в виде трубочек, добавленных уже египетскими гончарами.

Были ли эти палестинские образцы тарой, в которых привозилось в Египет оливковое масло, как думает Франкфорт⁵⁰, или не были, как считали Юнкер и Херц⁵¹, остается до сих пор нерешенным. При большом разнообразии египетских керамических форм, рассмотренные нами сосуды, форма которых иноземного происхождения, представляют собой далеко не обильный материал для доказательства наличия связей Египта с Палестиной, Двуречьем и Сирией.

«Печати»-цилиндры были найдены от второго периода в Египте. Четыре цилиндра (табл. 6, 13) датируются точно вторым периодом, а два других были куплены, и вследствие этого их невозможно датировать точно⁵². Морган, Франкфорт, Баумгертель, Кантор и ряд других исследователей считали эти цилиндры результатом заимствования, а частично и ввоза самих цилиндров⁵³. Шарфф и Биссинг отрицали месопотамское происхождение цилиндров⁵⁴. Однако позиция Шарффа, доказывав-

⁴⁹ J. Kaplan, *The connections of the Palestinian Chalcolithic culture with prehistoric Egypt*, — IEJ, vol. IX, 1958, № 2, pp. 134—136.

⁵⁰ Studies, p. 105.

⁵¹ A. Hertz, *Stammen die ägyptischen Gefässe mit Wellenhenkeln aus Palästina?* — «Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Wien, Bd XXXV, 1928, S. 70; Junker, *Entwicklung*, S. 881.

⁵² Naq., № 1863; см.: PE, p. 40; Diosp., pl. X₃₄, № U₂₆₄ (65—76); Naga-ed Dêr, № 7304 (35—60) см. Kantor, *Further*, pp. 239—250, pl. XXV в, fig. 1B; Naq., № T₂₉ (48—66); Kantor, *Further*, fig. 1A, pp. 239—250, fig. 1D, 1E.

⁵³ J. Morgan, *Préhistoire Orientale*, Paris, [Geuthner], vol. II, 1926, p. 237; H. Frankfort, *The birth of civilization in Near East*, London, 1951 (далее — Франкфорт, BC), pp. 83, 109; E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947 (далее — СРЕ), p. 48; Kantor, *Further*, pp. 230—250; Prêhist., p. 217.

⁵⁴ Bissing, *Probleme*, S. 64; A. Scharff, *Grundzüge der ägyptischen Vorgeschichte*, Leipzig, 1927, S. 43; A. Scharff, *Die Frühkulturen Ägyptens und Mesopotamiens* — «Der Alte Orient», Leipzig, Bd 41, 1941 (далее — Scharff, *Frühkulturen*), S. 28; A. Scharff, *Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift*, — «Sitzungs-

шего, что они произошли от цилиндрических костяных бус — амулетов с резным орнаментом, была в 1952 г. сильно поколеблена Кантор⁵⁵, так как ни узор, ни глубина линий, вырезанных на бусах, о которых писал Шарфф, не идет ни в какое сравнение с узором и глубиной линий на цилиндрах.

Беским доказательством связи египетских цилиндров с цилиндрами из Двуречья служит узор с рыбами⁵⁶, который, по мнению Кантор, является чрезвычайно устойчивым узором цилиндров в самом Двуречье, а также расположение изображений в шахматном порядке на цилиндре. Определенный образец узора, существовавшего в Двуречье уже в период Урука на египетских цилиндрах и использовавшегося при изготовлении их в Египте, говорит в пользу заимствования некоторых мотивов этого узора. Однако в додинастическом Египте цилиндры носились только, по-видимому, в виде украшений-амулетов, так как до сих пор не обнаружено в додинастическом Египте отпечатков цилиндров⁵⁷. Видимо, лишь начиная с I династии этими печатями начали запечатывать глиняные сосуды с продуктами. Поэтому мы можем лишь условно называть эти цилиндры в додинастическом Египте цилиндрами-«печатями» и, кроме того, они в ту эпоху в Египте не имели широкого распространения.

Самым интересным из всех вопросов, связанных с заимствованиями из Передней Азии, является вопрос о связи ряда художественных мотивов, применявшихся египетскими додинастическими резчиками во втором периоде на более крупных предметах с подобными же мотивами Двуречья периода Урук и Джемдет-Нагр. В Двуречье резчики знали главным образом работу над каменными цилиндрами, в которые они вкладывали все свое умение и богатство художественного воображения.

Теперь мы рассмотрим, как египетские приемы сочетаются с художественными мотивами, пришедшими в Египет во втором периоде из Двуречья.

Из дошедших до нас египетских «печатей»-цилиндров второго периода ни одна не имеет богатого изображения, напоминающего цилиндры Двуречья (с рядами животных с перевитыми шеями и хвостами, с соблюдением принципа антитезы и др.). Все эти художественные мотивы из Двуречья египетские резчики по-своему переосмысливали и изображали египетских животных и птиц, растений, а иногда людей на рукоятках но-

---

berichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Abteilung, Jg. 1942, II. 3, München, 1942 (далее — Scharff, *Archäologische Beiträge*), S. 55.

⁵⁵ Kantor, *Further*, p. 247.

⁵⁶ *Ibid.*, p. 248.

⁵⁷ G. Jéquier, *Histoire de la civilisation égyptienne*, Paris, 1923, p. 132; Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 56.

жей и гребней из слоновой кости, на золотых обшивках рукояток ножей, в стенной росписи в Иераконполе и на палетках из граувакки.

Египетские додинастические палетки претерпели очень большие изменения за период от неолита и до середины второго периода, когда появляются большие палетки из граувакки, украшенные рельефами с самыми различными сюжетами. Первыми в ряду больших палеток, получивших название декоративных или церемониальных, можно поставить палетки с грубо выполненным рельефом из Амры и Герзе, палетку Манчестерского музея⁵⁸. За этими палетками идет палетка «охоты на льва», одна часть которой хранится в Британском музее, а другая — в Лувре⁵⁹. На этой палетке рельеф занимает почти всю поверхность, оставляя свободным лишь небольшое декоративное кольцо, отгороженное значительным возвышением шириной в несколько миллиметров. Декоративное кольцо является рудиментом, как бы напоминающим первоначальное назначение палеток для растирания минеральных пеществ, красок. Рельеф на палетке «охоты на льва» отмечается улучшенной отделкой фигур животных и людей, передачей деталей одежды и орудий.

Следующая ступень в развитии — это палетки с рельефами на обеих сторонах: их размер все увеличивается, боковые края оформляются в виде зверей в трех измерениях, именно в виде животных, диких собак или гипповых собак (*Lycaon pictus*)⁶⁰, а посредине палетки с обеих сторон изображены другие животные, птицы, растения, иногда люди. С лицевой стороны имеется декоративное кольцо. Этот ряд декоративных палеток додинастического времени завершается палеткой «коршун»⁶¹, части которой хранят несколько музеев. На палетке «коршун», подобно всем предыдущим палеткам, еще нет поясов изображений (регистров), которые появляются на палетках Раннего царства, но уже есть лев, который, по мнению некоторых авторов⁶², является символом царя.

Назначение декоративных палеток по-настоящему не выяснено. Педж высказал мысль, которая до сих пор никем не опровергнута, что животные, изображенные на палетках, не просто объект охоты, а тотемы определенных родов и кланов додинастического Египта⁶³. Поэтому сцены, изображенные на палетках, надо понимать как символические по-

⁵⁸ Amrah, pl. VIII; Gerzeh, pl. VI; W. Crompton, *A carved slate palette in the Manchester museum*, — JEA, V, 1918, pt I, pp. 57—60.

⁵⁹ H. Asselberghs, *Chaos en Beheersing, Documenten uit aeneolithisch Egypte*, Leiden, 1961, pl. XLIII—XLVI, XLVIII—XCVI.

⁶⁰ H. Fischer, *A fragment of late predynastic Egyptian relief from the Eastern Delta*, — «Artibus Asiae», Ascona, XXI, pt. I, 1958, pp. 64—88.

⁶¹ Vandier, *Manuel*, fig. 381—383, 386—387, 384—385.

⁶² J. R. Harris, *A new fragment of the battlefield palette*, — JEA, 46, 1960, p. 105.
⁶³ F. Legge, *The carved slate from Hierakonpolis and elsewhere*, — PSBA, vol. XXII, 1900, p. 139; *The carved slate and this seasons discoveries*, — PSBA, vol. XXXI, 1909, pp. 204—211, 297—310.

вестования о событиях из додинастической истории, полных кровопролитных столкновений отдельных родов и племен⁶⁴. Вероятно, этим объясняется их отсутствие в погребениях. Лишь две церемониальные палетки были найдены в храме в Иераконполе; остальные приобретены путем покупок, и их происхождение неизвестно, но можно допустить, что они были votivными и дарились в храмы для увековечивания важных событий: войны, побед и т. д. Интересно отметить, что декоративные палетки, являющиеся по своему происхождению, по изображенным предметам, а также, если прав Ледж, по своему содержанию чисто египетскими, содержат в себе элементы искусства из Двуречья.

То же мы можем сказать и о рукоятках ножей, гребнях и настенной росписи из Иераконполя. Во втором периоде додинастические резчики и художники, благодаря контактам с Двуречьем, познакомились с цилиндрами «исчатами» и, может быть, с другими переднеазиатскими изделиями, заимствовали следующие типы изображений: антитетические группы, переживающиеся змеи или змееподобные шеи животных и мотив нападения льва на рогатое животное⁶⁵. Антитезу — герой держит в сторону вытянутыми руками за горло двух львов — мы видим на рукоятке ножа из Джебель эль-Арака, на стенной росписи в Иераконполе. Этот мотив позже переходит в иероглифику⁶⁶. Другая антитеза — два длинношеих животных стоят по обе стороны финиковой пальмы — изображена на палетке, хранящейся в Лувре, и на палетке «кэршупов»⁶⁷.

Две переживающиеся змеи — мотив, очень широко представленный на печатях из Двуречья, являющийся символом плодородия⁶⁸. В Египте он широко использовался в декоративных целях на рукоятках ножей (в Бруклинском музее, из коллекции Карнарвона, из Джебель Тарифа и ножа Питри)⁶⁹. На гребне Дави мы наблюдаем уже некоторое видоизменение — слоны топчут не двух змей, а одну⁷⁰. Очень часто встречается в Двуречьи мотив двух животных с перевитыми хвостами, совсем необычный для Египта. Животные с перевитыми длинными шеями

⁶⁴ Б. Б. Piotrowski, *Sovremennoe sostojanie...*, стр. 142.

⁶⁵ Scharff, *Frühkulturen*, Taf. VII_{37,39-40}.

⁶⁶ A. H. Gardiner, *Egyptian grammar*, 3rd ed., Oxford, 1957, sign-list A₃₇ A₃₈. М. Э. Матье иносмысленно происхождение отдельных мотивов на ноже из Джебель эль-Арака не считает доказанным (М. Э. Матье, *Искусство Древнего Египта*, М., 1961, стр. 504, прим. 34).

⁶⁷ Vandier, *Manuel*, p. 583, fig. 393; p. 585, fig. 384—385. Жильбер возражает против попытки объявить «азиатским» мотивом группу жирафов (?) около пальм. На эту работу нам любезно указала М. Э. Матье (P. Gilbert, *Fauces au long cou communes à l'art sumérien archaïque*, — «Chronique d'Égypte», 43, 1947, pp. 37—41).

⁶⁸ Y. Yadin, *The earliest record of Egypt's military penetration into Asia?* — IEJ, vol. V, 1955, № 1, pp. 14—15; CPE II, p. 116.

⁶⁹ Vandier, *Manuel*, fig. 364, p. 343, fig. 361—362, pp. 540—541; fig. 366, p. 547; fig. 368—367, p. 549.

⁷⁰ Ibid., fig. 365, p. 545.

изображены на одной палетке из Лувра. Этот мотив в видоизмененном виде имеется также на палетке из Иераконполя, где стоят два чудовища с длинной шеей, но они не перевиты, а как бы обрамляют изгибами шей декоративное кольцо.

Третий мотив — лев, нападающий на рогатое животное, — также встречается на рукоятке ножей из Джебель эль-Арака и Джебель Тарифа. Помимо этих основных мотивов можно отметить еще манеру изображать ноги героя (пож из Джебель эль-Арака) с подчеркнутой сильной мускулатурой, как это имеет место на печатях из Двуречья, при изображении героя полубога-полубога в головных уборах и в одежде переднеазиатского покроя.

Все это, вместе взятое, создаст на первый взгляд очень большое сходство некоторых египетских изделий с изделиями из Двуречья. Многие авторы в конце XIX в. принимали палетку «охоты на льва» за изделие из Двуречья, ввезенное в Египет⁷¹. При внимательном же рассмотрении египетской резьбы можно сразу распознать египетский сюжет и египетские приемы оформления сюжета. Кроме того, мы видели, как египетский резчик видоизменял первоначальный месопотамский сюжет, — на египетских изделиях туловища змей и длинные шеи животных не всегда перевиты⁷². Иными словами, как в керамике при заимствовании формы сосуда с волнистыми ручками египетские гончары сразу же стали изменять и совершенствовать ее, так и в искусстве резьбы египетский художник не следовал рабски переднеазиатским прототипам, а развивал их сообразно своим вкусам и художественным традициям.

Немаловажное значение для выяснения связей между Египтом и Двуречьем имеет изображение ладьи с поднятыми под прямым углом к корпусу судна носом и кормой, которая Египту до начала второго периода была, по-видимому, чужда. Додинастические египтяне рано познакомились с водным способом передвижения, ибо этому способствовал Нил с прилегающими к нему водными артериями.

В качестве первого материала для строительства ладей человек использовал болотные растения, в том числе и папирус, имевшийся в изобилии. Такие ладьи из связок стеблей болотных растений, имевших форму серпа, могли передвигаться либо на веслах, либо при помощи шестов. Ладьи из такого материала сохранились в Египте и в последующие времена. Эти ладьи годились лишь для плавания в тихих водах, а отнюдь не по морю. На них, вероятно, в основном охотились в зарослях.

Однако можно предположить, что не только из болотных растений изготовлялись ладьи, так как уже во втором периоде в Египте появляются сначала медный топор, а затем медное тесло, при помощи которых

⁷¹ E. A. W. W. Budge, *Sculptural slabs from Mesopotamia found in Egypt*, — «Classical review», 1890, pp. 322—323.

⁷² Bissing, *Probleme*. S. 68.

можно было соорудить хорошие деревянные ладьи из местных пород деревьев, например из акации. Кроме того, судя по количеству весел, можно думать, что многовесельные ладьи были деревянными, по крайней мере некоторая часть их. На них ставились кабины-каюты⁷³. Питри считал возможным передвижение по морю на многовесельных ладьях⁷⁴. Уилсон придерживался того мнения, что они годились для каботажного плавания вдоль финикийского побережья Средиземного моря⁷⁵.

На расписной керамике, появляющейся в начале второго периода, мы видели много изображений судов с веслами и с двумя кабинами. Помимо этих изображений судов, соответствующих весьма распространенным, судя по многочисленности их изображений, судам в Египте, были найдены изображения ладей, которые принято считать месопотамскими ладьями, на черепке, вероятно первого периода⁷⁶, и на расписных сосудах (табл. I, 14), на стенной росписи в Иеракополе, на рукоятке ножа из Джебель эль-Арака и на наскальных рисунках в районе Вади-Хаммамаг⁷⁷. Форма ладьи с поднятыми почти под прямым углом ко дну ладьи носом и кормом была обычна для изображения ладьи на цилиндрах Двуречья с периода Урук⁷⁸. По одновременным изображениям египетских и месопотамских ладей в Египте можно, казалось бы, предположить одновременность их существования. Правда, в Египте найдены лишь единичные рисунки, изображающие месопотамские ладьи. Некоторые исследователи считают, что во втором периоде Египет заимствовал эту форму ладьи из Двуречья⁷⁹. Борс рассматривает форму кораблей Раннего царства как форму, возникшую из смешения этих двух основных форм додинастических кораблей⁸⁰. Есть также ис-

⁷³ «History of technology», ed. by Ch. Singer, Holmyard and all, vol. I, Oxford, 1955, p. 734.

⁷⁴ PE, p. 20.

⁷⁵ J. A. Wilson, *The culture of Ancient Egypt*, Chicago, 1956 (далее — Wilson, *Culture*), pp. 11—12.

⁷⁶ Mostag., pp. 83—84, pl. XXXVIII.

⁷⁷ Diosp., pl. XXI₅₂; Studies p. 139; R-D I, pp. 36—39.

⁷⁸ W. Emery, *A cylinder seal of the Uruk period*, — ASAE, 45, [1947], pp. 147—154.

⁷⁹ Ch. Boreaux, *Études de nautique égyptienne. L'art de la navigation en Égypte jusqu'à la fin de l'Ancien Empire*, — «Mémoires publiés par les membres de l'Institut d'archéologie orientale du Caire, sous la direction de M. G. Foucart», vol. I, Le Caire, 1925, asc. II, p. 517; Préhist., p. 241; R. D. Barnett, *Early shipping in the Near East*, — «Antiquity», vol. XXXII, 1956, № 128, p. 222.

⁸⁰ Ch. Boreaux, *Études de nautique égyptienne...*, fasc. I, p. 80. Сервин не видит в ладьях Раннего царства следов связи с так называемой месопотамской ладью (A. Servin, *Constructions navales égyptiennes*, — ASAE, XLVIII, 1948, fasc. I, p. 72).

В этой связи важно отметить, что в египетскую иероглифику не вошел знак, изображающий ладью первого или второго периода. На этом основании Шарфф допускает, что в момент возникновения иероглифа «ладья» в Египте уже не были в употреблении эти ладьи, в том числе и так называемой месопотамской формы ладьи (Scharif, *Archäologische Beiträge*, S. 23).

следователи, которые сомневаются в правильности мнения о месопотамском происхождении этой формы ладьи⁸¹.

В этой же связи находится вопрос о возникновении парусных ладей в Египте. На додинастических египетских керамических сосудах до сих пор найдено лишь одно изображение ладьи с четырехугольным парусом⁸² (табл. I, 14). Лебарон Боуэн в своей работе приводит до сих пор неопубликованный сосуд Британского музея (№ 36326), на котором изображена ладья с примерно прямоугольным предметом, который автор статьи считает прототипом паруса⁸³. Лебарон Боуэн высказал предположение о том, что возникновению паруса в Египте предшествовало случайно сделанное открытие, что щит, поставленный на высоком шесте против ветра, помогает передвигаться по воде ладье. В доказательство автор приводит изображение на сосуде из Пагады⁸⁴, где, по его мнению, имеется щит-парус, и на сосуд, где парус также имеет своим прототипом щит (табл. I, 11)⁸⁵. Лебарон Боуэн считает изобретение паруса достижением додинастического Египта, поскольку самые древние изображения из Передней Азии датируются ассирийским временем.

В литературе известны несколько упоминаний предметов из жадеита и нефрита, топориков, датируемых неолитом и энеолитом. Месторождений этих минералов в Египте не найдено, но они встречаются в некоторых районах Европы, Индии, Китая, Тибета и Забайкалья. Лукас не произвел химического анализа, но исходя из удельного веса веществ, он пришел к выводу, что один топорик мог быть сделан из жадеита, другой — из нефрита. Внешний же осмотр предметов заставил прийти к мнению, что оба топорика могли быть изготовлены из роговой обманки, имеющейся в Аравийской пустыне⁸⁶.

Среди предметов, найденных частично в додинастическом Египте, находятся игры, которые обнаруживают несомненное сходство с играми, найденными в Палестине и южном Двуречье⁸⁷. Гэд в начале 30-х годов приписывал этим играм египетское происхождение, так как в странах Передней Азии эти находки датируются временем, начиная со II тысячелетия до н. э. В Ассирии и в Вавилонии эта игра, по его мнению, была введена не ранее времени Ассаргадона. Однако в 1940 г. Дриотон допустил по этому вопросу два решения, — возможность азиатского проис-

⁸¹ М. Э. Матье, *Искусство Древнего Египта*, стр. 504, прим. 34.

⁸² Studies pl. XIII.

⁸³ R. Le Baron Bowen, *Egypt's sailind ships*, — «Antiquity», vol. XXXIV, 1960, № 134, pp. 117—131.

⁸⁴ Naq., pl. LXVII.

⁸⁵ PE, pl. XIX 41 A; Le Baron Bowen, *Egypt's sailind ships*, p. 122.

⁸⁶ MP11, стр. 597—598.

⁸⁷ E. Drioton, *Un ancien jeu copte*, — «Bulletin de la Société d'archéologie copte», vol. VI, 1940, pp. 191—186. 200; C. Gadd, *An Egyptian game in Assyria, Iraq*, vol. I, pt 1, pp. 45—50.

хождения этой игры с последующим заимствованием ее в III тысячелетии до н. э. Египтом, а так же возникновение игры в Египте, откуда она позднее распространилась в страны Передней Азии, где сохранила архаическую форму вплоть до IV в. до н. э.

Целый ряд находок в Египте, датируемых временем, начиная с неолита⁸⁸ и кончая первыми веками н. э., говорит о большой и непрерывной традиции игр в Египте, как в свое время отметил Питри. Среди этих находок особенно выделяется игра, обнаруженная в могиле в Махаспе (Н-41). Она представляет собой глиняную площадку-столик размером 32×18 см, разделенную на 18 клеток⁸⁹. В этой же могиле были обнаружены девять маленьких и два несколько большего размера глиняных конуса, которые, по мнению исследователей, вместе с площадкой и составляют игру. Эта могила датируется Айртоном и Лотом временем до о. д. 56⁹⁰, но Баумгертель считает необходимым принять более раннюю датировку в пределах того же второго периода⁹¹.

При рассмотрении вопроса о происхождении этих игр, найденных в странах Передней Азии и в Египте, необходимо привлечь археологический материал, введенный в научный оборот за последние десятилетия. Дело в том, что в некоторых раннеземледельческих поселениях стран Передней Азии и Средней Азии и даже в районе Триполья были найдены глиняные конусы, назначение которых не определено. В. М. Массон считает, что в данном случае мы имеем дело с излюбленной игрой ранних земледельцев Ближнего Востока и Египта и связанных с ними областей⁹². Интересно отметить, что нигде, кроме Египта, не обнаружено глиняной подставки-столика для игры. Хотя вопрос о происхождении

⁸⁸ В Меримде Юнкер нашел глиняные детские игры (H. Junker, *Vorbericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Ägyptischen Museum in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame vom 6. November 1931 bis 20. Januar 1932*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse 69, Jg. 1932, Wien und Leipzig, 1933, Nr 1—IV, S. 41). В районе Бадари были найдены глиняные конусы (BC, pp. 13, 30, pl. XXIV₇₋₁₂). В могиле № 1562 в Нагаде (СРЕ II, pp. 85) были обнаружены глиняные конусы, которые, по мнению Баумгертеля, также относятся к играм; в Маади были найдены «фишки» из кости [M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932, p. 49]. Во многих додинастических погребениях были обнаружены в большом количестве шарики, палочки и брусочки из камня, слоновой кости и других материалов (Préhist., p. 200, pl. LXIX₁₈; Argm., pl. XLVI, p. 31, № 1572); от времени Раннего царства также имеются находки игр (Préhist., pl. XCIII₂; Drioton, *Un ancien jeu égyptien*, p. 177; W. Emery, *The royal tomb at Sakkara*, — «Archaeology», VIII, 1955, № 1, p. 6).

⁸⁹ PE, pp. 32—33; E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911 (далее — CMah), p. 30, pl. XVII₁₋₂.

⁹⁰ CMah, pp. 30, 16.

⁹¹ СРЕ II, p. 67.

⁹² В. М. Массон, *Джейтунская культура*, — «Труды Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции», Ашхабад, т. X, 1960, стр. 61—62.

этих игр оксидентально решить невозможно, однако можно думать, что могло быть несколько центров возникновения этих игр, и что Египет был одним из таких центров.

Все великие письменные системы человечества восходят к пиктографии. Древнеегипетское письмо, как показал в своей работе В. В. Струве, представляло по судьбе своей историческое явление в корне отличное от шумерийского письма⁹³. Поэтому нельзя согласиться со сторонниками мнения о переднеазиатском происхождении древнеегипетской иероглифической письменности, так как в последнем случае мы имели бы шумерийский тип письма. Заметим также, что фонетическое значение некоторых клинописных знаков, в исходный момент похожих по виду на египетские иероглифы, не соответствуют фонетическому значению этих же египетских иероглифов. На последнее обстоятельство в 1920 г. указал Жекье⁹⁴. Кроме того, египетские знаки по своему облику мало похожи на древнейшие шумерийские письменные знаки. Знаки египетского иероглифического письма изображают чисто египетские флору и фауну⁹⁵ и другие предметы, окружающие додинастического человека⁹⁶.

Неверным является положение о том, что письменность только в Двуречье возникла из хозяйственных нужд, из необходимости учитывать поступления и выдачи в храмовом хозяйстве, а в Египте письменность якобы возникла из необходимости вести религиозные и исторические записи⁹⁷. До нас дошли из Египта таблички из слоновой кости, дерева и эбенового дерева от времени I династии, где, по мнению Ю. Я. Перепелкина, исторические события служат лишь для обозначения года, т. е. входят в состав даты, а сами таблички являются по существу хозяйственными этикетками к орудиям или иным изделиям⁹⁸. Наличие знака «миллион»⁹⁹ на булаве Нармера говорит о предшествующем долгом периоде развития счета, необходимого для хозяйственного учета. Кроме того, на сосуде из Тура¹⁰⁰, датированном, примерно, этим же временем,

⁹³ В. В. Струве, *Происхождение алфавита*, Пг., 1923, стр. 3, 13—18.

⁹⁴ G. Jéquier, *L'Origine de la race égyptienne*, Paris, 1920, p. 135.

⁹⁵ Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 7; Naga-ed-Dér, p. 123; Bissing, *Probleme*, S. 65; Б. А. Тураев, *Древний Египет*, Пг., 1922, стр. 7; Ольдерогге, *Древнейшая история*, стр. 54; В. И. Авдиев, *Возникновение древнеегипетской письменности*, — «XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР», М., 1960, стр. 14.

⁹⁶ Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 62.

⁹⁷ Frankfort, BC, p. 49—50, 83; Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 73.

⁹⁸ «Всемирная история», т. I, М., стр. 157.

⁹⁹ P. Newberry, *Ägypten als Feld für anthropologische Forschungen*, S. 16.

¹⁰⁰ H. Junker, *Bericht über die Grabungen der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien auf dem Friedhof in Turah, Winter 1909—1910*, — «Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien», Philosophisch-historische Klasse, Wien, Bd. LVI, 1912, Abb. 4, S. 5.

изображены иероглифы курсивного письма, которое говорит о том, что писали так много, что выработалась уже скорописная форма написания иероглифов¹⁰¹. Вряд ли для написания исторических событий требовалась скоропись. Мы знаем, как тщательно и подробно выписывались позднее исторические записи на Палермском камне. Шарфф¹⁰² не принимает во внимание этого процесса выработки курсивного письма и математики в додинастическом Египте (и в начале династического времени), совершенно необходимых для учета, и поэтому ему кажется весь процесс развития письменности в Египте столь быстрым и разносторонним, что он соглашается с мнением других исследователей, прибегающих к объяснению путем теории «толчка» (Anregung) из Двуречья. Слущая шесть лет после выхода в свет работы Шарффа Шефольд пишет, что в Египте письменность возникла имея в качестве образца письменность Двуречья, где этот процесс якобы был очень долгим, по его мнению, в противоположность Египту, где письменность якобы появилась внезапно незадолго до Менеса¹⁰³.

Сейчас устарело положение о более раннем развитии письменности в Двуречье по сравнению с возникновением письменности в Египте, так как хронология по последним данным несколько изменилась, и время периода Урук надо датировать не 3500 г. до н. э., а на 275 лет позже¹⁰⁴.

На основании всего изложенного материала нам остается сделать вывод, что египетское письмо (иероглифическое) возникло в Египте независимо от Двуречья в целях удовлетворения хозяйственных нужд.

Каменные сосуды появились в Египте уже в неолитическое время и продолжали развиваться, при этом формы сосудов становились постепенно более разнообразными (табл. 6, 18—21)¹⁰⁵. Они перешли и в Раннее царство и далее. В конце второго периода наряду с коническими, цилиндрическими и другими формами появились сосуды в форме животных и птиц (табл. 6, 22)¹⁰⁶. Франкфорт считал в 1924 г. эти формы сосудов происшедшими из северной Сирии, откуда Египет и Сузы якобы заимствовали их¹⁰⁷. Его мнение о том, что сосуд из Абусир эль-Мелека в форме верблюда подтверждает связь Египта с Передней Азией, оказалось неверным, так как Египту был известен дромадер, а Передняя Азия знала двухгорбого верблюда. При сличении египетских сосудов в

¹⁰¹ «Всемирная история», т. I, стр. 157.

¹⁰² Scharff, *Archäologische Beiträge*, S. 72—73.

¹⁰³ K. Schefold, *Orient, Hellas und Rom*, Berlin, 1949, S. 34—35.

¹⁰⁴ В. В. Стрuve, *Датировка I Вавилонской династии*, — ВДИ, 1947, № 1, стр. 32.

¹⁰⁵ H. Junker, *Vorläufiger Bericht über die zweite Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der vorgeschichtlichen Siedlung Merimde-Benisalame vom 7. Februar bis 8 April 1930*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philologisch-historische Klasse, 67. Jg. 1930, Wien und Leipzig, 1931, Nr V—XIII, Taf. VII.

¹⁰⁶ Kantor, *Further*, p. 242.

¹⁰⁷ *Studies*, pp. 111—113.

форме животных и птиц с аналогичными сосудами из Суз он был вынужден отмстить наличие большого различия между египетскими и переднеазиатскими сосудами. Сосуды из Суз дошли лишь алебастровые, у них нет ручек, основание сосудов неустойчивой округлой в боковом сечении формы, т. е. сосуды не имеют плоского основания, и углубление, сделанное на спинке, очень невелико¹⁰⁸. В Египте же сосуды в форме животных и птиц изготовлялись из разных горных пород (стеатит, серпентин, алебастр, известняк и другие) (табл. 6, 22), пустота занимает все тело, а отверстие было столь велико, что на них иногда накладывались крышки; две ручки в виде трубочек-цилиндров обычны для этих сосудов¹⁰⁹. При сравнении этих сосудов из Египта и из Передней Азии Франкфорт сделал вывод, что египетские сосуды были более приспособленными для хранения косметических веществ, и считал, что египтяне лишь улучшили первоначальную форму, заимствованную ими из Передней Азии, а не создали сами. Однако Гленвилль показал несостоятельность предположений Франкфорта¹¹⁰. Египет знал уже в эпоху Бадари сосуды в форме животных¹¹¹, изготовленные из слоновой кости. Помимо этого материала для изготовления сосудов в форме животных во втором периоде применялась глина¹¹². Идея создания сосудов в форме птиц и животных возникла в Египте задолго до появления алебастровых сосудов этих же форм в Передней Азии. При изготовлении сосудов египетский мастер использовал форму птиц и животных (бегемота, крокодила и др.), обитавших в Египте, а не подражал формам сосудов из Передней Азии, как можно было бы ожидать в случае заимствования. Третьим аргументом Гленвилль выставляет обычай инкрустировать глаза в Египте, начиная со второго периода, у статуэток и на палетках. На камешных сосудах в форме животных и птиц глаза тоже инкрустировались, т. е. Гленвилль считает и алебастр, из которого были изготовлены сосуды в Передней Азии, привезенным из Египта, поскольку этот материал в южном Двуречье отсутствовал. Вопрос о происхождении алебастра для изготовления сосудов в южном Двуречье не решен.

Последние раскопки в Малой Азии проливают свет на происхождение сосудов в форме животных и птиц. В Хаджиларе были найдены поздненеолитические керамические сосуды в форме животных (датируе-

¹⁰⁸ Ibid., pl. VIII⁷, IX⁶.

¹⁰⁹ Naq., pl. XII²², CMah, pl. V; «Die archäologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharif», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), Taf. XXIV²⁰⁸; PE, pl. XXXVI⁶⁵; Vandier, *Manuel*, p. 308; Kantor, *Further*, pl. XXIII.

¹¹⁰ S. Glanville, *The Egyptian theriomorphic vessels in British museum*, — JEA, vol. XII, 1926 (далее — Glanville, *Theriomorphic vessels*), pp. 52—69.

¹¹¹ Mostag., pl. XXIV³³.

¹¹² Vandier, *Manuel*, fig. 217, p. 310.

мые концом VI и первой половиной V тысячелетия до н. э.), которые говорят о широком распространении обычая изготовления такой формы сосудов среди раннеземледельческих культур, и, следовательно, тшетны были бы поиски первоначального центра происхождения этой формы сосудов¹¹⁵.

В связи с вопросом о происхождении каменных сосудов в форме животных и птиц можно сказать несколько слов и о разном решении проблемы происхождения техники высверливания сосудов из камня в Египте. Питри считал, что технику высверливания сосудов из кристаллических пород припесли в Египет пришельцы второго периода с берегов Красного моря¹¹⁴. Лукас на богатом материале показал несостоятельность предположения Питри¹¹⁵. Шарфф по существу был согласен с Лукасом и считал, что в бедном камне южном Дзуречье не могла возникнуть рано подобная техника и что она могла возникнуть лишь в богатом камне Египте¹¹⁶. Баумгертель в первой части своей работы приходит к выводу, что трудно решить вопрос о происхождении форм каменных сосудов Передней Азии и Египта, затем она вынуждена констатировать, что большинство форм каменных сосудов додинастического Египта не имело себе подобных в Передней Азии. Баумгертель считает, что цилиндрические сосуды с конической ножкой появляются лишь во второй половине первого периода, что эта форма раньше появилась в Азии, а позднее в Египте. При этом она делает натяжку, сравнивая египетские сосуды с конической ножкой с сосудами из Передней Азии, которые имеют лишь небольшой отросток снизу. Тем не менее она считает эти сосуды из Урукского храма, верхнюю часть которых она также дополняет прототипами египетских сосудов, тем самым безуспешно пытаясь найти влияние Передней Азии на Египет¹¹⁷. В свое время Вандье высказал мнение о том, что Египет не заимствовал извне умения изготовлять каменные сосуды¹¹⁸.

ЗНАЧЕНИЕ СВЯЗЕЙ ДОДИНАСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Пока еще мало сделано в области выяснения обратных влияний, идущих из Египта в соседние страны, но надо надеяться, что дальнейшие исследования дадут новые факты в подтверждение этого положе-

¹¹³ J. Mellaart, *Excavations at Hacilar, fourth preliminary report, 1960*, — «*Anatolian Studies*», XI, 1961, pp. 66—69, fig. 27_{1,2}. Указанием на эту работу мы обязаны В. Н. Маасону.

¹¹⁴ PE, p. 48.

¹¹⁵ МРП, стр. 640—642.

¹¹⁶ Scharff, *Frühkulturen*, S. 21.

¹¹⁷ CPE, pp. 119, 115, 108—111.

¹¹⁸ Vandier, *Manuel*, p. 368.

ния. Несомненно, что Египет не был в этих сношениях с другими странами только пассивной стороной.

Дюнан, сравнивая энеолитические находки из Библа и Египта, находил некоторое сходство между керамическими изделиями обеих стран¹¹⁹. Некоторые черты сходства между изделиями неолита Фаюма, Омари и Бадари и энеолитической продукцией Библа он считал случайными совпадениями, допуская возможность влияния Египта на Сирию в последующие периоды энеолита, в первой и второй половине IV тысячелетия до н. э.

Палетки, найденные в Палестине в слоях, датируемых временем энеолита, имеют некоторое сходство с египетскими палетками неолитического времени, но фрагментарность материала не даст Кантор возможности говорить о каком-либо определенном влиянии¹²⁰. В энеолитической культуре Абу Матар (около г. Беэршеба) в южной Палестине были обнаружены раковины моллюска, который был распространен лишь в долине Нила. Несомненно, эта находка указывает на существование связей между Египтом и южной Палестиной в IV тысячелетии до н. э.¹²¹

Открытие в Библе в нижних слоях под храмом ряда предметов, напоминающих египетские, гозорит или о начале их ввоза из Египта в Сирию с начала второго периода, или о заимствовании соответствующих форм местными изготовителями. Были найдены палетки в форме ромба и птицы, столь характерные для первого и отчасти второго периода в Египте, мелкие фигурки из слоновой кости в виде животных (лев, шакал) и птиц (сокол). Кантор, усматривая в этом влияние на Сирию, не настаивает при этом на непременно вывозе самих предметов из Египта¹²².

До сих пор мало известно о связях Египта с западными соседями, обитавшими в ныне пустынных районах Ливии и Сахары, и совсем ничего не известно о связях с восточными соседями¹²³. Гленвилль предполагал, что сосуд в форме верблюда, найденный в Абу-Сир эль-Мелеке от времени Раннего царства, является изображением одногорбого верблюда (драмодера), характерного для Аравии, и тем самым допускал наличие связей между Египтом и Аравией в Раннем царстве (см. стр. 183)¹²⁴.

¹¹⁹ M. Dunand, *Fouilles de Byblos, vol. I, 1926—1932*, — «Bibliothèque archéologique et historique», Paris, vol. XXIV, 1939, pp. 448—449.

¹²⁰ Kantor, *Early relations*, pp. 174—175.

¹²¹ J. Perrot, *Excavations at Tell Abu Matar*, — IEJ, vol. V, 1955, № 2, p. 84.

¹²² Kantor, *Early relations*, pp. 196—197, 201.

¹²³ В 1947 г. на Синайском полуострове были найдены остатки материнской культуры времени мезолита и неолита, но древнейшая история Синая еще мало изучена (H. Field, *Contributions to the anthropology of the Faiyum, Sinai, Sudan, Kenya, Berkeley*—Los Angeles, 1952, pp. 75, 88).

¹²⁴ Glanville, *Theriomorphic vessels*, p. 58, n. 5.

За последнее время все больше и больше появляется сторонников мнения о влияниях Египта на область, расположенную к западу от долины Нила, влияниях, выражающихся в сходстве форм кремневых орудий, изготовлении наскальных рисунков и многом другом.

Часть исследователей полагает, что из Египта второго периода заимствовала Северная Африка ряд художественных мотивов, использовавшихся при изготовлении петроглифов¹²⁵.

Существует и другое мнение, согласно которому наскальные рисунки Северной Африки являются рисунками, стоящими в целом на более высоком художественном уровне, чем египетские петроглифы, и тем самым исключаются, по мнению этой группы исследователей, возможность их египетского происхождения¹²⁶. Оставляя в данном случае вопрос о происхождении египетских петроглифов нерешенным, мы склонны видеть в данном случае взаимное влияние, поскольку следы связей между Египтом и Сахарой прослеживаются, в частности, и в Арманте¹²⁷. Мотив баранов с солнечным диском между рогами, как отмечают исследователи, проникает из Египта через Северную Африку далеко на запад в петроглифы Испании, Шотландии, Ирландии¹²⁸. Трудно сказать, насколько обоснованы выводы авторов о влиянии неолитической керамики Меримде на неолитическую керамику Испании и о египетском происхождении некоторых географических названий мест в Европе¹²⁹.

До сих пор мы очень мало можем сказать о связях между древними племенами, жившими далеко к югу от первых порогов, с додинастиче-

¹²⁵ R. Basch, *Das alte Nordafrika*. — «Historia Mundi», Bd II, S. 113—114, 171; *Préhist.*, p. 143.

¹²⁶ J. L. Forde-Johnston, *Neolithic cultures of North Africa. Aspects of one phase in the development of the Africa stone age*, [Liverpool], 1959, p. 94.

¹²⁷ Чайлд полагал, что украшения из полевого шпата — амазонита, найденные в неолитических слоях Фаюма (Фаум. pp. 32, 40, 57, 87, 90), частично были сделаны из амазонита, вывезенного из Тасоли (Центральная Сахара) ДВ, стр. 74. Лукас сообщает, что амазонит имеется и в Восточной пустыне (МРП, стр. 395). Происхождение же амазонита, из которого были изготовлены фаюмские предметы, не установлено.

В Арманте были обнаружены черепки так называемой сахарской керамики, которая свидетельствует о сношениях населения Египта с населением, жившем на территории к западу от долины Нила (Арм., p. 2). Возможно, что это имеет прямую связь с кратковременным сухим периодом, который переживал Египет на рубеже между первым и вторым периодом (см. стр. 37, 153) и вызвавшим уход части населения из Ливийской пустыни в долину Нила, или, как допускают Ларсен и Юнкер, объясняется связью египтян с кочевниками (H. Junker, *Die Geisteshaltung der Ägypter in der Frühzeit*, — «Österreichische Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 237, Bd I, Abh., Wien, 1961, S. 67). Однако существенного значения это переселение для культуры додинастического Египта не имело.

¹²⁸ G. Capoville, *Contributio abl'espansione culturale dell'Egitto antico*, — «Aegyptus», XXXVII, 1957, f. 1, p. 26.

¹²⁹ Ibid., p. 10; P. Bosch Gimpera, *Néo-énéolithique espagnol et africain*, — «Congress Pan-africain de Préhistoire, Actes de la IIe session, Alger, 1952», Paris, Comm. № 50; «Current publications in Old World archaeology», (Cambridge-Mass.), Area 10, p. 3, № 22.

ским населением Египта. По мнению многих авторов, культурный комплекс Шахейнаба (около Хартума) соответствует типологически культуре Фаюма А, но судя по радиокарбоновой датировке, культура Шахейнаба несколько моложе неолита Фаюма А¹³⁰.

Согласно работе Кларка, в областях, лежащих к юго-востоку от Египта, где расположены нынешние государства Сомали и Эфиопия, не обнаружено влияния неолитической культуры Египта на неолит этих областей, хотя наблюдается много сходного с неолитом Сахары¹³¹.

Из островов Средиземного моря, с которыми Египет в додинастическую эпоху мог иметь связи, надо упомянуть (помимо Мелоса, откуда может быть, спорадически Египет получал обсидиан) остров Крит. На острове Крит в начале XX в. были найдены каменные сосуды, которые, по мнению Эванса, обнаруживают сходство с египетскими каменными сосудами второго периода. На этом основании Эванс предположил, что эти находки являются результатом переселения части жителей Египта через Ливию на Крит¹³². Вслед за Эвансом и ряд других исследователей рассматривали эти находки как свидетельство связи додинастического Египта с Критом¹³³.

Рейспер подверг указанные каменные сосуды, найденные на Крите, исследованию. Он считал возможным датировать их лишь временем начиная с III династии¹³⁴. Тем самым, предположение о связи додинастического Египта с Критом как-будто бы должно было быть оставлено. Пендлбери в своей работе не придает особого значения этим находкам египетских каменных сосудов на Крите, так как, по его мнению, основными внешними связями Крита в то время были связи с Малой Азией¹³⁵. Керамика Крита и ранняя анатолийская керамика обнаруживают между собой поразительное сходство. Тем не менее другие исследователи продолжают по-прежнему придерживаться раннединастической датировки египетских каменных сосудов, обнаруженных на Крите, тем самым допускают возможность связи и додинастического Египта с Критом и влияния Египта того времени на Крит¹³⁶.

Вопрос о связях Египта с Критом упирается в проблему древнего

¹³⁰ O. G. Crawford, *Some notes on the Sudanese neolithic*, — «Kush», № 2, 1954, p. 89.

¹³¹ J. D. Clark, *The prehistoric culture of the Horn of Africa*, Cambridge, 1954 p. 330.

¹³² A. Evans, *Palace of Minos at Knossos I*, London, 1921, p. 65, fig. 28, 31, 66.

¹³³ Юнкер полагал, что египетские каменные сосуды, обнаруженные на Крите, свидетельствуют о влиянии Египта додинастического времени на неолитическую культуру Крита (Junker, *Entwicklung*, S. 884). Кроме того, на Крите (в Фесте) был найден кусок бивня слона, который, по мнению Жекье, является результатом ввоза из Египта, где, как известно, в это время слон водился (G. Jéquier, *Histoire de la civilisation égyptienne*, Paris, 1923, p. 89).

¹³⁴ «Antiquity», vol. V, 1931, pp. 202—205.

¹³⁵ Д. Пендлбери, *Археология Крита*, М., 1950, стр. 56—57.

¹³⁶ Préhist., pp. 325—326; СРЕ, p. 44.

мореплавания по Средиземному морю. Так как все исследователи, занимающиеся этой проблемой, строили свои выводы лишь на догадках и предположениях, то отсутствует единое мнение по этому вопросу.

Расстояние между Критом и устьем Нила могло быть покрыто при благоприятном ветре (попутном) в трое — четверо суток. Однако исходя из конструкции древнейших парусов Веркуттэ отклоняет возможность плавания египетских галер по открытому морю от Египта до Крита¹³⁷.

Абсолютно априорным, на наш взгляд, является предположение Баумгертель¹³⁸ и Веркуттэ¹³⁹ относительно возможности более удобного для египтян сообщения по суше через Киренайку и затем морем до Крита. Далее допускается, что египтяне осуществляли связь, отправляясь от Мемфиса через ливийские оазисы в Киренайку. Принимая во внимание те длительные морские переходы, которые совершались на плотках как в прошлом (полинезийцы), так и в наши дни (норвежские путешественники), можно, как нам кажется, вполне допустить возможность плавания на утлых суденышках по Средиземному морю и в IV тысячелетии до н. э. Вероятность такого плавания возрастает, если предположить, что древние мореплаватели учитывали и направление ветров, дующих в Средиземном море¹⁴⁰.

Из большого круга связей Египта с другими странами можно выделить его контакты с Сиро-Палестиной и Двуречьем, так как они были наиболее интенсивными, что весьма относительно, так как доставка материалов была чрезвычайно ограничена. Поэтому надо особенно осторожно относиться к утверждениям в духе Райта, который полагает, что в последней четверти IV тысячелетия до н. э. впервые в Передней Азии развилась международная торговля и культурные контакты между Сирией, Палестиной, Месопотамией (Двуречьем) и Египтом герзейского времени (что соответствует второму периоду)¹⁴¹.

---

¹³⁷ J. Vercoutter, *Essai sur les relations entre Egyptiens et Prehellènes*, Paris, 1954, pp. 23—24; Холл полагал, что додинастические египетские суда, которые, по мнению Питри, могли плавать по морю, не были теми кораблями, на которых можно было плавать до Крита, а что связь между Критом и Египтом в то время осуществлялась лишь кораблями жителей острова Крита (H. H. Hall, *The discoveries in Crete and their relations to the history of Egypt and Palestine*, — PSBA, vol. XXXI, 1909, p. 148). Эту точку зрения поддерживал и Уилсон (Wilson, *Culture*, p. 12). У нас, однако, отсутствует археологический материал относительно критских судов этого времени, и мы не можем сказать что-либо определенное по этому вопросу.

¹³⁸ СРЕ, p. 45.

¹³⁹ J. Vercoutter, *Essai sur les relations entre Egyptiens et Prehellènes*, p. 13.

¹⁴⁰ С. Я. Лурье, *История Греции*, ч. I, Л., 1940, стр. 11.

¹⁴¹ С. Е. Wright, *The problem of the transit between the chalcolithic and bronze age*, — «Eretz Israel», vol. 5, 1958, p. 37. Такого же мнения по этому вопросу придерживается Уард (W. A. Ward, *Egypt and the east mediterranean from predynastic times to the end of the Old Kingdom*, — «Journal of the economic and social history of the Orient», vol. VI, pt I, 1963, pp. 6, 19, 42, 47, 49, 57).

Франкфорт уже в 1924 г. сомневался в правильности теории завоевания как единственного объяснения заимствований, сделанных Египтом, но в то время еще мало было известно материала по этому вопросу, и поэтому он согласился в конце концов с Питри и ссылается на высказывание Меллера¹⁴², который объясняет причину якобы бывшего вторжения азиатского народа их желанием иметь ископаемые металлы, которыми была полна Восточная пустыня. Поскольку вопрос о стране Маган и Мелуха до сих пор не решен, нельзя сказать что-либо определенное по этому поводу и для более позднего времени, от которого сохранились письменные данные¹⁴³. Тем более гадательным остается предположение Меллера касательно додинастического времени.

Позднее Франкфорт рассматривает связи между Египтом и другими странами лишь как культурные заимствования, не влиявшие на самостоятельный характер развития египетского искусства и другие стороны жизни населения Египта в ту эпоху¹⁴⁴. Холл считал медленную инфильтрацию азиатских этнических элементов в долину Нила причиной наличия азиатских влияний¹⁴⁵. Уилсон примыкает к Холлу и называет эту культурную инфильтрацию своего рода культурным завоеванием, имея в виду более высокую культуру азиатского народа, передававшего якобы свои технические навыки Египту¹⁴⁶. Но, как известно, положение о более высокой культуре некоторых стран Передней Азии в ту эпоху еще не доказано. Кроме того, названные авторы не учитывали активной роли Египта во взаимоотношениях с окружающими странами и особенностей египетской культуры. При ближайшем же рассмотрении оказывались неверными предположения тех авторов, которые придерживались положения Питри и других о завоевании Египта переднеазиатскими племенами.

В 40—50-х годах появляются работы ряда авторов (Кантор, Вандье и других), посвященные изучению отдельных вопросов связи Египта с окружающими странами. Названные авторы приходят к выводу, что в этих связях Египет не только заимствовал кое-что, но также и оказывал влияние на своих соседей, т. е. влияние было обоюдным. Не решает вопроса о связях и Гардинер¹⁴⁷. В своей работе, вышедшей в 1961 г., он колеблется между предположением о торговых связях Египта с соседними странами и предположением о вторжении чужеземцев в Египет.

Как осуществлялись и какой характер носили связи Египта с Ли-

¹⁴² Studies, p. 137.

¹⁴³ S. N. Kramer, *Magan and Me'ubba in the Sumerian literature texts (Gilgamecha)*, — «Orientalia», vol. 28, fasc. 4, p. 376.

¹⁴⁴ Frankfort, BC, p. 110.

¹⁴⁵ «The Cambridge Ancient history», vol. I, Cambridge, 1924, p. 262.

¹⁴⁶ Wilson, *Culture*, p. 41.

¹⁴⁷ A. H. Gardiner, *Egypt of the pharaohs. An introduction*, Oxford, 1961, p. 397.

вией и далее с Северо-Западной Африкой, с Эфиопией, Синаем, Аравией и Критом, мы ничего не можем сказать.

Что же касается путей, по которым осуществлялись эти связи, то по этому вопросу еще не существует единого мнения. Кантор считала, что связи между Маади и Сиро-Палестиной проходили через Дельту¹⁴⁸.

Франкфорт в 1951 г. рассматривал морской путь по Красному морю и Персидскому заливу, как средство связи Египта с Двуречьем в додинастическую эпоху немыслимым, так как в этом случае в Раннем царстве и позже сохранились бы какие-нибудь следы и традиции относительно такого пути, но их не найдено до сих пор потому, очевидно, что этот путь не был использован древнейшими мореплавателями. Поэтому Франкфорт высказал лишь догадку о встрече месопотамских жителей и египтян где-то на путях к странам с благовониями, в которых якобы оба народа нуждались¹⁴⁹.

Относительно путей в Сирию можно думать, что каботажное плавание вдоль финикийского побережья в течение восьми суток вместо четырех по открытому морю были приемлемым путем для древних жителей Нильской долины.

С Палестиной, надо думать, связи могли осуществляться и по путям, идущим через Суэцкий перешеек до Газы и далее в южную Палестину. При всех трудностях этих путей Синухе много позже смог бежать таким путем из Египта¹⁵⁰.

Сообщение по морю с объездом вокруг Аравии в качестве пути между Египтом и Двуречьем остается недоказанным. Можно предположить, что и с Двуречьем связь осуществлялась либо через Палестину, либо через Сирию (Библия)¹⁵¹.

Кроме того, азиаты, кочевавшие в фараоновское время на восток от Египта, вероятно, жили в тех же пределах и в додинастическое время. Эти племена могли также служить промежуточным звеном в общей цепи связей Египта с северо-восточными соседями (Передней Азией) и с юго-восточными соседями (населением Аравийского полуострова), если эти связи вообще имели место.

Ничего не известно о том, как происходил обмен, в результате которого население одной страны получало материалы и предметы от населения другой страны. Совсем не обязательно думать, как это делают Кантор и другие, что связь осуществлялась отдельными, только этим занимающимися людьми.

До сих пор отсутствуют данные о том, как доставлялись изделия

¹⁴⁸ Kantor, *Early relations*, pp. 183—184, 200.

¹⁴⁹ Frankfort, *BC*, p. 110.

¹⁵⁰ Б. А. Тураев, *Рассказ египтянина Синухе и образцы египетских документальных автобиографий*, М., 1915, стр. 15—17; *История Древнего Востока*, т. I, 1936, стр. 247.

¹⁵¹ W. S. Smith, *The art and architecture of Ancient Egypt*, Pelican Books, 1958, p. 19.

и материалы по сухопутью в Египет и из него в другие страны. Возникает вопрос о возможности использования для этих целей верблюда. В Северной Африке, в том числе и в Египте, в древнейшие времена верблюд был известен. Шарфф и другие авторы пришли к выводу, что одногорбый верблюд (дромадер) был известен не только Египту времени фараонов, но и времени додинастического (стр. 181)¹⁵². Что же касается размеров использования верблюда в хозяйстве додинастического Египта, то по аналогии с незначительной ролью, которую играло это животное в жизни фараоновского Египта, можно полагать, что и в додинастическое время верблюд не занимал в хозяйстве Египта сколько-нибудь заметного места.

По существу и надобность то в верблюде была невелика, так как связь Египта с соседними областями африканского континента и со странами Передней Азии¹⁵³ могла быть осуществлена в те времена и без верблюда. В пустыне было еще достаточно источников¹⁵⁴, чтобы снабдить водой ослов, выполнявших роль, которую в наши дни уже в изменившихся условиях может выполнять лишь верблюд. В результате рассмотрения материала по вопросу об использовании верблюда в древнейшем Египте остается предположить, что перевозки по сухопутью в те времена осуществлялись преимущественно на осликах (см. стр. 154).

Из всего рассмотренного в данной главе видно, что многие западные исследователи совершают ошибку, преувеличивая значение заимствований. Совершенно неприемлемо также высказывание некоторых авторов, утверждающих, что только Египет ощущал на себе во второй половине IV тысячелетия до н. э. влияние стран Передней Азии, так как влияние было обоюдным.

Однако ни один из этих авторов не делает попытки рассмотреть и оценить эти немногие заимствования художественных мотивов, некоторых форм керамики и т. д. на общем фоне материальной культуры Египта, не говоря уже об орудиях, изготовлявшихся из материалов, египетское происхождение которых не подлежит сомнению.

---

¹⁵² Abusir, S. 40—41; J. P. Free, *Abrahams camels*, — JNES, vol. III, 1944, № 3, pp. 189—191; H. Epstein, *Le dromadaire dans l'Ancien Orient*, — «Revue d'histoire des sciences et de leurs applications», Paris, 7, 1954, p. 248; K. Schauenburg, *Die Cameliden in Altgypten*, — «Bonner Jahrbücher», H. 1955/56, I Teil, S. 62—63; P. Капо-Рей, *Французская Сахара*, Л., 1958, стр. 90.

¹⁵³ S. Yeivin, *Trade routes in Israel in the first half of the 2nd Millenium*, — «Antiquot», vol. II, 1959, p. 156.

¹⁵⁴ Вероятно, для Сирийской пустыни следует сделать исключение. Эта пустыня, как нам указал В. В. Струве, бедна сазами и в IV и III тысячелетиях до н. э. могла таить в себе серьезные препятствия для сухопутных связей. Связь между южным Двуречьем и Средиземноморьем в III тысячелетии до н. э. осуществлялась не через пустыню, а через Оронт и колесо Евфрата, и лишь со второй половины II тысячелетия н. э., когда был приручен верблюд, создавалась возможность преодоления Сирийской пустыни.

При рассмотрении материалов о связях на общем фоне материальной культуры додинастического Египта, сделанном в данной работе, очевидно, что Египет развивался совершенно самостоятельно и заимствования не имели сколько-нибудь существенного значения для жизни жителей додинастического Египта. Никаких материалов, шедших на изготовление орудий, Египет в додинастическую эпоху, по-видимому, не ввозил.

Глава 6

ХОЗЯЙСТВО ДОДИНАСТИЧЕСКОГО ЕГИПТА

С появлением новых хозяйственных запросов орудия претерпевают изменения. Для того чтобы понять закономерности развития древних орудий в Египте, мы и обратимся к рассмотрению хозяйства додинастического Египта в целом.

Прежде чем пытаться представить общую картину хозяйственного развития древнейшего Египта, нужно оговорить, что материала для исчерпывающего очерка совершенно недостаточно. Археологический материал при всей своей обильности не освещает все стороны жизни Египта той эпохи. До сих пор многие предметы не подвергнуты систематическому изучению и не установлено происхождение материалов, из которых они были изготовлены, не изучены орудия с точки зрения их использования. Недостаточно исследован остеологический материал, добытый в додинастических поселениях и погребениях. В силу указанных обстоятельств данную главу надо рассматривать как попытку предварительного изложения имеющихся в нашем распоряжении данных с целью ознакомить читателя в наиболее общей форме с особенностями развития хозяйства Египта на ранних этапах его развития. Уже с неолита обитатели Египта перешли к занятию земледелием и скотоводством, но при этом занимались и охотой, и рыболовством, и собирательством.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Вопрос о начале египетского земледелия тесно связан с вопросом о происхождении египетских злаковых культур, ячменя и пшеницы. Однако этот вопрос до конца не решен. С конца XIX в. в науке утвердилось мнение Кандолля о том, что центром происхождения данного культурного растения может быть лишь область, в которой данное растение произрастает в диком виде. В 1920-х годах в результате огромных исследований советской экспедиции, возглавляемой Н. И. Вавиловым, было внесено много изменений в учение о центрах происхождения и распространения культурных растений, созданное в свое время Кандол-

лем¹. Первоначальным местом происхождения твердых видов пшеницы он считал нынешнюю Эфиопию², так как именно там было найдено большое разнообразие видов этой пшеницы, из которых некоторые нигде больше не встречаются, т. е. являются эндемичными. Несмотря на то что советская экспедиция не обнаружила в Эфиопии дикорастущей пшеницы, Н. И. Вавилов полагал в 1940 г., что земледелие там весьма древнего происхождения и, возможно, даже синхронно с древнеегипетским земледелием.

Раскопки в Джармо дали возможность палеоботанику Хельбеку изучить многочисленные отпечатки зерен и обуглившиеся зерна, которые являются уже результатом первых опытов по культивированию диких злаков, пшеницы и ячменя в древности. Найденные зерна злаковых культур уже отличались от зерен этих же злаковых, пшеницы и ячменя, произраставших в древности в диком состоянии здесь же, остатки которых также Хельбек исследовал. Брейдвуд считает, что отсюда, как из первоначального и единственного в Старом свете центра, умение культивировать злаки перешло в соседние страны и в том числе в Египет³.

Ни одна из рассмотренных нами теорий не является в настоящее время общепринятой. Совершенно неясными остаются обстоятельства, при которых Египет мог заимствовать навыки по выращиванию злаковых культур. Как известно, материальная культура самых ранних земледельцев Египта (Меримде, Фаюм, Бадари) не обнаружила до сих пор сходства с материальной культурой Палестины и Двуречья того же времени. Связи между Египтом и этими странами и то несущественные, как мы выше видели, начинаются лишь с конца первого периода или начала второго периода, а не с неолита, как надо было бы ожидать, если придерживаться теории Брейдвуда.

Небольшое отставание во времени египетских неолитических поселений Севера не может быть решающим доказательством большей древности земледелия в Передней Азии по сравнению с Египтом, так как этот способ датировки до сих пор не считается абсолютно верным⁴. Кос-

¹ Н. И. Вавилов, *Учение о происхождении культурных растений после Дарвина*, — «Советская наука», 1940, № 2, стр. 56—87.

² Там же, стр. 71, 64—67.

³ R. Braidwood, *Reflections on the origin of the village-farming community*, — «The Aegean and the Near East: studies presented to H. Goldmann», Ed. by S. S. Weinberg, Locust Valley, New York, 1956, p. 27.

⁴ W. F. Libby, *Radio-carbon dating*, — «Endeavour», London, vol. XII, 1954, № 49, pp. 12; R. J. Braidwood and B. Howe, *Prehistoric investigation in Iraqi Kurdistan*, Chicago, [1960], p. 160; H. Junker, *Die Geisteshaltung der Ägypter in der Frühzeit*, — «Österreichische Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Klasse, Sitzungsberichte, 237, Bd I, Abh., Wien, 1961, S. 56.

Джармо датировается по методу радиоуглеродного углерода 4654 ± 330 и 5750 до н. э., датировка неолитических слоев Фаюма А $4100—4400$, Меримде $4200—3600$ до н. э.

венным доказательством в пользу того, что земледелие в Египте распространялось в направлении с севера на юг, является отставание в развитии земледелия в Арманте, как считал Хузайин⁵. Но было ли положено начало земледелию в Египте или в близлежащих районах в Северной Африке или возникло под влиянием земледелия в странах Передней Азии (Палестины или Двуречья), мы не можем сказать с уверенностью. Хат и Карзеи допускают возможность произрастания в Северной Африке дикорастущих злаковых, поскольку в неолите климат был там более влажным⁶. Тем самым создается основание для предположения о том, что человек в Северной Африке мог вполне самостоятельно прийти к выращиванию этих культур.

Археологические раскопки не подтвердили полностью и правильность учения Н. И. Вавилова. Начало земледелия в Эфиопии относится по времени не ранее чем к III тысячелетию до н. э.⁷ Более древних следов земледелия там не было до сих пор найдено. В результате нужно признать, что окончательное решение по вопросу о происхождении земледелия в Египте надо отложить до того времени, когда наука будет располагать более определенными данными.

Точно неизвестно, с какого времени в Египте стали возникать осушительные канавки, каналы и земляные запруды и дамбы для регулирования и защиты полей от разрушительного действия воды, которые в конце концов все вместе и образовали сложную систему орошения, легшую в основу земледелия в Египте⁸.

Как выращивали свои злаковые, ячмень и пшеницу неолитические жители Меримде и Фаюма, достоверно неизвестно. Наиболее вероятным будет предположить, что земледельцы в Египте в V и IV тысячелетии до н. э. сеяли злаковые и под дождь, т. е. земледелие зависело от естественных осадков. Климат в те времена в Северной Африке отличался периодом обильных дождей, достаточных для выращивания злаковых.

⁵ R. Mond and O. Myers, *Cemeteries of Armant I*, London, 1937 (далее — Арм.), р. 227; D. G. Reider, *Ancient Egypt, a centre of agriculture*, — «Cahier d'histoire mondiale», IV, 1958, № 4, pp. 801—817; Д. Г. Редер, *Экономическое развитие Нижнего Египта (Дельты) в архаический период (V—IV тысячелетие до н. э.)*, — Сб. «Древний Египет», М., 1960, стр. 177.

⁶ E. C. Curwen and G. Hatt, *Plough and pasture*, New York, 1953, p. 21.

⁷ G. P. Murdock, *Africa, its peoples and their culture history*, New York — Toronto — London, 1959, p. 382.

⁸ Брантон [G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928 (далее — ВС) р. 48], Б. Б. Пиотровский (Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние изучения додинастического Египта*, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 141), Баумертель [E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947 (далее — СРЕ), р. 46] относят начало устройства первых ирригационных сооружений в Египте ко второму периоду, а Кларк относит к первому периоду (G. Clark, *World prehistory, an outline*, Cambridge, 1961, p. 103).

Само собой разумеется, что Нил приносил тот же ил на поля, который и позднее был источником плодородия полей ранних земледельцев Египта. Иначе трудно было бы представить себе жизнь неолитических жителей Меримде, поскольку жизнь в этом поселении продолжалась долго. Может быть, почва как-то восстанавливала свое плодородие. Не знаем мы также, применяли ли древние обитатели Египта удобрение, хотя Кэтон-Томпсон ставит вопрос о возможности использования навоза в качестве удобрения уже фаюмцами, поскольку она не нашла в их очагах топлива, сухого навоза, а нашла только уголь от сжигания тамариска. Неизвестно, существовала ли у них смена культур при посевах. Не исключена возможность и того, что по мере истощения почвы население переходило к обработке на другие участки полей.

Что касается додинастических поселений Юга, то из всех известных нам поселений лишь Хемамийе дает непрерывность жизни на протяжении долгого периода времени. Весьма вероятно, что большой плотности населения в долине Нила в те времена еще не было и что в то время еще не вся годная для обработки земля обрабатывалась, а оставались участки земли, которые могли быть использованы. Возможно, именно этим объясняется отсутствие во многих додинастических поселениях слоев, показывающих полный цикл развития жизни общества в долине Нила от неолита и до Раннего царства. Создается представление, что додинастическое население Египта, во всяком случае ряда поселений, не жило на одном месте долго. Ветровые заслопы и жилища из плетенок, как мы увидим ниже, было нетрудно построить на новом месте, а домашний скarb был несложен. В целом надо считать, что плотность населения в то время в долине Нила еще не была велика, и при высоких урожаях, которые, вероятно, давала египетская почва уже в то время, население, имея возможность заниматься еще охотой и рыболовством, при наличии домашнего скота пркармливало себя.

Точно не известно, когда население Египта перешло к земледелию, но в неолитических поселениях мы уже находим зерна злаковых культур и сельскохозяйственный инвентарь. Основными орудиями, служившими для обработки земли, были деревянные мотыги или деревянные мотыги с каменными или кремневыми наконечниками. Сяли ячмень и пшеницу. Пшеница, которая выращивалась в те времена в Египте, была полбой (эммером). Особенностью этой пшеницы является то, что для освобождения зерна от оболочки, в которую оно было заключено, требовался дополнительный процесс обработки его (толчение в ступе). Уборка созревшего урожая могла производиться двояким способом: либо колос срезали жатвенным ножом (серп), либо его выдергивали⁹. Молотьба

⁹ Кремневые вкладыши серпов были в употреблении в Фаюме и Меримде. В бадарское время, как думает Брантон, урожай убирали, выдергивая колосья (ВС, р. 41).

производилась на специально утрамбованной площадке, подобной той, которая была обнаружена в Меримде¹⁰. Нельзя с уверенностью сказать, как шел обмолот зерна. Пускали ли по разложенному хлебу скот, как это делалось позже в Египте, или били вручную изогнутыми длинными палками, подобно тому, как это делали до недавнего времени племена мандинго в Западной Африке¹¹.

В начале неолитического времени в зерновые ямы опускали большую корзину, стенки которой обмазывали глиной, чтобы предохранить зерно от попадания туда земли. Позже уже хранили зерно в больших сосудах, погруженных в землю. В Маади при устройстве хозяйственных ям внутренние стенки их обмазывали глиной. Сверху закрывали крышкой. В таких ямах-закромах могли храниться помимо зерна и другие продукты. Поэтому правильнее будет их называть хозяйственными ямами. Неизвестно, подвергалось ли зерно специальной сушке, так как в египетских условиях (жаркое солнце и теплый климат) в этом не было надобности. В зерновых ямах неолитического и энеолитического времени были найдены обуглившиеся зерна ячменя и пшеницы. Иногда на дне одной и той же ямы археологи находят зерна и ячменя и пшеницы¹². Думается, что это было результатом того, что один год в данной яме хранили зерно одного злака, а на другой год в нее засыпали зерно уже другого злака, но при этом на дне оставалось некоторое количество другого зерна от предыдущего года. Находки зерна одного только злака в ямах говорят о том, что древнейшие обитатели Египта знали и отдельный посев злаковых.

Находки зерен и их отпечатков из неолитического поселения Фаюм позволяют нам сделать вывод о преобладании там в то время ячменя в посевах. В Фаюме в восьми ямах, в которых были обнаружены остатки зерен, в двух случаях содержались остатки пшеничных зерен, а в шести других — остатки зерен ячменя¹³.

Археологические находки из погребений и поселений додинастиче-

---

¹⁰ Н. Junker, *Vorbericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Egyptiska Museet in Stöckholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame vom 6. November 1931 bis 20. Jänner 1932*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch — historische Klasse, 69, Jg. 1932, Wien und Leipzig, 1933, Nr I—IV (далее — Mer, III), S. 53; ВС, р. 101.

¹¹ А. Б. Летнев, *Хозяйственный быт мандинго*, — СЭ, 1962, № 3, стр. 60—61.

¹² М. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932 (далее — Maadi I), p. 19; М. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (second preliminary report)*, Cairo, 1936 (далее — Maadi II), pp. 22, 69—70; G. Caton-Thompson and E. Gardner, *The desert Fayum*, London, 1934 (далее — Fayum), pp. 46—47.

¹³ Из восьмисот исследованных отсюда зерен 80% оказалось зернами ячменя и 20% — зернами пшеницы (Fayum, pp. 46—48).

ского времени не дают возможности сделать окончательный вывод о большей распространенности ячменя по сравнению с пшеницей¹⁴. Однако некоторые данные позволяют нам допустить такое же соотношение злаковых пшеницы и ячменя в земледелии додинастического Египта.

По мере надобности зерно бралось из закрома и обрабатывалось. Рельефы Старого царства отображают процесс обработки зерна деревянными пестами в ступках-чашах. От додинастического времени до нас не дошло деревянных пестов и мало дошло каменных и других ступок. Лишь в Маади были обнаружены фрагменты каменных (известняковых) ступок большого размера, как думают Амер и Менгин¹⁵. Эти ямы диаметром до 20 см, служившие, по-видимому, ступками, имели очень твердое дно, специально утрамбованное, а внутренние стенки были обмазаны глиной. Аналогичные ступки-углубления в земле с утрамбованным дном были вскрыты в Меримде¹⁶. Они были расположены вблизи от очагов. Ничего не известно о ступках на Юге. Поэтому остается невыясненным, был ли этот процесс обработки зерна связан с различием в сортах злаковых культур, выращиваемых в различных частях Египта. В Маади, как и в Меримде, толкли зерно в ступках-ямах пестами с целью освободить его от оболочек.

В некоторых додинастических поселениях Верхнего Египта были обнаружены печи, представляющие собой длинные прямоугольные строения из кирпича¹⁷. Внутри печей в два ряда в шахматном порядке расставлялись сосуды-конусы высотой до 0,5 м. Они стоят вершинами к земле и поддерживаются вертикально поставленными стойками — кирпичами. В каждом сосуде-конусе имелась еще чаша, которая предохраняла зерно от подгорания. Вокруг сосудов-конусов разводили

¹⁴ Кеймер исследовал зерна из позднединастического поселения Маади. Он не приводит никакой статистики относительно соотношения зерен пшеницы и ячменя в Маади, но склоняется к мнению, что посев ячменя преобладал над посевом пшеницы. Правда, этот вывод он делает на основании списков жертвоприношений от более позднего времени по сравнению с додинастическим (Maadi II, pp. 69—70). По-видимому, этим же объясняется соотношение количества мешочков с зерном в гробнице Ихечи от времени VI династии (E. Drioton et J. — P. Lauer, *Un groupe de tombes à Saqqarah: Icheti, Nefer-Khouon-Plah, Sébêken-Khent et Ankhi*, — ASAF, vol. LX, 1959, fasc. 2, p. 217, pl. XIII_a). Из девяти мешочков жертвоприношений в восьми мешочках было зерно ячменя и лишь в одном — пшеничное зерно. Много позже на протяжении Среднего и Нового царств происходит постепенное увеличение посевов пшеницы по сравнению с посевом ячменя. В эллинистическое время в Египте уже выращивали пшеницы много больше, чем ячменя (О. О. Крюгер, *Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры*, — ИГАИМ, вып. 103, 1935, стр. 52). Правда, данные о сборе урожая, как указывает О. О. Крюгер (*Сельскохозяйственное производство...*, стр. 52), дошли до нас только с государственных земель.

¹⁵ Maadi I, p. 37; Maadi II, p. 23; Maadi I, p. 20.

¹⁶ Mer. III, S. 53—54, Abb. 3, S. 54.

¹⁷ T. E. Peet, *The cemeteries of Abydos*, pt II, London, 1914 (далее — SAbd II), pp. 7—9, fig. on p. 7; pt III, London, 1914, pp. 5—6.

огонь, на что указывают остатки золы и угля. Вопрос о предназначении этих печей до сих пор не решен. Ясно только, что зерно в этих печах подвергали действию тепла.

Зерно растиралось на каменных зернотерках вручную специальными камнями-курантами. Правда, от додинастического времени до нас не дошло ни одного сита, но, принимая во внимание, что у древних египтян были очень распространены всевозможные плетенки, надо думать, что через эти плетенки можно было пропустить помол для того, чтобы отделить крупу от муки. В Меримде Юнкер нашел сохранившийся фрагмент сита¹⁸.

В некоторых ямах, служивших очагами в неолитическом поселении Фаюма, сохранились в кухонной посуде остатки зерен, кости рыб и животных¹⁹. Очевидно, из них готовили разные похлебки и кашу. Древнейшие обитатели Египта знали хлеб и пиво. До нас дошли остатки пива, обнаруженные в сосудах, датируемых додинастическим временем, и остатки хлебцев-лепешек. Кроме того, найдены глиняные додинастические статуэтки пивовара, разминающего ногами пивной хлеб, из которого готовили этот напиток²⁰. Судя по письменным источникам, хлеб и пиво во время Старого царства были одним из основных видов питания²¹ и входили в заупокойную формулу²². Изображения пивных сосудов имеются и на заупокойных стенах времени Раннего царства²³. Поэтому будет логичным допустить, что и в додинастическом Египте пиво было широко распространенным напитком.

После обмолота зерна оставалась солома, которая также имела применение в древнем хозяйстве. Рубленая солома часто шла в глиняное тесто, из которого лепили посуду. Солому смешивали с поместом домаш-

---

¹⁸ По мнению некоторых авторов, для просеивания продуктов помола в древнем Египте применяли сита из льняной ткани (Н. А. Песомаев, *История техники мукомольного и крупяного производства*, М., 1955, стр. 41). Это положение для Египта нельзя считать доказанным (Mer. III, S. 82). Однако Юнкер не указывает, из какого материала было сделано сито.

¹⁹ Фаюм, pp. 24—25.

²⁰ W. M. Fl. Petrie, *Prehistoric Egypt*, London, 1920. Подробнее о пивоварении в древнем Египте см. мою статью «К проблеме связей между древним Египтом и Двуречьем», — «Проблемы социально-экономической истории древнего мира», М.—Л., 1963, стр. 25—46; ВС, р. 63, № 3924; G. Brunton, *Matmar*, London, 1918 (далее — *Matmar*), р. 13, № 2649; H. Schäfer, *Neue Altertümer der «new race» aus Negadeh*, — *AZ*, Bd XXXIV, 1896, S. 161, Abb. 12.

²¹ Ю. Я. Перепелкин, «Дом-шнау» в Старом царстве — «XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960, стр. 1—26.

²² H. Junker, *Bericht über die von der Akademie der Wissenschaften in Wien unternommenen Grabungen auf dem Friedhof des Alten Reiches bei den Pyramiden der Giza*. Bd I, Wien, 1929, S. 29, Abb. 31, S. 175.

²³ J. E. Quibell, *Archaic mastabas, Excavations at Saqqarah, 1912—1914*, Le Caire, 1923, p. 10, pl. XXVI—XXVII.

него скота для получения сухого топлива. В Хемамиие было обнаружено строение, в котором хранили навоз²⁴.

По-видимому, додинастический Египет знал также и некоторые бобовые культуры, так как в одном додинастическом погребении были обнаружены остатки чечвицы²⁵.

Пищу древнейшие египтяне готовили в грубо слепленной глиняной посуде. На изготовление керамики шла местная глина и ильский ил. Наряду с большими сосудами, предназначенными для хранения зерна и других продуктов, были в ходу разнообразные миски, плошки, кувшины, черпаки и ковши, различные и по форме и по размеру. Додинастические гончары, возможно, не знали гончарного круга и лепили от руки²⁶. Наряду с грубыми сосудами встречаются и сосуды весьма правильной формы с тонкими стенками. Керамика этого времени изобилует богатством форм. По общепринятому мнению, древнейшие гончары обжигали керамику на костре, поскольку до сих пор не обнаружено гончарных печей того времени. Из глины же делались украшения, бусы²⁷. Часть из них не обожжена и не просверлена. Основная часть этих бус имеет биконическую форму.

Нам ничего не известно о додинастических огородных культурах. Можно допустить, что некоторые овощи, как лук, редис, салат и другие, употреблялись в пищу ранними земледельцами Египта, так как в династическое время овощи были широко распространены в Египте. Плохо осведомлены мы и о виноградарстве в древнем Египте. От времени Раннего царства сохранились надписи, в которых упоминается слово «виноградник»²⁸. Кроме того, от того же времени дошла косточка винограда (?)²⁹. Шнебель не без основания считает, что виноградарство в Египте было известно с древнейших времен³⁰. Если даже неправ Питри, пред-

²⁴ ВС, фр. 73, 83, 95. Fayum, p. 25; В Фаюме был найден лишь уголь от сжигания тамариска.

²⁵ Matmar, p. 23, № 3085.

²⁶ Майерс считает, что некоторые сосуды додинастического времени были изготовлены на гончарном круге [Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956 (далее — ДВ), стр. 161; Арм., p. 177].

²⁷ Этот обычай продолжался и в период Раннего царства. Нубийская экспедиция Академии наук СССР 1961/62 гг. под руководством ил. корр. Академии наук Армянской ССР Б. Б. Пиотровского обнаружила в раннединастическом поселении Хор-Дауд в районе Дакки в яме № 30 глиняный сосуд с бусинами из глины.

²⁸ A. Klasens, *The excavations of the Leiden museum of antiquities at Abu-Roash*, — «Oudheidkundige Mededelingen», 1961, p. 124; W. B. Emery, *The tomb of Hemaka*, Cairo, 1938, d. 64; H. Petrie, *Egyptian hieroglyphs of the first and second dynasties*, London, 1927 (далее — Hierogl.), № 393—400.

²⁹ «Die archäologischen Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharff», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), S. 60, № 1051.

³⁰ M. Schnebel, *Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten*, Bd I, München, 1925, S. 239.

положив, что медный нож, найденный в Махасне, не является садовым, можно допустить, что для ухода за виноградниками у древнейших египтян были другие орудия, например мотыги для окапывания и серпы для срезывания лоз и т. д.

Не существует до сих пор единого мнения относительно возможности произрастания в Египте в те времена оливкового дерева³¹.

Помимо злаковых культур выращивали и лен, который шел на выделку нитей, необходимых для ткачества, плетения рыболовных сетей, сшивающая одежда из шкур, кож, льняных тканей и т. п. Из волокна, полуводилось при помощи пряслиц, сучили нить. Выпрядание нити производилось при помощи пряслиц. Кроме каменных пряслиц встречаются пряслища из обожженной глины³² в виде дисков с отверстием, а также из кости³³. Для этой же цели иногда применяли черепки от битой посуды³⁴. Ткачество в Египте было известно уже в неолитическое время³⁵. В додинастическое время ткали, по-видимому, на горизонтальном ткацком станке, изображение которого дошло до нас на керамической чаше. По мнению исследователей, на этой чаше изображена деревянная рама ткацкого станка с натянутыми на ней нитями.

В бадарских погребениях были найдены остатки одежды из грубой льняной ткани³⁶. Среди них встречаются и ткани, у которых часть нитей состоит из какого-то другого грубого растительного волокна³⁷. Что касается окраски тканей, то наряду с тканями, сохранившими свой естественный цвет, имеются также ткани коричневого цвета. Из льняных тканей древнейшие жители Египта делали одежду в виде коротких юбок

³¹ Кеймер отвергает мнение авторов, считавших, что в Египте в древнейшие времена, в том числе и в додинастическое время, произрастали оливковые деревья (L. Keimer, *Die Gartenpflanzen im alten Agypten*, — «Ägyptologische Studien von L. Keimer. Mit einem Geleitwort von G. Schweinfurth», Bd I, Hamburg-Berlin, 1924, S. 30).

³² Maadi I, p. 49; Mer. III, S. 82.

³³ Баумгертель обнаружила костяное египетское пряслище в Эшмолянском музее. Происхождение его, однако, неизвестно [E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London—New York—Toronto, 1950 (далее — СРФ II), p. 12].

³⁴ Уже со времени Раннего царства знак, изображающий верстено, в составе которого имеется и знак, изображающий пряслище вошел в иероглифику: A. H. Gardiner, *Egyptian grammar*, the 3rd ed., Oxford, 1957 (далее — EG), sign-list U₃₁; W. M. Fl. Petrie, *The royal tombs of the earliest dynasties*, pt II, London, 1901, pl. X₃; A. Scharff, *Archäologische Beiträge zur Frage der Entstehung der Hieroglyphenschrift*, — «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften», philosophisch-historische Abt., Jg. 1912, H. 3, München, 1912, S. 41.

³⁵ Семена льна были найдены и в неолитическом поселении Омари [F. Debono, *El-Omari (près d'Héliouan) exposé sommaire sur les campagnes des fouilles 1943—1944 et 1948*, — ASAE, 1948, fasc. 2 (далее — Debono, *Omari*), p. 568; G. Brunton, *Mostagedda and the Tasian culture*, London, 1937 (далее — Mostag.), p. 27.

³⁶ BC, p. 51, pl. XXXVII таб., № 3802 (37—48); S. Cole, *The neolithic revolution*, London, 1959, fig. 28b, pp. 44—45; BC, p. 40.

³⁷ BC, p. 67. Может быть, в этом можно видеть переходную ступень от плетения к ткачеству.

и длинных одежд³⁸. На покойниках поверх льняной одежды часто бывает надета меховая одежда.

Из льняного семени можно получить льняное масло, которое наряду с касторовым маслом³⁹ могло применяться как в пищу, так и при изготовлении косметических веществ и др.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Кости домашних животных, глиняные статуэтки этих же животных и их изображения на керамике, палетках и других предметах, найденные в неолитических и энеолитических поселениях и погребениях, говорят о занятии населения Египта животноводством уже начиная с неолитического времени.

Однако необходимо оговорить, что костные остатки как домашних, так и диких животных и птиц очень плохо изучены. Кости животных, обнаруженные при археологических раскопках в Египте, не подвергались исследованию с точки зрения их одомашнивания. Не всегда известно, какому животному принадлежат в каждом отдельном случае кости, обнаруженные в древнейших слоях Египта⁴⁰. Издания по археологии пестрят такими определениями, как «кости какого-то животного». Относительно костных остатков, найденных в поселениях и погребениях, не приводится даже самой элементарной статистики, которая могла бы дать ответ на вопрос о процентном соотношении костей домашних и диких животных, мясо которых употреблялось в пищу древними обитателями Египта. Статистические данные помогли бы решить вопрос о месте каждого данного домашнего животного в хозяйстве.

По мнению Боголюбского, часть древнеегипетских домашних животных и птиц, как-то: бык, собака, свинья, осел, кошка, антилопа, гепард, гуси, утки — африканского происхождения, поскольку их предки жили в Северной Африке⁴¹. Однако, по его мнению, сам процесс одомашнивания животных, включая овцу и козу, не произошел в долине Нила. Домашние животные якобы попали сюда из сопредельных с Египтом областей. В качестве основного довода автор выставляет отсутствие в долине Нила наскальных рисунков с изображениями домашних живот-

³⁸ Mostag., pp. 23, 93; ВС, p. 40; Mostag., p. 48; G. A. Reisner, *The archaeological survey of Nubia. Archaeological report, for 1907—1908*, vol. I, Cairo, 1910, 116:17:7.

³⁹ Семени клещевины, из которой получают касторовое масло, были найдены в Балари и других местах (ВС, p. 38, 41; Maadi II, pp. 53, 71). Клещевина и сейчас растет в Северной Африке в диком виде. Возможно, что и в древности в Египте культивировали это растение [А. Лукас, *Материалы и ремесленные производства древнего Египта* (далее — МРП), М., 1958, стр. 509].

⁴⁰ Maadi I, p. 52.

⁴¹ С. Н. Боголюбский, *Происхождение и преобразование домашних животных*, М., 1959, стр. 28—38. Указанием на эту книгу мы обязаны В. М. Массону.

ных эпохи неолита. Нам известно, что точная датировка их сейчас немыслима, да и изображения на скалах не всегда настолько точны, чтобы можно было обнаружить в изображениях животных признаки одомашнивания и т. д. Кроме того, автор не называет те сопредельные с Египтом районы, которые, по его мнению, являются первыми центрами одомашнивания животных в Северной Африке. Поэтому мы не считаем возможным согласиться с мнением Боголюбского. Рид, изучавший костные остатки животных в Джармо (Курдистан) и стоящий на тех же позициях, что и Брейдвуд, Баумгертель и другие авторы, считающие первоначальными центрами выращивания злаковых культур и разведения домашних животных Переднюю Азию, вынужден, однако, признать, что одомашнивание животных происходило и в Передней Азии и в Египте, но идея одомашнивания, по его мнению, пришла в Египет из Передней Азии⁴².

В неолитических и энеолитических слоях Египта были найдены кости крупного рогатого скота (быка), кости мелкого рогатого скота (овцы и козы), свиньи, собаки и кошки. Кости осла засвидетельствованы лишь для второго периода, хотя изображение осла известно на сосуде первого периода⁴³. Вероятно, что перечень животных и птиц, которых одомашнивали в додинастическом Египте, можно было бы расширить. Например, древние египтяне во время Старого царства охотно употребляли в пищу мясо гнел, которых с этой целью специально откармливали⁴⁴.

Возможно, что приручению подвергались также и ихневмоны и некоторые птицы, как гусь, утка и другие пернатые, но точные данные об этом у нас отсутствуют.

В бадарских слоях были обнаружены кости черепа с большими рогами⁴⁵. Юнкер рассматривал глиняную модель, найденную в Меримде, как изображение головы быка с большими рогами⁴⁶. Большие же ро-

⁴² С. А. Reed, *Animal domestication in the Near East*, — «Science», vol. 130, 1959, p. 1637.

⁴³ СРФ, р. 30.

⁴⁴ M. Murray, *Saqqara mastabas*, London, 1905, p. 29, pl. VII.

⁴⁵ ВС, р. 38.

⁴⁶ H. Junker, *Bericht über die Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame (Westdelta) I. bis 30. März 1929*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 66, Jg. 1929, Wien und Leipzig, 1930, Nr XVI—XVII (далее — Mer. I), S. 219; *Bericht über die von Akademie der Wissenschaften in Wien in Verbindung mit dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf neolithischen Siedlung von Merimde-Benisalame von 2. Jänner bis 20. Februar 1933*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 70, Jg. 1933, Wien und Leipzig, Nr XVI—XXVI (далее — Mer. IV), S. 81; *Bericht über die fünfte von der Akademie der Wissenschaften in Wien und dem Egyptiska Museet in Stockholm unternommenen Grabungen auf der neolithischen Siedlung Merimde-Benisalame vom 13. Februar bis 26. März 1934*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 71, Jg. 1934, Wien und Leipzig, 1935, Nr X (далее — Mer. V), S. 132.

та мы видим на изображениях быков на сосудах первого периода (табл. 1, 7)⁴⁷. К сожалению, многочисленные находки костей из всех трех слоев поселения Арманта и в додинастическом поселении Иеракополь⁴⁸, а также находки в неолитическом поселении Фаюм и Омари и в додинастическом поселении Фаюм не дали находок рогов⁴⁹. Поэтому нельзя с уверенностью сказать, к какой породе крупного рогатого скота эти животные относились. Возможно, что ранние земледельцы Египта разводили несколько пород крупного рогатого скота: буйволов, быков с короткими и длинными рогами. Ранние земледельцы Египта своих покойников завертывали в козлиные шкуры⁵⁰.

О происхождении североафриканской овцы и козы, которые зоологически настолько близки, что очень трудно точно разграничить их при изучении костных остатков, в науке не существует единого мнения. До сих пор в Северной Африке не найдено костей дикого предка овцы и козы. Часть исследователей полагают, что овца и коза пришли сюда из Передней Азии уже в одомашненном состоянии. Бейт и С. Н. Боголюбский придерживаются другого мнения⁵¹. Бейт считала, что одомашненная в неолитическое время в районе Хартума коза была африканского происхождения. С. Н. Боголюбский допускает, что древние породы североафриканской овцы могли произойти от вымерших диких овец, обитавших в Северной Африке в мезолите, поскольку Африка еще и теперь отличается своеобразием пород овец. Древнейший египетский вид барана с горизонтальными, в сторону направленными рогами известен по костным остаткам и по изображениям⁵². Помимо этой овцы, возможно, была одомашнена и берберийская овца, водившаяся в Северной Африке в древности, как и в наши дни; существуют совместные изображения домашней козы и берберийской овцы (табл. 1, 6)⁵³.

⁴⁷ BC, pl. XXXVIII_{49K}; E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911 (далее — СМаш), p. XIV₃.

⁴⁸ Arm., p. 254; G. Brunton, *The predynastic town-site at Hierakonpolis*, studies pres. to F. Ll. Griffith, London, 1932, p. 273.

⁴⁹ Fayum, p. 34; Debono, *Omari*, p. 568; Fayum, p. 71.

⁵⁰ Debono, *Omari*, p. 568; BC, p. 67; СМаш, pp. 20 (H-128), 21 (H-4), 22 (H-107).

⁵¹ С. Н. Боголюбский, *Происхождение и преобразование домашних животных*, стр. 274; A. J. Arkell, рец. на кн.: E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1955, — «Bibliotheca Orientalis», Jg. XII, № 3/4, 1956 (далее — Arkell, BO, XIII), p. 126.

⁵² Arm., p. 254; W. M. Fl. Petrie, *Diospolis Parva. The cemeteries of Abadiyeh and Hu*, London, 1901, pl. VI B-100; СМаш, pl. XXI_g.

⁵³ W. M. Fl. Petrie and J. E. Quibell, *Naqada and Ballas*, London, 1896 (далее — Наа.), № 1644; СРЕ, pl. VIII₄₋₅; Мы не можем согласиться с Баумгартель, которая, как и многие другие исследователи, уделяет слишком большое внимание тому, что домашняя овца и коза были введены в Египет, но совершенно умалчивает о том, что помимо них в Северной Африке и, следовательно, в Египте были одомашнены африканские животные, а также и птицы (см. СРЕ, p. 24).

До сих пор в литературе известны лишь единичные случаи находок шерстяных нитей и тканей от додинастического времени, причем не установлено, из шерсти какого животного эти нити были изготовлены⁵⁴. Не найдено также орудий, которые можно было бы считать орудиями для обработки шерсти. Поэтому мы затрудняемся сказать что-либо определенное об использовании шерсти в додинастическое время⁵⁵.

Мы, к сожалению, не знаем данных о приручении антилопы в додинастическое время, но в Раннем царстве антилопа в Египте, возможно, была приручена. Об этом свидетельствует находка амулета в виде антилопы, у которой на шею висит шейное украшение точно такое же, как и на шее жертвенного животного, быка, который, конечно, был домашним⁵⁶. По времени Раннее царство отстоит очень близко от додинастической эпохи, и мы можем допустить, что и в додинастическое время были попытки ее приручения.

Крупный и мелкий рогатый скот разводился в целях получения мяса⁵⁷, молока⁵⁸, рогов и копыт, шкур и кишок⁵⁹. Для обработки шкур у ранних земледельцев Египта был большой набор орудий. Сначала разнообразные кремневые ножи и кинжалы, скребки и скребла, а позже к ним присоединилось медное оружие: кинжалы, так называемые свежесвальные ножи. Некоторые виды скота, возможно, использовались при обмолоте зерна (скот прогоняли по разостланному хлебу). Из источников более позднего времени мы знаем, что овцы и свиньи использовались для затаптывания посеянного зерна в почву и для предохранения зерна от посязания птицами. Не исключена возможность такого же применения свиней и в более ранние времена.

Для решения вопроса о приблизительном хотя бы соотношении крупного и мелкого рогатого скота данные появляются лишь на рубеже додинастического и раннединастического времени. На основании остеологического материала можно лишь предположить, что крупного рогатого скота было меньше, чем мелкого рогатого скота⁶⁰. Костей крупного

⁵⁴ МРП, стр. 240.

⁵⁵ Может быть, это связано с тем, что овцы, которые в то время разводились, не давали годной для обработки шерсти.

⁵⁶ G. A. Reisner, *The early dynastic cemeteries of Naga-ed-Dêr*, — «Egyptian archaeology», vol. II, pt I, Leipzig, 1908, pl. 62—3.

⁵⁷ Мясо было найдено во многих местах в додинастических поселениях и погребениях (Maadi II, p. 53).

⁵⁸ Мы, к сожалению, не знаем, готовили ли ранние земледельцы Египта масло. Что касается сыра, то некоторые исследователи считают, что сыр уже готовили в Раннем царстве (Ahmed Zaky and Zaky Iskander, *Ancient Egyptian cheese*, — ASAF, vol. XLI, 1942, pp. 295—313).

⁵⁹ МРП, стр. 76; Mostag., p. 60.

⁶⁰ Д. Г. Редер, *Из истории одного древнеегипетского города (Ермонт, Армант)* ВДИ, 1948, № 2, стр. 144. Автор считает, что в Арманте крупного рогатого скота было больше, чем мелкого рогатого скота. Вопрос еще ждет своего решения.

рогатого скота встречается в захоронениях гораздо меньше, чем мелкого рогатого скота⁶¹. Можно, правда, возразить, что крупный рогатый скот представлял собой большую ценность и поэтому старались меньше убивать коров и быков⁶², которых изображают на памятниках на первом месте⁶³. На булаве Нармера⁶⁴ по количеству быки явно намного уступают мелкому рогатому скоту, который представлен в данном случае козами (400 тыс. быков и 1422 тыс. коз). Шнцбель пишет об огромном преобладании мелкого рогатого скота над крупным рогатым скотом в Египте в эллинистическое время⁶⁵. Возможно, что сходное положение было уже и в более раннее время — в додинастическое время. Отчасти это может быть объяснено тем, что овцы и в особенности козы были неприхотливы в пище. Грубый веточный корм, жесткие колючки и кустарники являются их основным кормом. Именно эта неприхотливость мелкого рогатого скота и делает его практически более выгодным животным. Крупному рогатому скоту нужна трава. В долине Нила скот мог найти себе траву во всяком случае в течение значительной части года. Козы и овцы и во время разливов Нила могли добыть себе веточный корм в районах к западу и к востоку от долины реки. Сложнее обстояло дело со скотом, который мог питаться только травой⁶⁶. В поисках пастбищ в период отсутствия дождей ему надо было иногда проходить немалое расстояние по существовавшим тогда здесь саваннам, чтобы найти и траву и водопой. Географические условия в Ливийской пустыне в конце первого периода ухудшаются и, следовательно, пастбища там немногие уменьшились. Несколько лучше обстояло дело с Аравийской пустыней. Но здесь под действием жгучих лучей летнего солнца трава могла местами выгореть, и для прокорма крупного рогатого скота пастухам приходилось искать места, где можно было надеяться на то, что под тенью деревьев сохранилась трава⁶⁷.

О выращивании же в Египте того времени растений, которые могли

⁶¹ В человеческих захоронениях обнаружены кости крупного рогатого скота, но гораздо чаще можно встретить в погребениях кости и полные скелеты крупных копытных, принадлежность которых к определенному виду животных не всегда точно установлена.

⁶² Этим, по мнению Д. А. Ольдерогге, объясняется и относительная редкость изображений овец и коз на наскальных рисунках. Древний человек старался изобразить наиболее ценный крупный рогатый скот.

⁶³ G. Steindorff, *Eine neue Art ägyptischer Kunst*, — «Festschrift für G. Ebers, Ägyptica», Leipzig, 1897, S. 123.

⁶⁴ Hierakonpolis, pl. XXVI B.

⁶⁵ H. Schnébel, *Die Landwirtschaft im hellenistischen Ägypten*, Bd. I.

⁶⁶ Брантон полагает, что в бадарское время скот мог еще найти себе корм в близлежащих районах, граничащих с современной пустыней (BC, p. 40).

⁶⁷ На ряде сосудов додинастического времени изображены животные, по-видимому домашние, которые пасутся [D. Randall-Maciver and A. C. Mace, *El Amrah and Abydos*, London (далее — Амраһ), pl. XV^{срн}]. По этим изображениям, однако, нельзя решить вопрос о месте расположения пастбища.

бы быть применены в качестве кормов, мы ничего не знаем. В Меримде, Омари и Маади были обнаружены зерна вики, но неизвестно, шла ли она на фураж⁶⁸.

Костные остатки свиньи встречаются сравнительно часто в неолитическом поселении Меримде и в Фаюме⁶⁹, а также в додинастическом поселении Маади. Несколько меньше их найдено в более южных поселениях, как-то Омари и Хемамийе, Арманте и других местах⁷⁰. Очевидно, свинина и кабанье мясо занимали видное место среди продуктов питания земледельцев Египта. Из зуба свиньи делались украшения, подвески⁷¹.

Археологи обнаружили лишь в одном додинастическом поселении в Маади кости осли⁷². Несомненно, ранние земледельцы Египта знали домашнего осли. Об этом говорят помимо найденных костных остатков осли и фигурки осли, вырезанные из слоновой кости и бивня бегемота⁷³. По вопросу о времени начала одомашнивания осли не существует единого мнения⁷⁴. Некоторые исследователи думают, что осли в додинасти-

⁶⁸ H. Junker, *Vorläufiger Bericht über die zweite Grabung der Akademie der Wissenschaften in Wien auf der vorgeschichtlichen Siedlung Merimde-Benisalame vom 7. Februar bis 8. April 1930*, — «Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien», philosophisch-historische Klasse, 67, Jg. 1930, Wien und Leipzig, 1931, Nr V—XIII (далее — Mer. II), S. 44.

⁶⁹ Mer. I, S. 318; Mer. IV, S. 88; Fayum, p. 34. Возможно, что часть костей свиньи, найденной в Меримде и Фаюме, могла принадлежать дикому виду этого животного поскольку он водился в болотах Фаюма и Дельты до недавнего времени и мог, следовательно, быть объектом охоты и в древнейшее время (P. Newberry, *The pig and the cult-animal of Set*, — JEA, vol. XIV, 1928, p. 255). Надо думать, что кости свиньи, обнаруженные в додинастических поселениях Юга, принадлежат домашней свинье, так как у нас отсутствуют данные относительно обитания дикой свиньи в то время в Верхнем Египте.

⁷⁰ Maadi I, pp. 51—52; Maadi II, p. 51; Debono, *Omari*, p. 567; BC, pp. 77, 85, 86; Arm., p. 255; Cl. Gaillard, *Contribution à l'étude préhistorique de l'Égypte*, — «Archive du musée d'histoire naturelle de Lyon», vol. XIV, [1934], Mémoire III (далее — Gaillard, *Faune préhistorique de l'Égypte*), pp. 66—69. В Тухе были найдены кости домашней свиньи, которая представляла собой совершенно отличную от известных Гайяру пород свиней, распространенных в Европе и Африке.

⁷¹ Maadi II, p. 51; Mer. II, S. 61

⁷² Arm., p. 255, n. 6. Упоминается о находке костей осли лишь в Маади, хотя в издании археологического материала из Маади не упоминается о такой находке.

⁷³ SMah, p. 11, pl. XII₂, p. 14, XIX₂. Эту фигурку авторы издания считают коровой или собакой, а Баумгертель считает фигуркой осли (табл. 4, 6) (СРЕ, p. 71).

⁷⁴ Одни полагают, что осли был одомашнен лишь в позднедодинастическое время ливийцами, поскольку и на территории Ливийской пустыни водился в древности осли. Другие думают, что дикий осли был одомашнен где-то к югу от Египта (M. Hiltzheimer, *Natürliche Rassengeschichte des Haustiers*, Berlin—Leipzig, 1928, S. 139; G. P. Murdock, *Africa...*, p. 105). От времени начала Раннего царства до нас дошел памятник, нами уже неоднократно рассмотренный, где изображены в качестве добычи из Ливии и ослы. Вероятно, осли, водившийся в Египте в верхнем палеолите, был одомашнен очень рано в период неолита или энеолита (P. Montet, *L'Égypte préhistorique (L'Homme avant l'écriture)*, ed. A. Varagnac et al., [Paris], 1959, p. 246).

ческое время мог использоваться уже в качестве вьючного животного⁷⁵ при сношениях Египта с соседними странами, а также и для связи районов внутри Египта. Это тем более вероятно, что осел очень выносливое животное и неприхотлив в пище.

В числе домашних животных нужно упомянуть кошку и собаку, кости которых также найдены в древнейших слоях Египта. Судя по костным остаткам, там было в то время два вида кошек. Очевидно, кошка в древности, так же как и современная домашняя кошка, помогала человеку оберегать пищевые продукты, запасы от грызунов⁷⁶. Не исключена также возможность, что еще в додинастическое время кошка помогала человеку охотиться в болотных зарослях (при ловле птиц), подобно тому как это имело место в фараоновское время.

Более важное место занимала в жизни древнего человека собака. Костные остатки собаки обнаружены уже в неолитических поселениях Меримде и Омари⁷⁷. Они встречаются либо в человеческих погребениях, либо в отдельных могилах. Шарфф в 1926 г. считал, что одной из особенностей погребения первого периода является то, что среди захоронений встречаются совместные погребения человека и собаки⁷⁸. Объясняется это обычно тем, что в первом периоде охота играла еще значительную роль. При этом, однако, сам Шарфф отметил, что имеются захоронения и второго периода, в которых были обнаружены вместе скелет человека и собаки. Кроме того, некоторые из могил, которые Шарфф рассматривал как могилы первого периода, при дальнейшем исследовании оказались захоронениями второго периода⁷⁹. Очевидно, обычай хоронить человека вместе с собакой возник первоначально вследствие важности той роли, которую играла собака на охоте. Во втором периоде встречаются захоронения собак в отдельных могилах⁸⁰. По-видимому, это объясняется тем, что собака продолжает играть определенную роль в хозяйстве этого времени — как помощник человека в охоте, в уходе за скотом (на пастбище), в охране жилищ и поселения от хищных животных.

Нельзя обычай совместного захоронения собаки и человека, как и отдельных захоронений собак, ставить в связь только со значительным местом, которое якобы продолжает играть охота в хозяйстве этого периода.

⁷⁵ ДВ, стр. 112—113; Арм., p. 255.

⁷⁶ ВС, p. 19; Mostag, p. 57, № 330; Dia'Abou-Ghozi, *Die Katze, in Religion and Leben im Alten Ägypten*, — «Das Altertum», Berlin, Bd 9, 1963, H. I, S. 115.

⁷⁷ Мер. I, S. 219; Debono, *Ouari*, p. 568.

⁷⁸ Abusir, S. 75.

⁷⁹ Ibid., S. 75, Ann. 2; R. Engelbach, *Harageh*, London, 1923, pl. 55; CPE II, p. 123.

⁸⁰ ВС, p. 94; Naq., p. 26.

ОХОТА, РЫБОЛОВСТВО И СОБИРАТЕЛЬСТВО

Несмотря на то что земледелие и скотоводство еще в неолите прочно вошли в хозяйство Египта, охота продолжала оставаться некоторым подспорьем в хозяйстве. Роль собаки как помощника в охоте была велика: с ее помощью выслеживали дичь и в первую очередь антилопу и газель⁸¹.

О том, какое место занимала охота в жизни населения Египта того времени, видно по тем изменениям, которые претерпело охотничье вооружение на протяжении первого и второго периодов. В неолитическое время для охоты применялись наконечники стрел треугольной формы и треугольной формы с выемкой у основания или с выступом у основания. Острие наконечника было той основной частью орудия, которая поражала дичь. В додинастическое время наряду с этими формами наконечника возникает новая форма наконечника стрелы и копья.

В конце додинастического времени входят в употребление на Севере наконечники треугольной формы с так называемым поперечным лезвием. Эти орудия с поперечным лезвием уже не только колют, но и режут. До нас дошел лишь один медный наконечник стрелы додинастического времени.

Мы уже высказывали предположение, что наконечники стрел изготавливались, помимо кремня, также из дерева, слоновой кости и обыкновенной кости. Из дерева изготавливались палицы и бумеранги. Простые луки делались из дерева, а двойные луки нуждались добавочно еще в роговом материале. Допустимо также, что в некоторых частях Египта для охоты имели значение напершия булавы и праща. По мнению исследователей, камни, найденные в некоторых неолитических и энеолитических поселениях, были предназначены для метания пращей. Могли иметь применение так называемые свежевальные похи. Кроме того, некоторых диких животных ловили при помощи лассо⁸². Судя по находкам остатков животных и по рисункам и изображениям их на гребнях и шпильках, фауна Египта в эпоху неолита и энеолита включала бегемота (табл. 2, 14; 4, 9), слона (табл. 6, 23), льва⁸³ (табл. 4, 19), шакала, гиену, лисицу⁸⁴, дикую собаку, ихневмона, зайца, дикобраза, жирафу⁸⁵, антилопу, газель, дикого быка. На основании тех же данных видно, что из числа пресмыкающихся какое-то значение для населения име-

⁸¹ СМаш, р. 14, pl. XXVII²; СРЕ, р. 30; СРЕ II, р. 95.

⁸² ДВ, табл. XII. В иероглифику вошел знак «лассо» (EG, sign-list, V₄).

⁸³ По мнению Баумгартеля, в могиле № 1503 в Нагате были найдены кости **льва** (СРЕ II, р. 73), а Оркелл считает их птичьими когтями (Arkell, VO, XIII, p.27).

⁸⁴ ВС, р. 18, pl. III².

⁸⁵ СМаш, р. 34, pl. XXIV².

ли крокодилы⁸⁶, черепахи⁸⁷, ящерицы и змси. О птицах и рыбах речь будет идти ниже.

Нам известно, какое применение имели трубчатые кости бегемота в устройстве жилищ в Меримде и Маади. Ряд исследователей не без основания думают, что в Фаюме, Меримде и Маади население употребляло в пищу мясо бегемота, поскольку там были найдены кости этого животного⁸⁸. Помимо того, бегемот давал очень толстую кожу (до 2 см), жир; в работу также шел его клык. Все указанные материалы использовались человеком. Майерс высказывал предположение о приручении бегемотов древнейшими жителями Египта, поскольку от додинастического времени дошли изображения бегемота на привязи⁸⁹. Трудно сказать, насколько приемлемо последнее предположение, но несомненно, что бегемот имел некоторое хозяйственное значение для неолитического и додинастического населения Египта, в особенности в его северных пределах.

В 1926 г. Шарфф отметил, что для керамики первого периода является характерным частое изображение бегемота и слона⁹⁰. Баумгертель подметила, что помимо бегемота на керамике часто встречается изображение оленя или антилопы⁹¹. На основании этих изображений она делает вывод о том, что охота в первом периоде занимала одно из главных мест в хозяйстве и она была источником существования. Действительно, изображения бегемота, как и слона и антилопы, часто встречаются в первом периоде, но на этом и на основании находок совместных захоронений человека и собаки в первом периоде нельзя делать вывода о главенствующем значении охоты в экономике Египта⁹². Наличие большого количества изображений и статуэток животных, в том числе и бегемота, в конце додинастического времени и в более позднее время не приводит ведь исследователей к такому выводу относительно изображений животных и охоты в додинастическое время. Поэтому можно только ограничиться выводом, что охота в первом периоде, ввиду многочисленности дошедших от него изображений диких животных, имела для хо-

⁸⁶ Кости крокодила были обнаружены в Фаюме (Fayum, p. 34), Омари (Debono, *Omari*, p. 567), в Бадари (BC, p. 41), в Арманте (Arm., p. 255). Брантон полагал, что крокодил имел хозяйственное значение, но не конкретизирует своего предположения. См. также сцену охоты на крокодила (CPE II, p. 19, n 1 и CPE, pl. XI).

⁸⁷ Fayum, p. 34; Mostag., pp. 5, 24, 57; Debono, *Omari*, p. 567; Arm., p. 225; Maadi I, p. 52; Gaillard, *Faune préhistorique de l'Égypte*, p. 97.

⁸⁸ Fayum, p. 34; Debono, *Omari*, p. 567; Mer. I, S. 216; Mer. IV, S. 67, 80—81; Mer. V, S. 124, 132.

⁸⁹ Arm., pp. 41—42; CMah, pl. XXXIII₁₃.

⁹⁰ A. Scharff, *Some prehistoric vases in the British museum and remarks on Egyptian prehistory*, — JEA, vol. XII, 1926, p. 269.

⁹¹ CPE, p. 30.

⁹² B. V. Bothmer, *A predynastic Egyptian hippopotamus*, — «Bulletin of Museum of fine arts in Boston», vol. XLVI, pp. 64—69; CMah, pl. XXVII₁₂.

зайства Египта несколько большее значение, чем в последующие времена.

Среди животных, на которых охотились в додинастическое время, было несколько видов антилопы и газели.

В числе костей из додинастических поселений находят нередко и кости птиц, из которых изготовлялись некоторые орудия, как иглы, проколки, а также и различные предметы украшения. Огромное количество птиц водилось в Египте и в более позднее время, и можно вполне допустить, что утки, гуси, страусы⁹³ и другие птицы⁹⁴, водившиеся в Египте, позднее, жили там и в древнейшие времена и были объектом охоты. Бумеранги — орудия охоты на птиц — дошли от додинастического времени. Встречаются также фрагменты скорлупы страусовых яиц, служивших сосудами⁹⁵. Из скорлупы страусовых яиц делались бусы⁹⁶, на скорлупу иногда наносили рисунок⁹⁷. Птичье перо прикреплялось, по-видимому, в додинастическое время к древку стрелы для большей устойчивости полета стрелы.

Найдены также и страусовые перья; засвидетельствованы также и перья пошлой цапли⁹⁸. По-видимому, перьями древнейшие обитатели Египта украшали голову, прическу, поскольку на чаше Голенищевского собрания и на палетке «охоты на льва» изображены люди с пером на голове. То же мы наблюдаем и на наскальных рисунках⁹⁹.

Шкуры, снятые с убитых животных, как домашних, так и диких, подвергались обработке, о методах которой известно очень мало. По мнению исследователей, орудия, при помощи которых производили первоначальную обработку шкур, были в основном кремневые¹⁰⁰. В качестве дубильного вещества, как показали химические анализы, применялись стручки акации, богатые таннином¹⁰¹. Обработка кож и шкур, несомненно, была развита уже в древнейшие времена, как доказывают

⁹³ Дерри установил, что кости птиц из Омари принадлежат страусу (Debono, *Omarî*, p. 567). Изображения птиц на додинастических памятниках см.: табл. 4,5; 4,2; 4,20.

⁹⁴ Гребни и шпильки додинастического времени часто сверху украшены изображениями диких животных, рогов и также фигурками птиц, не всегда, правда, отождествляемыми с какими-нибудь определенными видами птиц. В додинастическом поселении Тухе были обнаружены кости белого аиста, журавля и пурпурной цапли (Gailard, *Faune préhistorique de l'Égypte*, pp. 91—94).

⁹⁵ Debono, *Omarî*, p. 567; Maadi I, p. 51.

⁹⁶ Mostag., p. 91; BC, p. 28; Matmar, p. 14.

⁹⁷ H. Kantor, *A predynastic ostrich egg with incised decoration*, — JNES, vol. VII, 1948, pp. 46—51; Naq., p. 28 (№ 1480).

⁹⁸ BC, pp. 28, 38; Mostag., pp. 58, 91.

⁹⁹ H. A. Winkler, *Rock-drawings of Southern Upper Egypt*, vol. I, London, 1938, pp. 35—39.

¹⁰⁰ BC, p. 76.

¹⁰¹ МРП, стр. 83—85.

находки меховых одежд, кожаных ремней¹⁰², мешочков¹⁰³, небольших свитков кож¹⁰⁴, плетенки из кож¹⁰⁵ и др.

При помощи кожаных ремней, как и веревок, прикреплялись многие кремневые, каменные додинастические орудия к рукояткам, поскольку у египетских орудий этого времени не было проушин. До нас дошли только обрывки узеньких ремней, на которых подвешивались амулеты и другие украшения.

В погребениях неолитического и энеолитического времени часто находят в Египте одежду из овечьих и газельих шкур. Шивали одежду льняными нитями, причем стежки при шивании шкур применяли те же, что и в современном скорняжном деле. В некоторых случаях покойников просто заворачивали в шкуру. Из меха же иногда делали головной убор¹⁰⁶. Юнкер предполагал, что шкуры клали поверх крыши хижин для сохранения тепла¹⁰⁷.

От додинастического времени не сохранилось бурдюков для хранения жидкости, но Питри считал, что костяные и каменные изделия, так называемые затычки, служили пробками в бурдюках. Возможно, что такие бурдюки существовали и в додинастическое время, так как в династическое время они были в употреблении¹⁰⁸. Об использовании кожи для изготовления сандалий этого времени мы не можем сказать что-либо определенное, так как от додинастического времени до нас дошла лишь пара моделей сандалий из слоновой кости, на которых были нанесены линии, обозначающие, вероятно, ремни или веревки, при помощи которых прикреплялись сандалии к ногам¹⁰⁹.

Немаловажную роль в хозяйстве населения древнейшего Египта играла рыбная ловля. Нил, как и озеро в Фаюме, изобилует рыбой. В Ниле водились самые разнообразные рыбы.

Из рыб, шедших в пищу додинастического населения помимо тех рыб, кости которых не поддаются определению, часто попадаются кости нильского окуня. В неолитических и додинастических поселениях нередко находят кости этой рыбы¹¹⁰. Из рыбных позвонков иногда делали бусы. Ловля рыбы производилась как гарпунами, так и крючками и се-

¹⁰² СРЕ II, pp. 107—109 (Naq., № 1583).

¹⁰³ Mostag., p. 58, № 2224, 2229.

¹⁰⁴ Naq., pl. LXIV_{103,104}, № 1562; см. СРЕ II, p. 49.

¹⁰⁵ BC, p. 67.

¹⁰⁶ Mostag., pp. 93, 47.

¹⁰⁷ Mer. I, S. 242.

¹⁰⁸ Среди иероглифов Раннего царства встречается знак, изображающий бурдюк (Hierogl., pl. XI_{262—264}), сохранившийся и позднее (EG, sign-list, p. 465, F₃₀).

¹⁰⁹ На палетке Нармера (Hierakonp. I, pl. XXIX) и на булаве Нармера (Hierakonp. I, pl. XXVI B) изображен человек, несущий сандалии фараона.

¹¹⁰ Fayum, p. 34; BC, p. 33; Debono, *Otari*, p. 567; BC, pp. 86, 94; CAbyd II, p. 7; Gaillard, *Faune préhistorique de l'Égypte*, p. 99.

ями¹¹¹. Надо думать, что додинастическое население Египта консервировало рыбу, ибо в африканских условиях съезжая рыба очень скоро портилась¹¹².

К орудиям, применявшимся при рыболовстве, относятся накопечники гарпунов из рога, кости, слоновой кости и меди, рыболовные крючки из меди, раковин и, может быть, также из слоновой кости. Для плетения сетей употреблялись и медные крючки и деревянные иглы-крючки¹¹³.

Ранние земледельцы Египта, несомненно, использовали некоторые дикорастущие растения (съедобные корни, плоды, ягоды), черепашьи яйца, яйца страусов и других птиц, моллюсков и многое другое, подобно тому как это имело место в Египте много позже, в эллинистическую эпоху¹¹⁴. По мнению Текхолм, в пищу додинастического населения шли и части растения («растение Нагады»), часто встречающегося на расписной керамике того времени¹¹⁵. До нас это растение считалось алоэ. Текхолм же идентифицировала его с абиссинским бананом¹¹⁶. Однако у нас нет основания считать, что это растение было одним из основных продуктов питания жителей Египта того времени¹¹⁷, так как выше мы видели, что уже с бадариского времени начинается выращивание злаковых культур в Верхнем Египте, а в Нижнем и Среднем Египте — с неолитического времени. Столь частое изображение этого растения, вероятно, можно объяснить его необычайной декоративностью.

В глубокой древности в Египте в пищу в большом количестве употреблялись моллюски. В неолитических и энеолитических поселениях найдено много раковин¹¹⁸. Собираание моллюсков практиковалось еще в

¹¹¹ Остатков сетей помимо грузил не дошло до нас от древнейших времен, но в иероглифику вошел знак, изображающий сеть (EG, sign-list, T₂₄). Правда, по мнению Гардинера, эта сеть в фараоновское время употреблялась и для охоты (см. EG, p. 514).

¹¹² В Хематисе (BC, p. 94) и в Маади (Maadi II, p. 53) было найдено в яме и в сосуде много рыбных костей. Такое совместное хранение большого количества рыбы предполагает умение консервировать рыбу.

¹¹³ Возможно также, что для плетения рыболовных сетей в додинастическое время употреблялись не дошедшие до нас деревянные иглы, вошедшие в иероглифику уже в Раннем царстве (Hierogl., pl. XXXVI₃₄₅₋₃₄₉).

¹¹⁴ В. В. Струве, *Общественный строй эллинистического Египта*, — «Вопросы истории», 1962, № 2, стр. 78.

¹¹⁵ V. Laurent-Täckholm, *The plant of Naqada*, — ASAE, vol. LI, 1951, pp. 299—312. По данным ботаники «растение Нагады» *Musa Ensete* (Abyssinie) имеет несъедобные плоды, но в пищу употребляются ее соцветия (L. Emberger, *Les végétaux vasculaires, traité de botanique (Systematique)*, vol. II, Paris, 1930, p. 1157. Указанием на эту книгу автор обязан члену-корреспонденту АН СССР Е. М. Лавренко.

¹¹⁶ В Эфиопии это растение культивируется и в наши дни (G. P. Murdock, *Africa...*, p. 182).

¹¹⁷ V. Laurent-Täckholm, *The plant of Naqada*, p. 306.

¹¹⁸ BC, p. 38; Amrah, p. 49; BC, p. 62; Maadi I, p. 52; Gaillard, *Faune préhistorique de l'Égypte*, p. 103; E. Massouard, *Préhistoire et protohistoire d'Égypte*, — «Université de Paris, Travaux et mémoires de l'Institut d'Éthnologie», Paris, vol. LIII, 1949, p. 167.

палеолите¹¹⁹. Раковины шли на изготовление рыболовных крючков, украшений в виде бус и подвесок¹²⁰. Для изготовления бус и подвесок у раковин небольшого размера просверливалось отверстие для пронизывания. Иногда бусы делались из небольших кусков от более крупных раковин.

В числе дикорастущих растений, имевших чрезвычайно большое значение, были трава, папирус, различных видов тростник, пальмовое лыко, дававшее превосходный материал для всякого рода плетений. Тростник шел на изготовление плетенки, из которых часто состояли стенки жилищ и ветровых заслонов, обнаруженных с неолитического времени¹²¹. Из тростника же делались в древнейшие времена ладьи, на которых передвигались по воде.

От этого времени из Египта до нас дошло большое количество плетеных изделий: циновки, корзины, веревки. К сожалению, ничего не известно о внутреннем убранстве жилья того времени, но, вероятно, циновки и здесь имели широкое применение наряду со шкурами. Ими могли выстилать пол и стены хижины. В додинастическое время при погребении покойников часто заворачивали в циновку¹²².

Широкое применение находили корзины. В эпоху неолита в хозяйственные ямы опускали корзины, которые служили ее стенками. Большие корзины могли использоваться как вместилища и как подставки, в которые ставились остроконечные сосуды, распространенные в додинастическое время. Иногда в маленьких корзиночках, обнаруженных в могилах, хранится малахит, столь широко распространенный в додинастическом Египте. Все корзины имеют спиральную вязку (от центра в дне)¹²³.

Плетеные круги использовались в качестве крышек к сосудам. В употреблении были и веревки, имевшие столь большое значение в хозяйстве. В могиле № 1388 из Нагады на кремневом лезвии сохранились фрагменты веревки, которой обматывали рукояточную часть этого орудия¹²⁴.

Собирались также некоторые сырьевые продукты, как, например, стручки акации, используемые для дубления кож, застывшую камедь — гуммиарабик.

Благоприятные природные условия в долине Нила дали возмож-

---

¹¹⁹ F. Debono, *Le Paléolithique final et le Mésolithique à Héliouan*, — ASAE, vol. XLVIII, 1948, pp. 629—637.

¹²⁰ Mostag., pl. XXV, № 1211, pp. 86—87, pl. XLII 27—28.

¹²¹ Mer. III, S. 52.

¹²² BC, p. 40; Debono, *Omar*, p. 563; BC, pp. 39, 67.

¹²³ Amrah, p. 42, pl. XI₂.

¹²⁴ BC, p. 34; Matmar, p. 22; CMah, pl. XXI₃; EG, pp. 521—522, sign-list V_{1,2,3}; Arkell, BO, XIII, p. 125.

ность жителям Египта перейти к земледелию и скотоводству ранее многих народов, живших в ту пору в Северной Африке. Переход к земледелию и скотоводству означал дальнейшее развитие производительных сил по сравнению с предыдущим периодом, когда человек добывал себе пищу собирательством, охотой и рыболовством, сначала при помощи каменных, роговых, костяных, деревянных орудий и орудий из слоновой кости, а затем при помощи медных орудий.

Земледелие в условиях наносной, следовательно, легко поддающейся обработке почвы (аллювия), не требовало участия всего населения в выполнении земледельческих работ. Продуктов питания в додинастическое время было достаточно (земля давала хороший урожай, в прибрежных болотах и в областях, окружавших долину Нила, было много дичи, а в реке — рыбы) и может быть, имелся некоторый избыток их.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительно легкий способ получения продуктов питания привел к тому, что население Древнего Египта могло уделить определенное время изготовлению разных изделий помимо орудий, рассмотренных нами выше. Высокое мастерство тех, кто изготовлял все эти изделия, являлось результатом выучки и сноровки, столь необходимой ввиду примитивности орудий, при помощи которых производилась обработка материалов. В особенности это относится к металлургии, где более, чем в любой другой области, требовался опыт, накапливаемый поколениями.

Изучая египетские орудия и прочие изделия неолитического и энеолитического времени, мы рассмотрели источники получения материалов, из которых они были сделаны, и установили, что дерево, рог, кость и слоновая кость, камень и металлы имелись в пределах Египта и в областях, прилегающих к нему. Именно отсутствие в большом количестве самородной меди, по-видимому, рано толкнуло обитателей Египта на разработку медной руды и выплавку меди. Немаловажную роль сыграло и то, что в Египте и на Синае имелась окисленная медная руда, из которой можно сравнительно легко получать медь. Добыча руды не была сложным делом, поскольку разработка ее велась открытым способом. Топливо, дававшее необходимую температуру для выплавки металла, а именно дерево, которое могло идти на углежжение, имелось и в Египте, и на Синае.

Все перечисленные изделия и орудия рассмотрены в развитии начиная с периода неолита и до конца энеолита, а в некоторых случаях и в начале Раннего царства.

Дерево в Египте начали обрабатывать задолго до наступления энеолита. В неолитических слоях Фаюма были обнаружены два жатвенных ножа-серпа с кремневыми вкладышами и фрагменты изделий из дерева (тамариска). Мы пришли к выводу, что изменение формы серпа от прямой к более специализированной, закругленной форме в додинастическую эпоху несомненно свидетельствует о росте производительности труда. Правда, из-за фрагментарности дошедшего до нас материала такой вывод нельзя распространить на все деревянные орудия.

Рог и кость в силу специфических особенностей (малая толщина и небольшая твердость по сравнению с твердостью камня) имели в додинастическом Египте ограниченное применение.

Слоновая кость по своим качествам, казалось бы, могла широко использоваться для изготовления орудий, однако археологический материал не подтверждает этого.

Наблюдая за изменением техники обработки каменных орудий, можно заметить, что в неолите засвидетельствована двусторонняя обработка орудий путем беспорядочной оббивки всей поверхности орудия. В первом периоде начинается обработка так называемой струйчатой (отжимкой) ретушью, которая знаменует собой наивысшее развитие кремневой техники не только в Египте, но и во всем Средиземноморье. Мы не можем проследить с одинаковой степенью достоверности все технические достижения додинастического времени. Приходится предполагать наличие тех или иных технических открытий, которые, вероятно, были известны обитателям Египта в те времена. В частности, можно допустить, что им был известен способ сверления углублений в камне при помощи сверла с применением лука.

Египетские додинастические кампелелы в некоторых случаях, как показывают археологические данные из Арманта, научились максимально увеличивать срок жизни каменных и кремневых орудий, обновляя их, что также свидетельствует о развитии производительных сил в пределах каменного века.

На основе всего материала по металлургии меди, добытого в Египте додинастического времени, мы постарались показать, что додинастическая металлургия возникла и развивалась независимо от металлургии стран Передней Азии того времени. По своим формам додинастические медные орудия зависели не от орудий из Передней Азии, а от формы костяных и каменных орудий, которые были в ходу в тот период в Египте.

Появление первых металлических орудий в энеолите знаменует собой и большой прогресс в развитии производительных сил по сравнению с неолитом. Процесс постепенного увеличения числа медных орудий происходит на протяжении первого и второго периодов. Затем в Раннем царстве мелкие, средние и, что особенно важно, массивные медные орудия изготавливаются в еще большем количестве, чем в додинастическое время. Об этом свидетельствует археологический материал из гробниц времени Раннего царства. Процесс развития металлургии в додинастическом Египте растянулся на тысячу лет и соответствует первому и второму периодам. Эти периоды различаются не только числом медных орудий и их размерами, но и тем, что где-то на грани между первым и вторым периодами металлургия совершила скачок, произошло открытие нового, дополнительного способа обработки меди путем литья в откры-

тую форму, которая дала возможность иметь почти готовое орудие уже после литья, если не считатьковки рабочих краев.

При всей мягкости меди по сравнению с позднее появившейся бронзой и железом, употребление меди как металла было большим шагом вперед. Медь дает возможность создать орудие с более острым рабочим краем и острием, и срок употребления медного орудия более длителен, так какковка позволяет без особых затруднений восстановить рабочий край медного орудия.

С появлением металлических орудий заметно увеличивается производительность труда, в этом заключается их общественно-историческое значение. Особое значение медные орудия имели для древнего Египта, где благоприятная природная среда¹ создала хозяйственные условия, при которых уже при медных орудиях возникло классовое общество, появилось государство.

Однако меди в то время было еще сравнительно мало, что в основном объясняется редко встречающимися месторождениями медной руды и трудоемкостью добычи меди. Поэтому и доставка меди или медной руды в долину Нила даже в тех ограниченных размерах, необходимых для Египта того времени, не всегда была возможна. Именно этим объясняется то, что наряду с медными орудиями на протяжении всего периода энеолита и далее в медном веке, в Раннем царстве, и даже позже встречаются в довольно большом количестве каменные, а также орудия из кости, слоновой кости и рога.

Наличие больших навыков в обработке материалов, из которых изготовлялись орудия, говорит и о том, что в додинастическое время существовали предметы украшения и обихода, сделанные из тех же материалов и свидетельствующие о большом разнообразии форм изделий. Такой высокий уровень обработки материалов появился не сразу, а лишь в процессе более чем тысячелетнего кропотливого накопления навыков в обработке дерева, камня, кости, слоновой кости и металла.

В итоге долгого пути самостоятельного развития египетских орудий к концу додинастического времени оказались представленными все орудия, обслуживавшие основные потребности жителей Египта.

Группу орудий, при помощи которых велась обработка материалов, составляют камни-молоты и деревянные колотушки. Применение имели также топор и тесло, ножи, резцы, проколки, а из ядрищ и отщепов — первоначальных заготовок — делали орудия, вроде скребков и скребел и др. Из медных орудий перечислим резцы и проколки для обработки кости и слоновой кости, дерева, орудия, напоминающие булавки, медные топоры, тесла и ножи.

---

¹ К. Маркс, *Капитал*, т. I, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, т. 23, стр. 521.

До сих пор не найдены ни тигли, ни горны, ни литейные формы от эпохи энеолита. Однако камень-молот и большой камень в качестве наковальни, несомненно, играли большую роль.

Итак, основные орудия, необходимые для земледелия, для ведения скотоводства, и орудия для обработки материалов были орудия из камня, кремня и меди. Именно поэтому додинастический период и называется временем энеолита или халколита, т. е. медно-каменным веком.

Обычно принято говорить, что жизнь в древнем Египте отличалась необычайной консервативностью, застоєм. О египетских додинастических, равно как и династических орудиях, этого никак нельзя сказать. Достаточно внимательно посмотреть таблицы с изображениями древнеегипетских орудий, чтобы увидеть, как изменялись их формы². Утверждение о консервативности египетских орудий правильно лишь в отношении орудий, применявшихся для исполнения ритуальных религиозных обрядов.

Каменные и медные орудия были в додинастическую эпоху ведущими. От их развития зависела в первую очередь степень обработки дерева, кости, рога и слоновой кости, так как из камня, кремня и меди изготовлялись режущие орудия. Появление медного тесла и топора способствовало и появлению в Раннем царстве новых способов обработки дерева. Тесло было своего рода универсальным орудием. Оно заменяло древним египтянам и топор, и рубанок, и фуганок. Медные топоры и тесла, как и медные рыболовные крючки, резцы и пожи, начинают со второго периода вытеснять каменные и кремневые орудия. Вследствие этого мы можем говорить о начале соперничества между камнем и металлом лишь со второго периода.

При знакомстве с археологическим материалом додинастического Египта мы попытались, где это было возможно, показать связь между изменением потребностей хозяйства и изменениями, происходившими с орудиями.

Наряду с постепенным ростом числа орудий, необходимых для земледельческих работ и скотоводства, уменьшилось число орудий охоты и почти полностью исчезли к концу додинастического времени лезвия в форме ласточкиного и рыбьего хвоста, игравших, по-видимому, немаловажную роль при охоте.

Проблема социально-экономической истории древнейшего Египта еще очень мало изучена. Западные ученые не уделяют этому вопросу должного внимания. В 30-х годах крупнейший египтолог Брэстед пришел к выводу о том, что основой власти царя является богатство зерном, обусловливаемое уровнем техники, достигнутым додинастическим об-

² W. M. Fl. Petrie, *Tools and weapons*, London, 1917, pl. LIV₁₋₁₀, I₁₋₁₁, XXII₄₄₋₄₆, XXI₁₂₋₂₃.

ществом и выражавшемся в применении металлов, плуга и т. д.³ Однако далее Брэстед не пошел. Баумгертель лишь констатирует факт существования царской власти в конце додинастического времени⁴. Работы западных исследователей, посвященные проблеме истории древнейшего Египта, объясняют изменения в додинастической истории Египта не внутренними причинами, а сводят все развитие, как не раз отмечалось на протяжении этой работы, к завоеваниям извне и к связям со странами Передней Азии.

Проблема социально-экономических отношений древнейшего Египта была рассмотрена нами путем анализа уровня развития производительных сил в додинастическом Египте и при помощи сравнения с уровнем развития производительных сил Египта в эпоху неолита и Раннего царства. Мы прибегаем лишь к немногим примерам, для того чтобы выяснить, насколько поднялся уровень развития производительных сил в энеолите по сравнению с уровнем развития производительных сил в неолите и насколько вперед продвинулось в этом отношении Раннее царство. Поскольку определенному уровню развития производительных сил в обществе должны соответствовать определенные производственные отношения, можно попытаться понять производственные отношения, господствовавшие в Египте в V—IV тысячелетиях до н. э.

Для понимания социального строя общества очень помогает изучение семейных отношений, существующих в данном обществе, так как семейные отношения складываются в зависимости от способа производства. В своих работах М. Э. Матье показала наличие в древнем Египте фараоновского времени сильных пережитков матриархата, которые продолжали существовать в то время, когда в Египте уже утвердился отцовский род (моногамная семья) и было государство. Пережитки матриархата в древнем Египте свидетельствуют о том, что некогда он пережил период матриархата. По мнению М. Э. Матье, в древнем Египте во второй половине Старого царства большая патриархальная семья дольше сохранялась в сельской местности⁵. Время же с возникновения отцовского рода в Египте автор относит в глубь веков, не уточняя при этом времени. Доказательством того что материнский род в Египте сменился отцовским родом задолго до начала Старого царства, служит, по мнению М. Э. Матье, наличие в Египте описательной системы родства

³ J. H. Breasted, *The predynastic union of Egypt*, — ВИГАО, vol. XXX, Troisieme partie, 1931, p. 772.

⁴ E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, London, 1947, pp. 24, 44.

⁵ М. Э. Матье, *Следы матриархата в древнем Египте*, — «Труды Института археологии, антропологии и этнографии», т. IV, 1936, стр. 364—390; *Термины родства в древнем Египте*, — «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 9, 1941, № 78, стр. 28—36; *Из истории семьи и рода в древнем Египте*, — ВДИ, 1954, № 3, стр. 45—75.

вместо более древней классификационной системы родства, существовавшей во времена матриархата⁶.

Решению вопроса об общественных отношениях в Египте в V и IV тысячелетиях до н. э. способствовало бы изучение таких памятников по истории общества, как жилые комплексы (дом и хозяйственные постройки). Они помогли бы понять те конкретные общественно-исторические условия, в которых жило древнейшее население Египта. Этот археологический материал мог бы доказать с достоверностью существование большой патриархальной семьи в Египте, если она там существовала в те времена. Однако западные археологи, занимавшиеся исследованием египетских додинастических поселений, не стремились к их всестороннему изучению, и поэтому у нас нет четких данных о жилых комплексах неолитического и энеолитического времени в Египте. По мере возможности мы попытаемся сделать лишь некоторые обобщения.

В Египте, как показал археологический материал, не существовало в додинастическое время больших жилищ, перегородженных на отдельные помещения для каждой парной семьи, входившей в большую семью, жившую в таком большом доме⁷ (сравни публо индейцев). Этнография дает примеры, когда большая семья располагалась не обязательно под одной крышей, а селилась парными семьями в отдельных маленьких хижинах, но территориально близко расположенных для того, чтобы можно было вести общее хозяйство⁸.

Из расположения жилищ внутри поселения Меримде очевидно, что там еще не появилось большой патриархальной семьи⁹. В додинастическом поселении Хемамийе¹⁰ было мало вскрыто жилищ. Однако некоторые из них (№ 248, 249, 252) были расположены настолько близко одно к другому, что это невольно наводит на мысль о том, что они могли составлять один хозяйственный комплекс. Аналогичное явление наблюдается в раннеземледельческих поселениях Южного Туркестана¹¹.

Известно, что отцовский род сменил материнский в связи с возникновением внутри родовой общины частной собственности. Коллективная собственность на землю, которую возделывали в Египте уже во времена неолита, является само собой разумеющейся, поскольку, надо думать, в те времена землю обрабатывали коллективно. То же надо сказать и

⁶ М. Э. Матее, *Термины родства в древнем Египте*, стр. 23—25.

⁷ Л. Морган, *Древнее общество*, Л., 1934, стр. 105, 115.

⁸ Г. Кунов, *Всеобщая история хозяйства*, М.—Л., 1929, стр. 184.

⁹ J. Vandier, *Manuel d'archéologie égyptienne*, vol. I, Paris, 1952, fig. 78—79, pp. 116—117.

¹⁰ G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928, pl. LXVI_{1,2,3}.

¹¹ В. М. Массон, *Новые раскопки на Джейтуне и Кара-Тене*, — СА, 1962, № 3, стр. 166, 171.

об охотничьей добыче, полученной в результате совместной охоты. Предметы личного пользования, как, например, орудия, посуда, одежда, украшения, не исключают коллективной собственности¹².

С началом приручения животных, с возникновением скотоводства внутри первобытнообщинного строя зарождается частная собственность — скот. Этнографический материал показывает, что вождь племени не распоряжается скотом, который был собственностью отдельных семей¹³. Мужчина, занимающийся уходом за скотом, являлся и собственником этого скота. Скот становится богатством, и у мужчины появляется естественное стремление передать это богатство своим детям. Так, при наличии еще счета по матери начинается постепенное нарушение материнского права. Чтобы сохранить имущество (скот) внутри своего рода, дочерей начинают выдавать замуж в своем же роду. Таким образом, на смену материнскому роду приходит отцовский род¹⁴. Основной хозяйственной единицей становится большая патриархальная семья, власть в которой принадлежит мужчине.

Возникновение скотоводства в Египте прослеживается с неолита, т. е. с V тысячелетия до н. э. Выше уже говорилось о том, что трудно решить, когда именно в додинастическое время хозяйственное значение скотоводства стало большим, чем охота. Однако скотоводство к началу династического времени играло уже крупную роль в хозяйственной жизни. Захват скота становится целью многих грабительских военных походов. На изделии из граувакки, датированном временем начала Раннего царства, изображено три рода животных: быки, ослы и бараны. Верх предмета, к сожалению, отсутствует, и поэтому неизвестно, что было выше. По общему мнению исследователей, здесь повествуется о захвате египтянами добычи в Ливии, поскольку внизу написано название страны — «Ливия». На булаве Нармера даны очень большие количества захваченного скота: 400 тыс. быков и 1422 тыс. голов мелкого рогатого скота.

В районе деревни Хор-Дауд, около города Коштамны, на правом берегу Нила, Советской Нубийской экспедицией 1961—1962 гг. было обнаружено около 600 ям. Более чем в 60 из них найдены раннединастические керамические сосуды различных форм и размеров. По мнению Пиогровского, это были хозяйственные ямы, свидетельствующие о том, что в жизни поселения, расположенного где-то поблизости, может быть на другом берегу Нила, значительное место занимало молочное хозяйство.

---

¹² На многих додинастических сосудах обнаружены знаки, нацарапанные после обжига, которые считаются знаками личной собственности.

¹³ Д. А. Ольдерогге, *Из истории семьи и брака*, — СЭ, 1947, № 1, стр. 29—30.

¹⁴ Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Собрание сочинений, изд. 2, т. 21, стр. 58—60.

Если исходить из многочисленных изображений охотничьих сцен в первом периоде и отсутствия скотоводческих, то можно допустить, что скотоводство в ту пору еще не вытеснило охоту в такой мере, как это случилось позднее, судя по изображениям, относящимся ко второму периоду. Положение об огромном значении скотоводства в процессе образования классов в древнеегипетском обществе было высказано Пиотровским еще в 1934 г.¹⁵ В подтверждение своего положения помимо глиняных статуэток коров и других животных, найденных в погребениях второго периода, он приводит еще и лингвистические данные.

Установлено, что росту имущественного неравенства внутри общины способствует также выделение ремесла. Ознакомившись с производственной деятельностью додинастических обитателей Египта, можно прийти к выводу, что орудия и прочие изделия из меди начиная со второго периода изготовлялись с таким большим мастерством, которое говорит о том, что люди занимались только этим делом. Что же касается других работ, то очевидно, что ранние земледельцы Египта были специалистами широкого профиля. Такие работы, как изготовление тканей, керамики, веревок и всевозможных плетений, шитье одежды, могли осуществляться в каждой семье параллельно с занятием земледелием, скотоводством и охотой. До сих пор не выяснена роль в общине человека, изготовлявшего предмет. Брюсов допускает, что он был лишь общинником, выполнявшим задание общины¹⁶.

Неизвестно также, происходил ли в ту пору обмен между отдельными поселениями в пределах Египта. Раковины с Красного и Средиземного морей попадали в пределы долины Нила еще в неолитическое время. Морские раковины дошли и из энеолитических поселений Египта. Вероятно, они были результатом обмена с жителями прибрежных районов. Однако неизвестно, на какие продукты долины Нила они были выменены. Таким образом, несомненных данных, подтверждающих существенное влияние обмена в долине Нила на рост имущественного неравенства, у нас пока нет.

По мнению исследователей, памятники первой династии уже отмечают использование рабочей силы пленных в виде рабского труда¹⁷. Б. Б. Пиотровский относит начало эксплуатации труда пленных ко времени второго периода.

---

¹⁵ Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние изучения додинастического Египта*, — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 141.

¹⁶ А. Я. Брюсов, *О характере и влиянии на общественный строй обмена и торговли в доклассовом обществе*, — СА, т. XXVII, 1957, стр. 22.

¹⁷ В. В. Струве, *Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока*, — ИГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 40; Б. Б. Пиотровский, *Современное состояние...*, стр. 142; Т. Н. Савельева, *Аграрный строй Египта в период Древнего царства*, М., 1962, стр. 199.

Дальнейшее сосредоточение богатства, скота, зерна в одних семьях способствует росту имущественного неравенства. Однако среди найденных захоронений додинастического времени мы не можем еще четко выделить более богатые захоронения, которые могли бы указывать на наличие имущественного неравенства в Египте в додинастическую эпоху¹⁸. Додинастические погребения, как уже упоминалось, в силу ряда обстоятельств подвергались систематическому ограблению. Поскольку найдено мало ненарушенных захоронений, мы не всегда можем провести сколько-нибудь точное статистическое исследование. Кроме того, следует иметь в виду, что раскопки XIX и начала XX в. не велись на достаточно высоком научном уровне и по ним трудно провести тщательное исследование, которое совершенно необходимо для решения вопроса об имущественном положении лиц.

До сих пор не обнаружено бесспорных погребений вождей, хотя можно предположить их существование по этнографическим аналогиям и косвенным указаниям Палермского камня. Приводящиеся на нем вереницы имен царей древнее первой династии позволяют думать, что этим правителям могли предшествовать еще многие другие властелины, местные или эфемерно управлявшие большой территорией.

Несомненно, процесс классовообразования в Египте начался во втором периоде. Доказательством правильности нашего мнения могут быть некоторые явления, наблюдаемые в истории додинастического Египта. От додинастического времени до нас дошло несколько более богатых захоронений. Найдены резные гребни, рукоятки для ножей из слоновой кости или покрытые золотом, а также тонкая ткань с росписью из Гебелена.

В Иераконполе обнаружено несколько таких захоронений, отличавшихся от всех остальных додинастических, с погребальным инвентарем которых мы знакомимся на протяжении всей нашей работы, тем, что их стены были выложены кирпичом-сырцом¹⁹. Кроме того, одна из этих гробниц имеет совершенно уникальную стенную роспись, выполненную в нескольких красках. Правда, сосуды и кремневые орудия, обнаруженные там Грином, представляют собой обычный погребальный инвентарь,

---

¹⁸ Некоторые додинастические женские погребения, в которых было найдено несколько больше обычного и лучше сделанных украшений, не могут идти в расчет, так как здесь мы имеем дело, вероятно, не с выделением имущих, а с пережитками обычая матриархата, которые наблюдаются в Египте и много позже, в фараоновское время [E. J. Baumgartel, *The cultures of prehistoric Egypt*, vol. II, London—New York—Toronto, 1960 (далее — СРЕ II), pp. 67. 127].

¹⁹ Брантон допускает, что это помещение могло быть скорее жилищем или капищем (G. Brunton, *The predynastic town-site at Hierakonpolis*, studies pres. to F. LI Griffith, London, 1932, p. 275). Баумгертель считает ее гробницей времени Раннего царства, поскольку в этом помещении был найден сосуд раннединастического времени (СРЕ II, p. 126).

характерный для второго периода. Несколько аналогичных сооружений, к сожалению, оказались разграбленными к моменту исследования их Грином²⁰. Из этого можно предположить, что существовали захоронения более имущих групп населения додинастического Египта, но, к сожалению, их известно очень мало. Напомним, что в Раннем царстве наряду с богатыми гробницами царей и их приближенных существовали целые кладбища средних и бедных слоев населения²¹.

В технических возможностях додинастических резчиков не приходится сомневаться. Мы считаем совершенно твердо доказанным, что резные рукоятки из слоновой кости к кремневым ножам со струйчатой ретушью были сделаны в пределах второго додинастического периода. Рукоятка ножа из Джебель эль-Арака имеет одну стилистическую особенность, на которую обратил наше внимание Ю. Я. Перепелкин. Эта особенность не позволяет нам отнести ее к династическому времени. Дело в том, что на ноже из Джебель эль-Арака грудь мужских фигур дана в полный фас, обе ее половины четко моделированы²².

Нижняя часть туловища также изображена более широкой, чем это принято было делать в Раннем царстве (палетка Нармера), когда одна половина груди мужчин изображалась в профиль, а другая половина груди оставалась без прорисовки. На стеной росписи в Иераконполе мужские фигурки тоже даны в полный фас. На одной из частей росписи у мужчины прорисована полностью грудь²³. Остальные мужские фигуры не имеют прорисовки, но отсутствие профильного изображения груди и широкий таз этих фигур говорят в пользу правильности нашего мнения. Иераконпольская стенная роспись и рукоятка ножа из Джебель эль-Арака относятся ко второму периоду. Лучшим подтверждением тому является и такая особенность стеной росписи, как слабо выражена ярусность изображений (поясы). На палетке Нармера эти ярусы даны совершенно четко.

На кольце из слоновой кости (из Нагады)²⁴ и на палетке из Лузра вырезаны симметрично расположенные животные (на кольце — два

²⁰ J. E. Quibell and W. F. Green, *Hierakonpolis*, pt II, London, 1902 (далее — Иераконп. II), pl. LXXVII—LXXIX, pp. 20—22. Авторы недавно опубликованного исследования по инвентарю и стеной росписи этой гробницы приходят тоже к выводу, что гробница принадлежала одному из легендарных царей Верхнего Египта, т. е. одному из царей долевой династии (см. H. Case and J. C. Payne, *Tomb 100; the decorated tomb of Hierakonpolis*, — JEA, vol. 48, 1962, pp. 5—18).

²¹ G. Brunton, *A first dynasty cemetery at Maadi*, — ASAE, vol. XXXIX, 1939, pp. 419—424; L. Habachi, *A first dynasty cemetery at Abydos*, — ASAE, vol. XXXIX, 1939, pp. 767—681.

²² «The dawn of civilization. The first world survey human culture in early times», ed. by S. Piggott, London, 1961, fig. 9—10, pp. 102—103.

²³ Иераконп. II, pl. LXXVIII.

²⁴ СРЕ II, p. 76.

льва, а на палетке — две дикie собаки). Этот мотив, как и изображение груди трупов, по мнению Баумгертель, аналогичен подобному изображению на цоколе обеих статуй Хасехема, царя II династии. Нам кажется вполне вероятным, что эти мотивы могли возникнуть в додинастическое время и далее развиваться в Раннем царстве. К тому же обычай изображать трупы был очень широко распространен не только во II династии. На палетке Нармера также изображена грудa трупов, пусть не совсем так изогнутых и раскластанных, как на палетке «коршунов» и на статуях Хасехема.

Рассмотренные кольца и резные рукоятки из слоновой кости, палетки «охота на льва» и «коршунов» несомненно датируются додинастическим временем.

Исследования последних лет показали, что в области истории додинастического времени в Египте возможны большие неожиданности. Фрагмент ткани из Гебелена — лучшее тому доказательство. Нити, из которых соткана эта ткань, чрезвычайно тонки²⁵. До сих пор самой тонкой считалась ткань из гробницы царя Джера (I династия). Питри даже сравнивал ее с батистом²⁶.

Ткань из Гебелена важна еще и потому, что на ней имеется живопись, выполненная в двух красках (черная и красная). Изображены две ладьи. На одной впереди важно сидит человек. Руки его сложены на коленях. На корме — рулевой. Изображения остальных гребцов на рисунке не сохранилось. На другой ладье сидят обычные гребцы. Они изображены с бородами, что дает основание для додинастической датировки этой ткани. Уже в Старом царстве мужчины обычно не носили бороды, за исключением пучка волос под подбородком, который часто встречается у знатных лиц. Изображение важного представителя общества, сидящего на ладье (гребцы гребут, кромчий правит, а он сидит), подсказывает нам аналогию с последующим временем, когда вельможи сидели важно под навесом на ладье, а простолюдины гребли²⁷. Думается, что именно важным, более имущим представителям общества принадлежали такие рукоятки для ножей и для них могли изготавливаться столь тонкие ткани, как ткань из Гебелена, для них же строились гробницы, подобные гробницам из Иераконполя.

На конкретном археологическом материале, добытом в Египте и датированном временем неолита, энеолита и Ранним царством, с привле-

²⁵ «The dawn of civilization...», p. 100, pl. 4.

²⁶ W. M. Fl. Petrie, *Arts and crafts of Ancient Egypt, Edinburg—London*, 1909, p. 147.

²⁷ H. Schäfer, *Priestergräber und Grabfunde vom Ende des Alten Reiches bis zur griechischen Zeit vom Totentempel des Ne-User-Re*, — «8 Wissenschaftliche Veröffentlichung der Deutschen Orient-Gesellschaft», Leipzig, 1908, Abb. 111—113, 116, 121—122, S. 71—77.

чением археологического материала из Закавказья и других областей Азии, датированного также V—IV тысячелетиями до н. э., мы смогли ознакомиться с процессом развития орудий из рога, кости, слоновой кости, дерева, камня и металла. История многих орудий, засвидетельствованных для додинастического Египта, уходит корнями в неолит и продолжается в энеолите, характеризуясь постоянным и неуклонным улучшением техники обработки. Возникает подлинная металлургия. Медные орудия — большой шаг вперед по сравнению с каменными. Их использование способствовало росту производительных сил, поднятию производительности труда, что является обязательным условием для перехода от доклассового общества к классовому. Мы наблюдали на протяжении всей работы, как в недрах старого первобытнообщинного строя возникают и развиваются новые производительные силы, которые затем должны были привести к смене старых производственных отношений новыми, классовыми производственными отношениями.

Постепенный и неуклонный рост размеров медных орудий и их числа в связи с общим развитием орудий обеспечил к концу второго периода такой уровень развития производительных сил, что в обществе в особых египетских условиях, при наличии земледелия на основе ирригации, процесс разложения родового общественного строя привел к необыкновенно раннему образованию классов и к возникновению государства.

Исключительное значение медных орудий в истории перехода египетского общества от доклассового к классовому связано с возможностью использования могучей реки и напосимой ею плодородной почвы для развития высокопроизводительного земледелия путем создания системы искусственного орошения на уровне техники медного века. Производительность труда в этих особых условиях обеспечила продуктами питания не только самих производителей, но дала возможность сосредоточить в руках некоторой части общества большие материальные богатства. На рубеже IV и III тысячелетий до н. э. общество в Египте совершило скачок из бесклассового общества в классовое, скачок, который подготавливался в течение более тысячи лет. Это и есть как раз то, что мы должны были ожидать с позиций марксистско-ленинского учения о переходе от доклассового общества к классовому.

ПРИЛОЖЕНИЯ

НАСКАЛЬНЫЕ РИСУНКИ ЕГИПТА

Наскальные рисунки Северо-Западной Африки, а также и Египта, стали известны благодаря путешественникам, описавшим их. При попытке научно подойти к наскальным рисункам возникла необходимость систематического измерения, зарисовки и фотографирования их. Усилиями многих экспедиций этот материал собирался и продолжает собираться. Открываются все новые наскальные рисунки.

В результате кропотливого исследования в течение многих лет были сделаны следующие наблюдения:

1. Один более древний рисунок может быть покрыт другим рисунком, сделанным позднее.

2. Все рисунки, выбитые на скалах, не имеют одного цвета. Одни рисунки светлее, другие — темнее. Таким образом, было обнаружено очень важное для датировки петроглифов свойство горной породы покрываться патиной. В 1920 г. Фламан опубликовал результаты своего почти сорокалетнего труда по изучению петроглифов и установил, что патина является результатом химической реакции и разрушения поверхности горной породы, и вывел среднюю глубину разрушения как шкалу для неолитических петроглифов — 2-3 мм¹. Позднее Винклер высказал мнение, что патина зависит от многих причин: от техники исполнения рисунка, от минерального состава породы и, главное, от количества света, падающего на скалу, на которой выбит рисунок². Данбар в 1941 г. в результате десятилетнего изучения этого вопроса пришел к выводу, что многолетнее изучение патины не дало самого главного — данных для определения скорости роста патины, не выяснена химическая природа патины³. Поэтому при данном уровне наших знаний патина не может быть показателем абсолютного порядка, ее можно использовать лишь при учете всех прочих данных рисунка: сюжета, минералогического

¹ G. Flaman, *Le pierres écrites*, Paris, 1921, p. 255.

² H. A. Winkler, *Rock-drawings of Southern Upper Egypt*, vol. I, London, 1938, pp. 33—34.

³ J. H. Dunbar, *The rock-pictures of Lower Nubia*, — «Service des Antiquités de l'Égypte», Cairo (Bulag), 1941, p. 26.

состава скалы и места расположения рисунка на скале для его относительной датировки.

3. Все рисунки могут быть разделены на несколько групп в зависимости от техники их выполнения. Одни рисунки сделаны точечным контуром, а другие — контуром сплошной линии, третьи имеют внутри контура рисунок, выбитый камнем в виде выщербинок или точек и т. д. До сих пор для Египта не установлено соответствие между техникой исполнения и определенным периодом истории. Более важен для датировки следующий признак: если от обработки поверхности скалы остаются следы в виде латинской буквы U, то это является верным признаком обработки камня кремневым орудием в отличие от древнего металлического, которое оставляло след в виде латинской буквы V. В этой связи интересно замечание Данбара о том, что на петроглифах Нубии, изготовленных при помощи металлических орудий, не встречаются изображения слона⁴. Однако надо иметь в виду, что для выполнения рисунка в энеолите и позже не всегда пользовались медными орудиями, а работали также каменными, как в неолите и в палеолите.

4. Одни наскальные рисунки отличаются от других сюжетом. Встречаются изображения давно вымерших животных, которые когда-то жили в этих местах, где остались петроглифы с их изображениями. В Северной Африке, и в частности в Сахаре, были обнаружены многочисленные наскальные изображения африканского слона наряду с изображениями жирафы и носорога, свидетельствующие об изменении географических условий, которые претерпела Северная Африка за последние 5—6 тыс. лет, так как позднее эти животные в Северной Африке исчезли. Появление изображений определенных видов домашних животных на рисунках иногда способствует более или менее точной датировке данного рисунка. Помимо животных и растений на петроглифах можно встретить людей с разным вооружением, в различных одеждах и по-разному украшенных. Так, изображения человека с луком в руке можно датировать эпохой не ранее неолита.

5. При знакомстве с наскальными рисунками Южной Европы бросается в глаза их особенность: одни рисунки выполнены в реалистическом стиле, другие — схематично, слишком стилизованно, третьи имеют изображения в смешанном стиле, или, как говорят, выполнены в полуреалистическом стиле. Для Европы характерен переход от реалистического стиля к схематическому на рубеже между палеолитом и неолитом. В Северной же Африке, и в том числе в Египте, как впервые это показал Обермайер, не произошло перехода от реалистического (по его терминологии — натуралистического) изображения животных, птиц и лю-

---

⁴ Ibid., p. 24.

дей к схематическому (по его терминологии — к стилизованному) ⁵. Изображение животных, людей и прочих предметов на протяжении всей додинастической эпохи в Египте остается в пределах одного стиля — более или менее реалистического. Несмотря на столь четкую постановку вопроса Обермайером, приводящую к выводу о том, что стиль не может быть критерием для датировки наскальных рисунков Северной Африки, и в том числе Египта, споры вокруг датировки наскальных рисунков с точки зрения стиля продолжаются.

Можно было бы допустить, что самым верным способом датировки наскальных рисунков является датировка по каменным орудиям, найденным вблизи от наскальных рисунков на поверхности земли и на некоторой глубине. Но поскольку одна и та же территория на протяжении долгого времени посещалась разными группами людей, стоявшими на разных ступенях развития, то и находки орудий не всегда могут являться абсолютным критерием датировки. Лишь систематические раскопки в районе петроглифов с учетом сюжета, рисунка, цвета патины и других данных могут пролить свет на вопрос о датировке рисунков.

Систематические исследования наскальных рисунков в Египте, проведенные Винклером, показали, что рисунок необходимо связывать с данными, добытыми из-под земли у подножия скалы, на которой сделан рисунок. В работе, посвященной наскальным рисункам Египта, Винклер, однако, чрезвычайно мало уделял этому вопросу внимания, ограничившись лишь упоминанием о скудных находках кремневых орудий на поверхности. Таким образом, этот вопрос в Египте еще ждет своего решения. Для датировки египетских наскальных рисунков немаловажное значение имеет и высота, на которой сделан рисунок. Наблюдения над сюжетом и патиной на петроглифах, над высотой расположения рисунка на скале и другими признаками навели многих исследователей на мысль о том, что самые древние рисунки Египта датируются неолитом и энеолитом ⁶.

О СЛОНОВОЙ КОСТИ В ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ

В передней Азии, как и в Северной Африке, слон был широко распространен в эпоху палеолита. В Палестине были найдены бивни и кости слона, датируемые временем палеолита ¹. По среднему и верхнему

⁵ Н. Obermaier, *L'Age de l'art rupestre Nord-African*, — «L'Anthropologie», vol. XLI, 1931, pp. 65—74.

⁶ P. Montet, *L'Égypte préhistorique (L'Homme avant l'écriture)*, ed. A. Varagnac et al., [Paris], 1939, p. 241.

¹ J. Parrot, *Le Musée archéologique de Palestine à Jérusalem, Syria*, vol. XXV, 1948, p. 275; A. Pohl., *Forschung und Funde*, — «Orientalia», NS, vol. XXI, 1952, fasc. 2, p. 253.

течению Евфрата и его притоку Хабуру еще во II тысячелетии до н. э. водился слон. В районах Алалах был найден скелет слона, датируемый серединой II тысячелетия до н. э.² До нас дошли и литературные памятники III тысячелетия до н. э. из южного Двуречья, свидетельствующие о том, что упоминание о слоне проникло и в эпос³.

За неимением данных мы не можем представить размеры охоты на слонов в Передней Азии в IV и III тысячелетиях до н. э., но в середине II тысячелетия до н. э. Тутмос III, а позднее Тиглатпаласар I охотились на слонов на территории современной Сирии. Нельзя точно сказать, когда исчез слон из Сирии. По мнению одних исследователей⁴, он исчез из Сирии к началу I тысячелетия до н. э., по мнению других⁵ — к началу VIII в. до н. э., а третьи считают⁶, что слон прекратил там свое существование за несколько столетий до птолемеевского времени. От середины IX в. до н. э. имеется изображение слона на рельефе Салманасара III. В надписи, которая сопровождает рельеф, значится страна Мусри⁷, откуда шли в числе прочей дани и двугорбые верблюды и слоны. Еще в 1870 г. Шрадер возражал против понимания названия страны Мусри как названия для Египта, так как, по его мнению, Египту были неизвестны двугорбые верблюды⁸. В итоге исследований авторы «Кэмбриджской древней истории» пришли к выводу, что в древности было две страны Мусри. Одна страна Мусри была расположена к северу от Сирии, в Малой Азии, где-то в районе гор Тавра, а другая страна Мусри — Египет⁹. Соответственно и изображенный на обелиске Салманасара III слон — не египетский слон.

Причинами исчезновения слона в Сирии были изменение климатических условий, уничтожение лесов и интенсивная охота на слона.

Очевидно, охота на слона в районе между Евфратом и Тигром в их среднем течении могла дать в те времена достаточное количество материала для резьбы. Самыми древними из известных нам изделий из слоновой кости являются шпильки, гребни, бусы из Тепс Гавра, статуэтки,

² Анонимная рецензия на кн.: R. D. Barnett, *Catalogue of the Nimrud ivories*, — «Orientalia», NS, vol. XXVIII, 1959, fasc. 3, p. 304.

³ E. I. Gordon, *Sumerian animal proverbs and fables: «Collection five» University Museum, University of Pennsylvania, Philadelphia* (Отдельный оттиск из журнала «Journal of cuneiform studies», vol. XII, 1958, № 2, pp. 1—10).

⁴ A. Pallis, *The antiquity of Iraq*, Copenhagen, Munksgaard, 1956, p. 16.

⁵ H. Frankfort, *The art and architecture of the Ancient Orient*, — «The Pelican (book) history of art», ed by Pevsner, vol. 27, Baltimore—Maryland, [1955], p. 187.

⁶ I. W. Growfoot, *Early ivories from Samaria*, London, 1938, pp. 54—55.

⁷ D. D. Luckenbill, *Ancient records of Assyria and Babylonia*, Chicago, Illinois, [1925], p. 211.

⁸ E. Schrader, *Das baktrische Kamel und das Land Musri der Keilinschriften*, — «Zeitschrift der Deutsche Morgenlandische Gesellschaft», Bd 24, 1870, S. 436—438.

⁹ «The Cambridge Ancient history», ed. by J. B. Bury, S. A. Cook, F. E. Adcock, vol. III, Cambridge, 1925, pp. 357, 140, 22.

подвески, браслеты, бусы, сосуды и другие изделия из Беэршеба. Много общего замечается между резьбой по слоновой кости в Беэршеба и в додинастическом Египте. В особенности это сходство бросается в глаза при сравнении статуэтки из Беэршеба со статуэткой из слоновой кости, найденной в нижних слоях Бадари¹⁰ и фигуркой из Махасны¹¹, датированной первым периодом. Однако на основании различий в резьбе палестинских и египетских резчиков, которые были обнаружены Перро¹², он приходит к выводу, что южная Палестина и Египет имели самостоятельные центры происхождения резьбы по слоновой кости. Перро отклоняет возможность влияния Египта на южную Палестину, считая, что это влияние могло быть лишь обратное — из Палестины и Двуречья в Египет¹³.

Не имея других находок по резьбе в Палестине, на основании столь скудных данных из Беэршеба нельзя сделать определенного вывода о происхождении тех или иных особенностей в резьбе палестинских резчиков, но считаем, что отдельные черты сходства с египетской резьбой могут быть доказательством наличия связей с Египтом, которые сами по себе никем из исследователей не отрицаются. По нашему мнению, влияние египетской резьбы по слоновой кости на палестинскую резьбу могло иметь место не только во второй половине IV тысячелетия до н. э., когда, по определению Перро, эти изделия из Беэршеба были изготовлены, но и в более раннее время, в первом периоде, так как мы знаем, что такой материал, как лазоревый камень в первом периоде уже мог поступать из Передней Азии в Египет. Сухпутные же дороги, связывавшие Египет с Передней Азией, проходили через Палестину. В самой южной Палестине (Беэршеба) были найдены в халколитических слоях, как и в Маади, следы этих связей. Поэтому Палестина, расположенная на путях связи Египта с Передней Азией, не могла не иметь влияний, идущих с севера и с юга. В резьбе по слоновой кости мы, однако, не улавливаем северных влияний, а сходство с египетской резьбой было подмечено самим Перро. Последний момент особенно важен, ибо Египет с бадариского времени до конца Раннего царства, как мы видели выше, отличался чрезвычайным развитием резьбы по слоновой кости, несравнимой с резьбой никакой другой страны, окружавшей в ту эпоху Египет. Все эти факты не могут не давать основания для предположения о некотором влиянии египетской резьбы на палестинскую резьбу в

¹⁰ G. Brunton and G. Caton-Thompson, *The Badarian civilisation and predynastic remains near Badari*, London, 1928, pl. XXIV₂.

¹¹ E. R. Ayrton and W. S. Loat, *Pre-dynastic cemetery at El Mahasna*, London, 1911, pl. XI₁.

¹² J. Perrot, *Les fouilles d'Abou Matar près Béersheba*, — «Syria», vol. XXXIV, 1957, fasc. 1—2, pp. 27—28.

¹³ Ibid., pp. 36—38.

IV тысячелетии до н. э., которое мы можем установить на палестинском материале, так как он обнаружен лишь в Беэршеба и датируется концом IV тысячелетия до н. э., а от более раннего времени из Палестины у нас отсутствуют данные, но трудно допустить, чтобы резьба, которая была обнаружена в Беэршеба, могла возникнуть внезапно в таком развитом виде.

Мы не знаем, откуда поступала слоновая кость, которая обрабатывалась в Беэршеба. Перро считает ее сирийской, а не африканской ввиду наличия слонов в Сирии еще в VII в. до н. э. При современном состоянии науки мы не можем с уверенностью сказать, является ли материал, из которого изготовлено данное изделие, африканского¹⁴ или переднеазиатского происхождения. Лишь в процессе обработки слоновой кости опытный резчик может отличить африканскую слоновую кость как более плотную. Поэтому нам приходится брать во внимание другие факты.

По имеющимся письменным данным от времени III династии Ура и династии Ларсы, слоновая кость ввозилась в южное Двуречье через остров Тельмун (ныне остров Бахрейн в Персидском заливе)¹⁵. При последнем царе III династии Ура упоминается уже не остров Тельмун, а страна Маган, как область, откуда ввозились слоновая кость, медь и благовония¹⁶. Мы вынуждены оставить в стороне вопрос о стране Маган, с которой южное Двуречье имело в те времена оживленные связи, откуда в числе прочих материалов шла и слоновая кость, так как мнения исследователей по этому вопросу расходятся.

Для нас важно другое: если уже в конце III тысячелетия до н. э. южное Двуречье ввозило слоновую кость, значит сирийская слоновая кость сюда или вовсе не попала или попадала в весьма ограниченном количестве. В противном случае бивень слона, доставленный через Персидский залив, не имел бы там распространения. Совершенно очевидно, что сирийская слоновая кость в конце III тысячелетия до н. э. и начала II тысячелетия до н. э. не поступала в южное Двуречье в большом количестве. За исключением данных, трудно проследить это проникновение слоновой кости на запад и на юго-запад от районов, где водился слон, но, вероятно, слоновая кость из области, которая принадлежит Сирии, распространилась и на запад и на юг, а следовательно могла попасть и в Беэршеба. Но бивень слона, найденный в Беэршеба, мог быть и египетского происхождения. Хотя данные о ввозе слоновой кости в Палестину из Египта в IV тысячелетии до н. э. отсутствуют и в Маади (самое се-

¹⁴ См. X. А. Кинк, *Слоновая кость в древнейшем Египте*, — ВДИ, 1962, № 3, стр. 140, прим. 45.

¹⁵ A. L. Oppenheim, *The seafaring merchants of Ur*, — JAOS, vol. 7, [1954], pp. 6—17.

¹⁶ L. Legrain, *Ur excavations Texts*, vol. III, 751, p. 13.

верное додинастическое поселение), через которое, вероятно, проходила одна из дорог на Синай и далее на север, не сохранилось никаких предметов из слоновой кости, и в других местах северной части Верхнего Египта также найдено чрезвычайно мало изделий из этого материала, — мы вправе допустить, что слоновая кость могла проникнуть на север и по другому пути — из южного Египта через Вади-Хаммамат к Красному морю и далее на Синай и в южную Палестину.

Почва Передней Азии сохранила нам очень мало изделий из бивня слона. На основании этого скудного материала мы можем сказать лишь, что резьба по слоновой кости имела распространение в Передней Азии, но она не достигла здесь такого широкого развития, как в Египте в додинастическое время и в период Раннего царства, когда из бивня слона изготавливались помимо предметов обихода и украшений даже орудия¹⁷. Поэтому мы считаем совершенно недопустимой мысль о заимствовании Египтом из Передней Азии каких бы то ни было навыков в резьбе по слоновой кости. У нас нет также никаких оснований для предположения о ввозе слоновой кости из Передней Азии в Египет в IV и начале III тысячелетия до н. э., так как в Египте ее было в достаточном количестве.

ВЕРБЛЮД В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

В работах по изучению наскальных рисунков Египта довольно часто встречаются замечания о том, что изображения верблюда на наскальных рисунках являются вехой для их поздней датировки, так как, по мнению некоторых исследователей, в древнем Египте верблюд не водился¹. Разные авторы по-разному датировали наскальные рисунки с изображениями верблюда, относя их то к персидскому времени, то к римскому

¹⁷ Сирийский слон является разновидностью индийского. Поэтому можно предположить, что сирийский слон, подобно своему индийскому сородичу, имел особенность, заключающуюся в том, что бивни имели лишь слоны-самцы. Кроме того, сирийский слон, судя по двум изображениям (в гробнице Рехмере и на рельефе Салмапасара III) был много меньше африканского. Соответственно меньше у него был и бивень. Ввиду этих двух обстоятельств можно считать, что количество слоновой кости, получаемое при охоте на сирийского слона, было значительно меньше, чем при охоте на слона в Африке, и в частности в Египте.

¹ H. Breuil, *Le gravures rupestres du Djebel Ouemat*, — «Revue scientifique», 1928, № 4, p. 106; A. E. Robinson, *A rock-pictures*, — «African society journal», London, vol. 33, 1934, pp. 353—360; Робинсон считал, что рисунки с изображением верблюда надо датировать временем не ранее III века до н. э., и подвергал сомнению правильность сведений о верблюде у персов Камбиза во время их похода в Египет (A. E. Robinson, *Rock-drawings*, — «Man», vol. 34, 1934, № 44, p. 32; O. Parker and C. Burkett, *Rock-engravings from Onib, Wadi Allaki, Nubia*, — «Man», vol. 32, 1932, № 297, pp. 249—250. H. Winkler, *Rock-pictures at Uweinat*, — «Geographical journal», vol. XCIII, 1939, p. 308).

в зависимости от того, к какому времени автор относил появление верблюда в Египте. При ближайшем, однако, изучении вопроса оказывается, что в Северной Африке, в том числе и в Египте, в древнейшие времена верблюд был известен. К находкам, рассмотренным Шарффом, со временем стали прибавляться новые данные². При раскопках в Фаюме³ была обнаружена веревка из верблюжьей шерсти, датированная временем III и IV династии. В дальнейшем выяснилось, что верблюд был известен и в додинастическое время в Египте, а также в Северной Африке. Так, в Маади была найдена вылепленная из глины голова верблюда⁴, по своему виду очень похожая на глиняные головки, найденные в Иераконполе⁵ и в Абидосе⁶, датируемые временем I и VI династии. На пластинке из Гурне⁷ изображен верблюд с наездником. Сосуд от Раннего царства⁸, хранящийся в Берлине, представляет собой лежащего верблюда. Наскальный рисунок в Центральной Сахаре может быть отнесен к этой же группе находок. По мнению Капо-Рейя, он выполнен слишком хорошо для того, чтобы быть датированным временем берберо-либийским, так как наскальные рисунки этого времени (нашей эры) в Северной Африке отличаются необычайным схематизмом. Кроме того, автор отмечает на рисунке весьма темный цвет патины, что также при известных условиях говорит в пользу большей древности рисунка. Поскольку Капо-Рей датирует самые древние рисунки на скалах в Сахаре временем не ранее неолита, то его датировка данного изображения верблюда не противоречит выводу о том, что это животное было известно и в додинастическом Египте⁹. Найдены и костные остатки верблюда. Часть из них не датируется достоверно¹⁰, а недавно сделанные находки костей верблюда в Хелване датируются временем I династии¹¹.

² «Die archaologische Ergebnisse des vorgeschichtlichen Gräberfeldes von Abusir el-Melek nach der Aufzeichnungen G. Möllers bearbeitet von A. Scharff», Leipzig, 1926 (далее — Abusir), S. 40—41.

³ G. Caton-Thompson, *The camel in dynastic Egypt*, — «Man», vol. 34, 1934, p. 21.

⁴ M. Amer and O. Menghin, *The excavations of the Egyptian University in the neolithic site at Maadi (first preliminary report)*, Cairo, 1932, pl. XX₂₋₃.

⁵ J. E. Quibell and W. F. Green, *Hierakonpolis*, pt II, London, 1902, pl. LXII₂.

⁶ W. M. Fl. Petrie, *Abydos*, pt II, London, 1903, pl. X₂₂₄.

⁷ H. Epstein, *Le dromadaire dans l'Ancien Orient*, — «Revue d'histoire des sciences et de leurs applications», Paris, 7, 1954, p. 248.

⁸ Abusir, S. 40, Taf. XXIV₂₀₉.

⁹ P. Капо-Рей, *Французская Сахара*, М., 1958, стр. 90.

¹⁰ G. Naguib, *The camel in Ancient Egypt*, — «The British veterinary journal», vol. 106, 1950, № 2, pp. 76—81; W. Helck und E. Otto, *Kleines Wörterbuch der Aegyptologie*, Wiesbaden, 1956, S. 167. Мюррей полагал, что до Старого царства верблюд существовал в Египте. Во времена строительства пирамид он по неизвестным автору причинам исчез из Египта и уже позже был введен в Египет персами из Азии (G. W. Murray, *Early camels in Egypt*, — «Bull. de l'Institut Fouoad I du Desert», Heliopolis, vol. I, [1952], № 1, pp. 105—106).

¹¹ Z. Saad, *Excavations at Helwan (1945—1947)*, — «Supplement aux ASAE», Cahier № 14, Le Caire, 1951, p. 38, pl. XLVIII_b, XLIX_{a, b}.

В Северной Африке (Тунис и Алжир) в плейстоценовых слоях (соответствующих по времени палеолиту) найдены окаменелые остатки верблюда¹², которые, однако, вопреки предположениям Чайлда¹³ не обнаруживают сходства с верблюдом, существовавшим позднее в додинастическое и в династическое время в Египте. По мнению Эпштейна, ископаемый верблюд вымер в Северной Африке по причине изменившихся климатических условий¹⁴. Верблюд, живший в Северной Африке с неолита, имел большое сходство с дромадером Аравии. Однако был ли он введен в Северную Африку из Аравии, как думает Эпштейн, или был введен из других стран Передней Азии, остается невыясненным¹⁵.

¹² Н. Epstein, *Le dromadaire dans l'Ancien Orient*, p. 251, n. 6.

¹³ Г. Чайлд, *Древнейший Восток в свете новых раскопок*, М., 1956, p. 13.

¹⁴ Н. Epstein, *Le dromadaire dans l'Ancien Orient*, p. 251, n. 8.

¹⁵ Брентъес полагает, что дромадер разводился в IV тысячелетии до н. э. в Палестине и в Аравии, откуда он и поступал в Двуречье и Египет. После IV и III тысячелетий до н. э., по мнению автора, дромадер исчез из обеих стран, ибо в нем не было надобности, и лишь с началом резкого увеличения сухости климата в начале I тысячелетия до н. э. вновь появился в Египте и Двуречье (В. Brentjes, *Das Kamel in Alten Orient*, — «Клю», Bd 38, 1960, S. 35).

ТАБЛИЦЫ

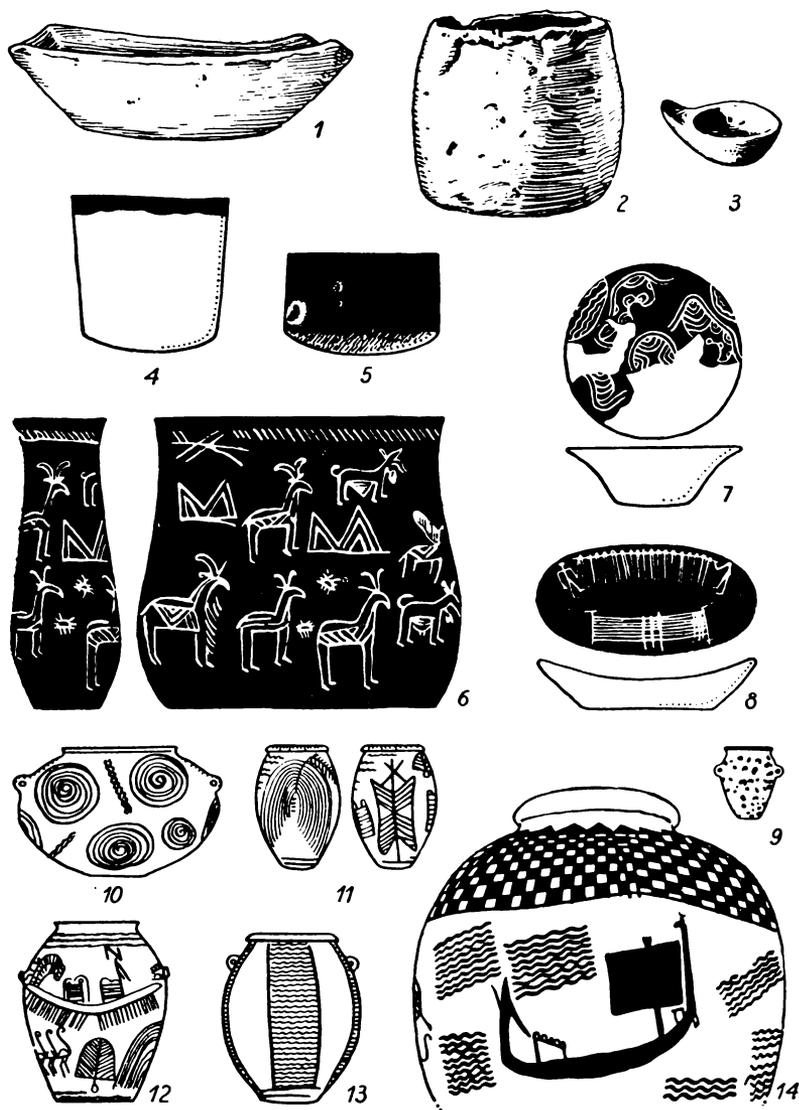

Табл. 1. Керамические сосуды:
 1—5 — грубо вылепленные сосуды (неол. вр.); 6—8 — темная керамика
 со светлой росписью; 9—14 — светлая керамика с темной росписью

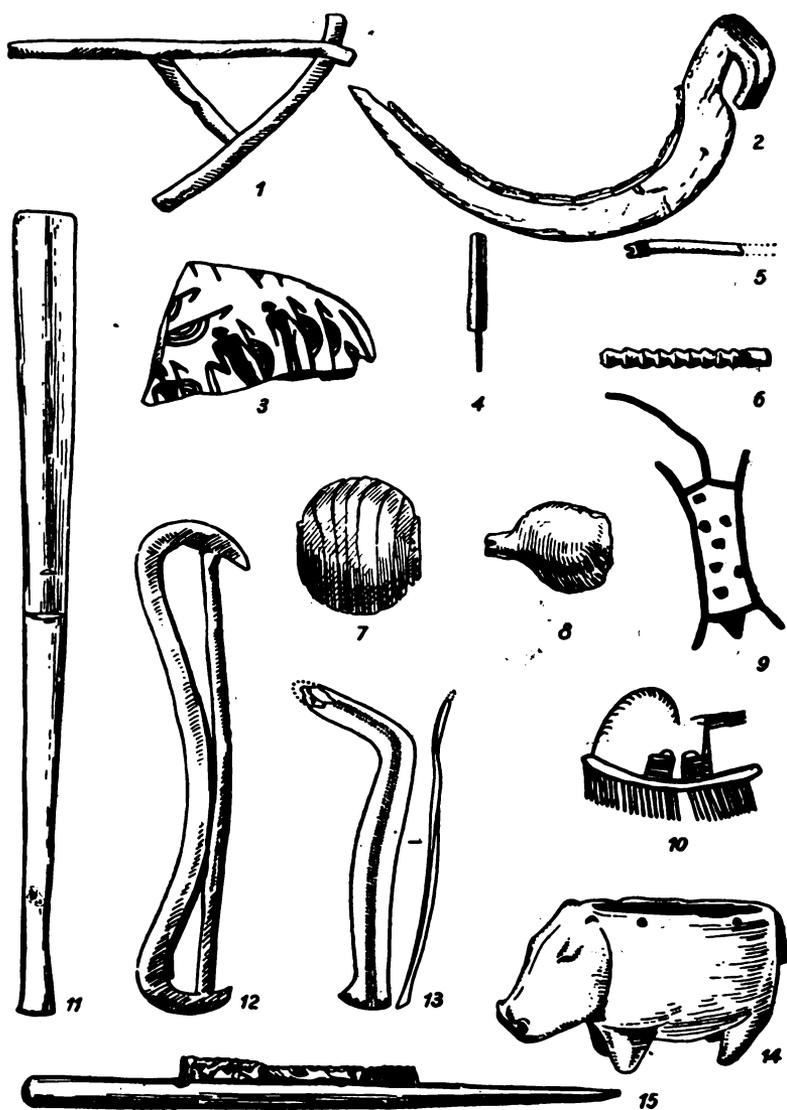

Табл. 2. Орудия и прочие изделия из дерева:
 1 — мотыга; 2 — серп (изогнутой формы) с кремневыми вкладышами
 времени I династии; 3 — фрагмент керамики с изображением охотников
 с гарпунами; 4 — медное орудие с деревянной рукояткой; 5 — древко
 стрелы; 6 — резная шпилька; 7 — крышка сосуда; 8 — ложка; 9 — щит;
 10 — многовесельная ладья; 11 — палица; 12 — лук; 13 — бумеранг (ба-
 дар. вр.); 14 — сосуд в форме бегемота; 15 — прямой серп (неол. вр.)

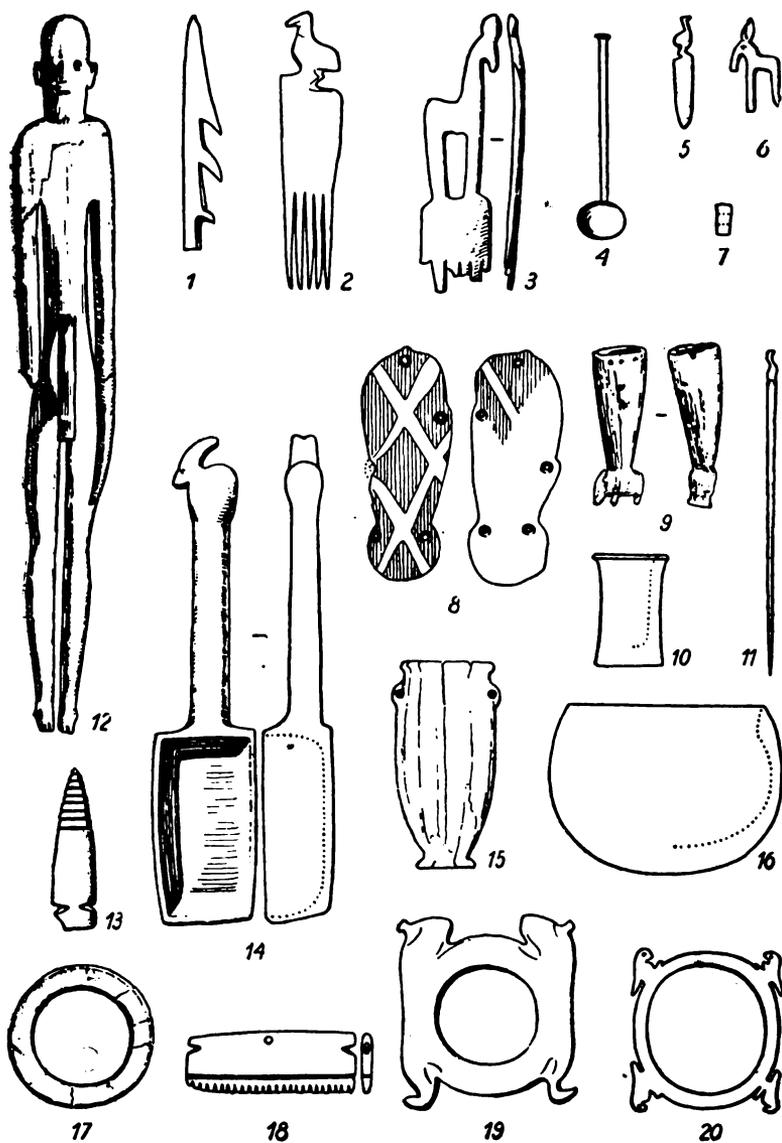

Табл. 4. Орудия и прочие изделия из слоновой кости: 1 — наконечник гарпуна; 2—3 — гребни; 4 — туалетная ложечка; 5 — резная шпилька; 6 — фигурка осла (?); 7 — бусинка; 8 — модели сандалий; 9—10 — сосудики для хранения козметических снадобий; 11 — шпилька с украшением наверху; 12 — мужская фигурка; 13 — втулка-пробка (?); 14 — туалетная ложечка (бадар. вр.); 15—16 — сосуды; 17 — браслет; 18 — гребень-подвеска; 19—20 — резные кольца-браслеты.

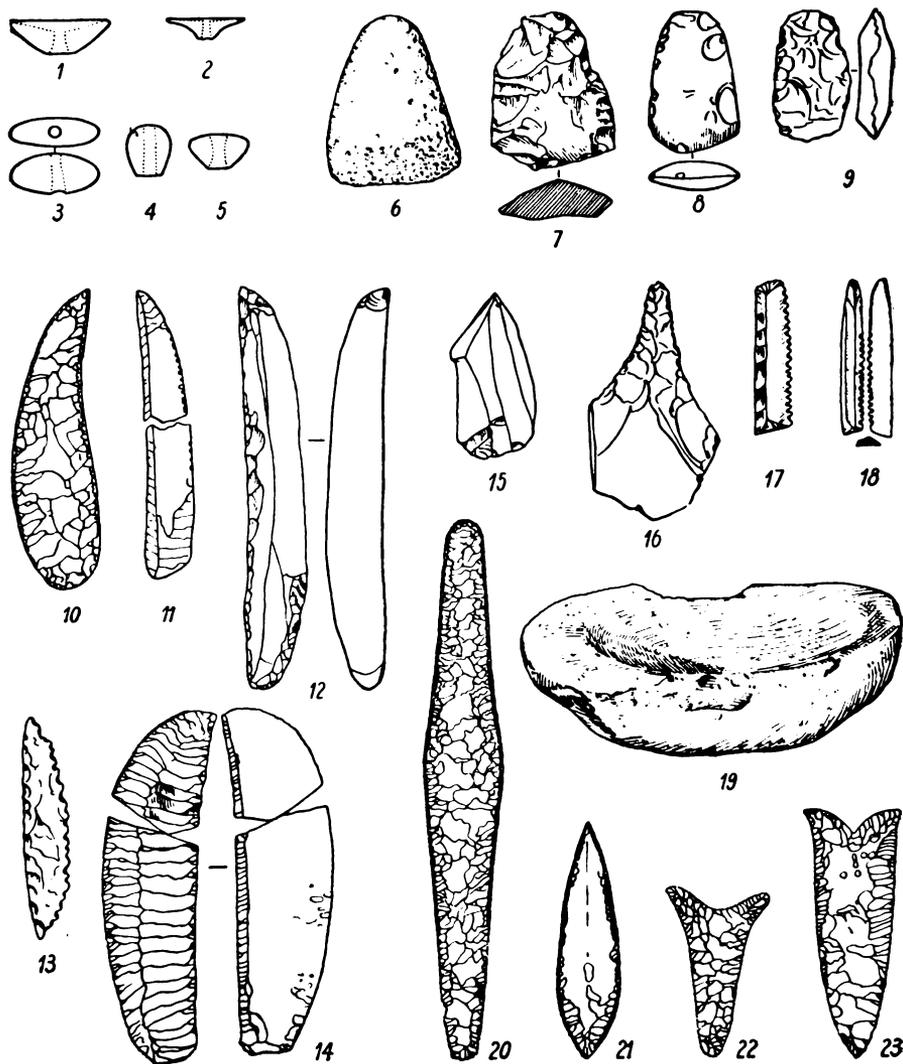

Табл. 5. Неолитические и додинастические орудия из камня:
 1—5 — наконечники булавы; 6 — шлифованный топор (неол. вр.); 7 — топор (неол. вр.); 8 — шлифованный топор со следами оббивки; 9 — кремневый топор-тесло; 10—14 — Кремневые ножи; 15 — кремневый резец; 16 — кремнево-орудие для копья (?); 17—18 кремневые вкладыши серпов; 19 — зернотерка из гранита, 20 — кремневый кинжал; 21—23 — кремневые лезвия

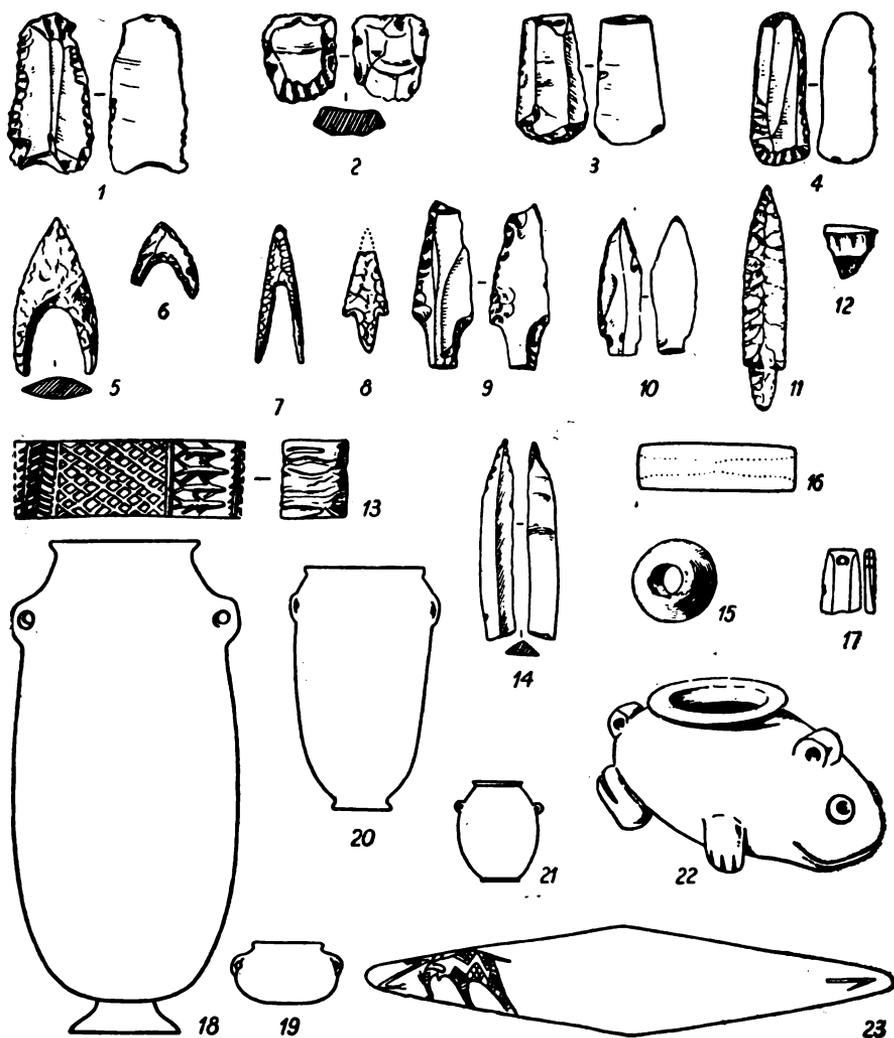

Табл. 6. Неолитические и додинастические орудия
и другие предметы из камня:

1—2 — кремневые скребки; 3—4 — кремневые ножички-бритвы; 5—6 — кремневые наконечники стрел (неол. вр.); 7—12 — кремневые наконечники стрел; 13 — цилиндр; 14 — кремневое сверло-проколка; 15 — каменное пряслице; 16 — бусинка; 17 — обсидиановая подвеска; 18—21 — каменные сосуды; 22 — сосуд в форме лягушки; 23 — ромбическая палетка для растирания косметических веществ

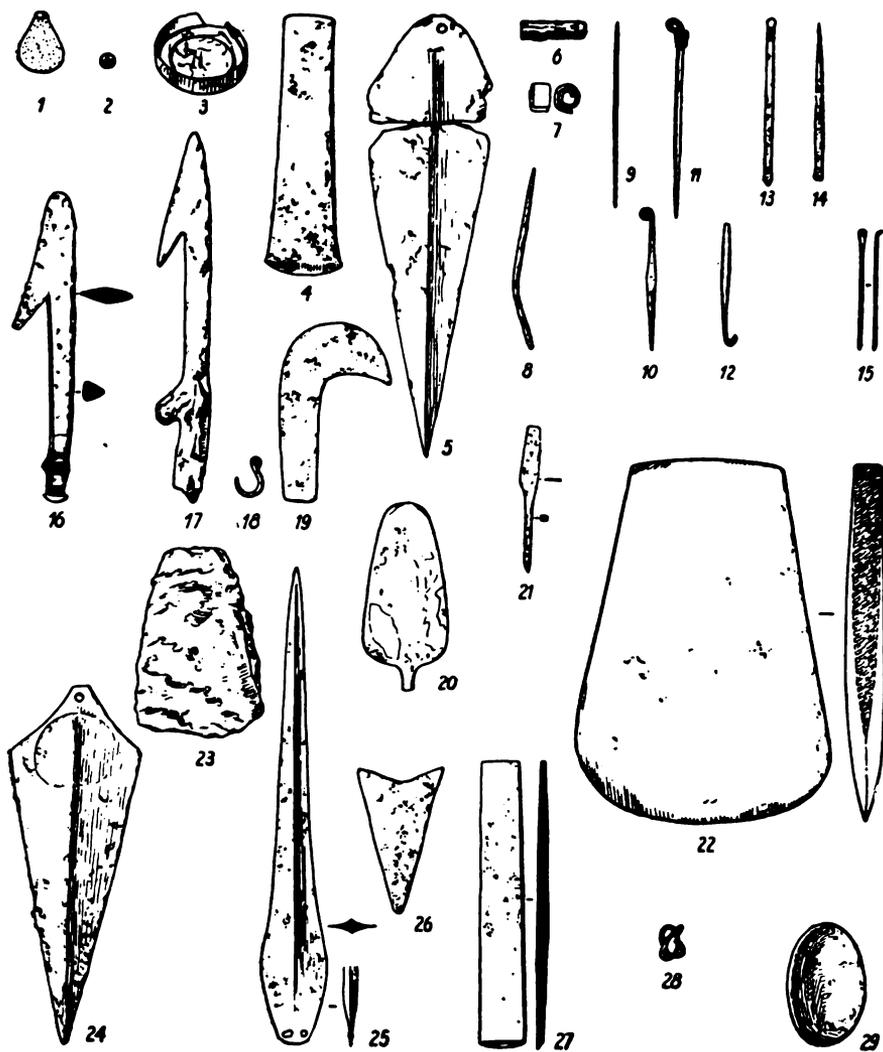

Табл. 7. Металлические орудия и прочие изделия:

1—золотая подвеска; 2—серебряная бусинка; 3—серебряная крышка к сосуду; 4—серебряное тесло; 5—серебряный кинжал; 6—бусина из метеорного железа; 7—медная бусинка (бадар. вр.); 8—медный стержень; 9—игла; 10—11—булавки; 12—крючок для плетения сетей; 13—15—резцы (долота); 16—17—наконечники гарпунов; 18—рыболовный крючок; 19—садовый нож (?); 20—свежежальный нож (?); 21—нож; 22—23—топоры; 24—25—кинжалы; 26—наконечник стрелы (копья) в форме рыбьего хвоста; 27—тесло; 28—медная проволока; 29—чашечка

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абиссинский банан 160
Абразив 66
Акация 7, 36, 39, 125
Алебастр 7, 64, 130
Алеппская сосна 48, 117
Алоэ см. Абиссинский банан
Аметист 64
Амазонит 133
Амулеты см. подвески, гребни-амулеты
Асфальт 8, 114, 117
- Базальт 64, 82
Берилл 64
Бирюза 64, 105—107
Браслет
— каменный 64, 81
— костяной 53, 186
— медный 102—103, 111
— роговой 49—50
— из слоновой кости 59, 187
Брекчия 72—73
Бритвы-ножички (кремневые) 69, 74, 189
Бронза 165
Булава
— грушевидная 23, 25, 71, 188
— дисковидная 71, 188
— круглая 71
— молотообразная 71
— шестигранная 71
Булавка медная 96, 97, 165, 190
Бумеранг 39—40, 44, 47, 156, 158, 185
Бурдюк 159
Бусы
— бирюзовые 105
— глиняные 90, 147
— деревянные 90
— железные 91, 190
— золотые 90
— каменные 64, 79, 81, 189
— костяные 53, 90
— из лазоревого камня 116
— медные 94, 102, 111, 190
— из раковин 161
— из рыбьего позвонка 159, 186
— серебряные 90, 190
— из скорлупы страусового яйца 158
— из слоновой кости 53, 187
— из сплава золота с медью 103
— стеатитовые 59, 95
- Веревка 43, 45, 72, 159, 161, 170
Веретено 148
Вика 154
Виноград 147
Втулки
— каменные 81
— костяные 52, 186
— роговые 52
— из слоновой кости 58, 187
- Глазурованные стеатитовые бусы 95
Гончарный круг 110, 147
Горн 95, 165
Гранит 7, 64, 65, 79
Граувакка 7, 35, 37, 40, 43, 59, 61, 64, 81, 82, 122, 169
Гребни
— деревянные 46
— костяные 53, 57, 186
— роговые 49—50
— из слоновой кости 57—58, 123, 187
Гребни-амулеты
— костяные 53, 186
— из слоновой кости 58, 187
Грузило для рыболовных сетей 79
Гуммиарабик 161
- Дерево-огниво 39
Деревянный сосуд-шкатулка 46, 185
Диорит 7, 64

Добыча меди 103—104, 106—107
Долерит 64
Долото см. резцы
Долотообразные костяные орудия 52
Древнеегипетская письменность 128—129
Древесный уголь 38, 48
Древко
— к стрелам 39, 44, 185
— к копьям 44
— к гарпунам 44—45

Жадент 126

Железо 91, 165

— метеорное 92—93

— самородное земное 92

Животные (млекопитающие)

— антилопа 37, 54, 58, 149, 152, 156—158

— бегемот 156—157

— берберийская овца 151

— бык дикий 156

— верблюд 129, 132, 138, 178, 181—183

— газель 37, 156, 158

— гепард 149

— гиена 150—156

— гиеновая собака 122, 156, 173

— дикобраз 156

— жирафа 7, 37, 123, 156

— заяц 158

— ихневмон 156

— коза 19, 28—29, 36—37, 149—151, 153—154

— кошка 149—150, 155

— лев 124, 156, 173, см. палетка „охоты на льва“

— лисица 156

— овца 7, 19, 28—29, 149—153

— осел 138, 149—150, 154—155, 187

— рогатый скот (крупный) 58, 149—153, 169

— свинья 149—150, 152, 154

— слон (африканский) 7, 36—37, 61—63, 123, 157, 181, 189

— слон (сирийский) 177—181

— собака 144—150, 155—156

— шакал 156

Жилище 7, 20, 35, 39, 48, 52, 81, 143, 157, 159, 161, 168, 171

Заклепки-гвозди 102, 109

Закром см. хозяйственная яма

Земноводные

— крокодил 157

— черепаха 157

Зернотерка 7, 79, 146, 188

Змея 123—125, 157

Золото 7, 61, 87—88, 90

— самородное 93

Золотая обшивка

— бус 43, 56, 90

— концов лука 89

— рукояток ножей 89

Ива 36

Иглы

— костяные 51, 97, 186

— медные 52, 97, 190

— из слоеной кости 56

Иглы-крючки (деревянные) 97, 160

Игры 81, 126—128

Известняк 64

Ирригация 142, 183

Камни для пращей 79—80

Камень-молот 64—65, 69—70, 80, 165—166

Каменные сосуды 10, 16, 17, 26, 29, 67, 81—82, 129—130, 134, 189

— в форме животных и птиц 129—131, 189

Кастаньеты (деревянные) 46

Кедр 48, 104, 117

Кварц 64

Кварцит 64, 66

Керамика

— амфорообразная 119

— с большой ручкой в виде петли 119

— грубо слепленная 25, 147, 184

— с вдавленным орнаментом 24

— с волнистыми ручками 31, 119—120, 124

— с маленькими ручками для продевания шнура 119

— с налпами в виде пуговиц 119

— с носиком для слива 119

— переднеазиатская 28, 112, 118—119

— расписная 10, 25—26, 28, 118, 184—185

— Сахары 24, 133

— черная с белым орнаментом 28

— черноверхая 10, 17

Кинжал

— кремневый 75, 109, 152, 188

— медный 75, 86, 101, 109—110, 152, 190

— серебряный 91, 190

Кипарис 48, 117

Клещевина 149

Клинки см. лезвия

Кобальт 92

Кольцо

- золотое 89
- медное 102, 111
- роговое 49—50
- серебряное 90
- из слоновой кости 69, 31, 187

См. также браслеты

Колотушки деревянные 44, 47, 165

Колчан для стрел 41

Корзины 7, 161

Костяные сосуды 52, 186

Кремневые вкладыши серпов 20, 22, 42, 78—79, 118, 143, 163, 185, 188

Крючки медные для плетения 98

Крючки рыболовные

- костяные 51
- медные 98, 110, 160, 190
- из раковин 160—161
- из слоновой кости 56, 98

Крышки к сосудам

- деревянные 46, 185
- медные 102
- серебряные 90, 190

Ладыя

- месопотамская 124—125
- многовесельная 39, 48, 185
- парусная 126
- папирусная 124, 161

Лазоревый камень 65, 104, 114, 116, 179

Лассо 156

Лезвия

- кремневые 24, 45, 75—76, 98, 108, 188
- обсидиановые 115

Лен 148

Листовая медь 103

Ложечки туалетные

- из граувакки 81
- деревянные 46, 185
- костяные 52
- медные 102
- серебряные 90
- из слоновой кости 57, 187

Лук для стрельбы 39, 41, 47, 147, 185

Лыко 46—47

- пальмовое 161

Малахит 64, 96, 104, 105, 107, 118, 161

Марганец 92, 107

Масло

- касторовое 149
- льняное 149

— оливковое 148

Медь самородная 8, 93—94, 163

Металлургия меди 7, 8, 10, 15, 38, 87, 93—95, 99, 100, 108—111, 164—165, 170

Моллюски 160

Мотыга

- деревянная 7, 39, 42—43, 47, 74, 143, 185

- каменная 42, 43, 73, 143,

Мышьак 92—93

Навершие булавы см. булава

Навоз (удобрение и топливо) 37, 143, 147

Наконечники гарпунов

- костяные 51, 160, 186
- медные 97—98, 110, 160, 190
- роговые 49, 160, 186
- из слоновой кости 56, 160, 185

Наконечники юпий кремневые 77, 108,

см. также наконечники стрел

Наконечники сверл (деревянные) 44

Наконечники стрел

- деревянные 39, 41, 47
- кремневые 47, 76—77, 108, 156, 189
- костяные 41, 51, 186
- медные 98, 108, 190
- из слоновой кости 56

Наскальные рисунки 7, 40—41, 45, 61—

62, 133, 150, 158, 175—177, 181—182

Нефрит 126

Нильский окунь 159

Нож

- кремневый 45, 47, 68, 71, 74—75, 99, 165, 188
- медный 47, 99, 108—110, 165, 190
- садовый 99, 190
- свежевальный 99, 152, 156, 190

Обсидиан 65, 114—116

Обработка кож 74, 83

Одежда

- льняная 148
- меховая 148—149

Оливковое дерево 148

Орудия-бифасы 24, 28, 70

Оселок 84

Отщепы 24, 69, 74, 80, 165

Очаг 81

Палетка

- деревянная 46
- каменная декоративная 82, 122, 123
- коршунов 31, 122—123, 173

- Нармера 159, 172—173
- «охоты на льва» 31, 40, 42, 73, 75, 122—124, 158, 173
- Пальма дум 35—36
- Палица 39—40, 47, 156, 185
- Папирус 7, 161
- Пемза 66
- Песчаник 64, 66, 79
- Петроглифы см. наскальные рисунки
- Печати-цилиндры см. цилиндры
- Печи для зерна 145—146
- Пила
  - кремневая 47, 69, 78
  - медная 47
- Пила-нож 78
- Пиление камня 66
- Пиление дерева 78
- Плетенки, плетения 33, 39, 146, 161
- Подвески
  - бирюзовые 105
  - золотые 89, 190
  - каменные 82
  - костяные 54
  - из лазурного камня 116
  - медные 102
  - обсидиановые 189
  - из слоновой кости 58
  - из раковин 161
- Подвеска-сосуд из слоновой кости 58
- Полба 143
- Полевой шпат 133
- Порфир 64
- Праща 79, 156
- Проволока
  - золотая 90
  - медная 102, 109, 190
- Проколка см. шило
- Пряслице
  - глиняное 79, 148
  - каменное 79, 148, 189
  - костяное 148
- Птицы
  - белый аист 158
  - гуси 149, 158
  - журавль 158
  - пурпурная цапля 158
  - страус 158
  - утки 149, 158
- Пчелиный воск 45, 118
- Пшеница 140—143, 145

- Разработка камня в карьерах 65
- Редис 147
- Резцы
  - кремневые 47, 78, 165, 188
  - медные 47, 86, 165, 190
- Ремни кожаные 45, 58, 159
- Роговая обманка 126
- Роговые сосуды 49, 186
- Рукоятки
  - деревянные 39, 45, 47, 185
  - костяные 52
  - из лыка 46
  - из слоновой кости 56
  - резные 31, 57, 122—124, 171—172
  - роговые 49

- Салат 147
- Сандалии 59, 159, 187
- Сверление камня 66
- Сверление дерева 73
- Сверло медное 66, 96
- Сверло-полумесяц (кремневое) 67
- Сверло трубчатое 66—67
- Светильник 84
- Свинец 88
- Серебро 88—89, 90, 93
- Сердолик 64
- Серп 29, 42, 47, 118, 148, 163, 173, 185
- Сети для рыбной ловли 79, 159—160
- Сидлер 36
- Сикомора см. тутовая смоковница
- Скрепки 74, 83, 162, 165
- Смолы 45, 117—118, 156
- Сосуды из слоновой кости 57, 187
- Стеатит 64
- Стенная роспись в Иераконполе 31, 40, 41, 122—123, 125, 172
- Строгание дерева 71
- Струйчатая ретушь 57, 75
- Ступка каменная 82
- Стручки акации 158, 161
- Сурьма 92

- Тамариск 7, 36—37, 72, 143, 147, 163
- Таблички для письма
  - деревянные 128
  - слоновой кости 128
  - эбенового дерева 128
- Тесло
  - каменное (в том числе и кремневое) 37, 45, 69, 101, 109, 165
  - медное 37, 47, 101, 109—110, 128, 165—166
  - серебряное 90, 190
- Тигель 75, 101, 166
- Ткань льняная 148
  - с росписью (из Гебелена) 173

Ткацкий станок 44, 148
Топорик боевой 83, 90
Топорик двойной 73
Топоры
— каменные (в том числе и кремневые) 7—9, 37, 45, 47, 71—72, 83, 100, 101, 109, 165, 188
— медные 37, 47, 72, 86, 99—101, 109—110, 124, 165—166, 190
Точка кремневых орудий 83—84
Туговая смоковина 36

Углубление 37, 62, 163
Унаби см. сиддер

Финиковая пальма 7, 35, 123

Халцедон 42, 64
Хижины см. жилище
Хозяйственные ямы 144—145
Художественные мотивы
— антитеза 121, 123
— две перевивающиеся шеи животных 141, 123—124
— лев, нападающий на рогатое животное 121, 124

Щепочка медная 103
Цилиндры 120—121
— каменные 81, 189
— из слоновой кости 58, 81

Цинк 92—93
Цинковки 7 см. плетенки

Чашечка
— деревянная 49
— медная 102, 190
Чечевица 147

Шерсть 152
Шерт 65
Шило
— деревянное 43
— костяное 50, 59, 186
— кремневое 78, 189
— медное 45, 52, 97, 102, 165
— из слоновой кости 55

Шлифование
— камня 67
— кости и слоновой кости 78
Шпатель костяной 52, 53, 186

Шпилька
— деревянная 46, 185
— костяная 53, 186
— из слоновой кости 58, 59, 187

Щит 39, 41—42, 47, 185
Щипцы медные 98—99, 109—110

Ядрище 69, 74, 80, 165
Ячмень 140—145
Ящерицы 157

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВДИ — «Вестник древней истории»
ИГАИМК — «Известия Государственной Академии истории материальной культуры»
СА — «Советская археология»
СЭ — «Советская этнография»
АЕ — «Ancient Egypt (and the East)», London
ASAE — «Annales du Service des Antiquités de l'Égypte», Le Caire
AZ — «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Leipzig—Berlin
BIFAO — «Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale», Le Caire
IEJ — «Israel exploration journal»
JAOS — «Journal of the American Oriental society»
JEA — «The Journal of Egyptian archaeology», London
JNES — «Journal of Near Eastern studies»
MDIK — «Mitteilungen des Deutschen Instituts für Ägyptische Altertumskunde in Kairo»
PSBA — «Proceedings of the Society of biblical archaeology», London

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5
Глава 1. Дерево	35
Глава 2. Рог, кость и слоновая кость	49
Глава 3. Камень	64
Глава 4. Металлы	85
Золото, серебро, железо и прочие металлы (кроме меди)	87
Орудия и другие изделия из меди	93
Глава 5. Египет и окружающие страны	112
Ввоз в Египет обсидиана, лазоревых камней и других материалов	114
О переднеазиатских заимствованиях	118
Значение связей додинастического Египта с соседними странами	131
Глава 6. Хозяйство додинастического Египта	140
Земледелие	140
Животноводство	149
Охота, рыболовство и собирательство	156
Заключение	163
Приложения	175
Наскальные рисунки Египта	175
О слоновой кости в Передней Азии	177
Верблюд в древнем Египте	181
Таблицы	184
Предметный указатель	191
Список сокращений	195

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
59	5 св.	und	und
104	6 св.		
116	7 св.	кремний	кремень

Цена 90 коп.

Henker